папской

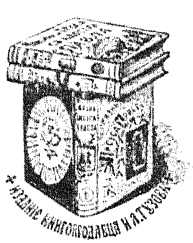
непогрѣшимости.

Изъ переписки
католическаго ученаго
съ русскимъ генераломъ.

А. А. Кирѣева.

Переводъ съ нѣмецкаго Е. Л.

Изданіе 2-е.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, № 45.
1905.

Въ книжномъ магазинѣ Н. Л. Тузова,

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45,

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Тренчъ. Чудеса Господа нашего Іисуса Христа. М. 1883 г., ц. 1 р. 30 к.

Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбран. изъ житій святыхъ. Съ 16-ю рис. акад. Ѳ. Г. Солнцева. Изд. 18 (5 иллюстрир.). Посвящ. церк.-прих. школ. Спб., 1899 г., ц. 80 к., съ перес. 1 р. 15 к. Въ кол. изящн. перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 15 к. *Мин. Нар. Просв. одобрена для пріобр. въ библ. средн. учебн. заведеній* 21 іюля 1894 г., № 14375. *Внесена въ списокъ книгъ для библіотекъ церк.-прих. школъ* (Церк. Вѣд. № 2, 1896 г.).

Ушаковъ А. Н. Сборникъ службъ, молитвъ и пѣснопѣній, употребляемыхъ при богослуженіяхъ въ православной церкви. Съ объясненіемъ непонятныхъ словъ и оборотовъ рѣчи на русскомъ языкѣ. Изд. 3-е. Спб., 1904 г., ц. 60 к., въ учебн. переплетѣ 75 к., въ коленкоровомъ 1 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Новый полн. пер. съ 30 англ. изд. А. П. Лопухина. 8 изд. (иллюстр. третье). Съ прилож. и примѣч. Со множествомъ великолѣпно исполн. иллюстрац. и съ прилож. раскраш. карты Палестины. Спб., 1900 г., ц. 6 р., въ роскошн. кол. пер. 8 руб.

— Жизнь Іисуса Христа. Нов. переводъ съ 30-го англійскаго изданія А. П. Лопухина. 7-е общедост. изд. Въ 2 ч. Съ прилож. 16 полит. на отдѣльн. листахъ и карт. въ текстѣ. Спб., 1899 г., ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.; въ изящ. перепл. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. *Одобр. для фунд. библ. средн. учебн. зав. вѣдом. Мин. Нар. Просв.* (21 іюля 1894 г., № 14375).

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Полный перев. съ послѣдняго англ. изданія А. П. Лопухина. Со множествомъ иллюстр. и съ прил. 4-хъ раскраш. картъ путешествій св. апостола Павла. Большой роскошно изданный томъ въ 4-ю д. л. Спб., 1901 г., ц. 8 р., въ роскошномъ коленк. перепл., съ зол. тисн. и обрѣз. 10 р.

— Жизнь и труды святаго апостола Павла. Перев. съ 19-го англ. изд. А. П. Лопухина. 3-е общед. изд. съ карт. въ текстѣ. Въ 2 ч. Спб., 1893 г., ц. 3 р., въ изящн. пер. 4 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для фунд. библ. средн. учебн. зав.* 21 іюля 1894 г., № 14375.

Фарраръ, Ф. В., Первые дни христіанства. Перев. съ посл. англ. изд. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ част., болѣе 1.000 стр. уборист. шрифта. Изд. 2-е. Спб., 1892 г., ц. 4 р., въ изящн. коленк. пер. 5 р. *Мин. Нар. Просв. одобр. для фундам. библ. средн. учебн. заведеній* 21 іюля 1894 г., № 14375.

— На зарѣ христіанства, или сцены изъ временъ Нерона. Историч. разсказъ. Пер. съ анг. А. П. Лопухина. Спб. 1901 г., ц. 3 р., въ кол. перепл. съ зол. тисн. 4 р. *Мин. Нар. Просв. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977 допущенное въ учительскія библіот. низшихъ училищъ и въ безплатн. народн. читальни и библіотеки.*

— Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Историч. разск. изъ врем. Свят. Іоанна Златоуста. Перев. съ англійск. А. П. Лопухина. Спб., 1897 г., ц. 3 р., въ коленкор. перепл. 4 р. *Мин. Нар. Пр. отъ 10—19 ноября 1901 г., за № 31977, допущено въ учительскія библіотеки низш. учил. и въ безпл. народн. читальни и библ.*

— Аллегоріи. Борьба добра со зломъ. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ изящн. кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ заведен. Министр.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Безхарактерность — причина многихъ бѣдствій. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійскаго Ф. С. Комарскаго. Въ 2 частяхъ. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. кол. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. средн. учебн. зав. Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Во дни твоей юности. Дух.-нрав. бесѣды. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1895 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 руб.

— Голосъ совѣсти. Бесѣды о нравственности. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р.

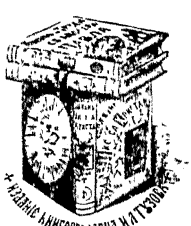
О папской непогрѣшимости.

Изъ переписки
католическаго ученаго
съ русскимъ генераломъ.

А. А. Кирѣева.

Переводъ Е. Л.

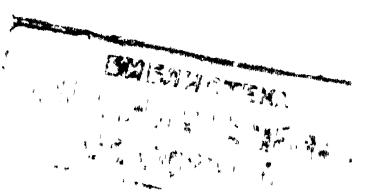
Изданіе второе.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дворъ, № 45.
1905.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется С.-Петербургъ, 28-го октября 1904 г

Цензоръ Архимандритъ **Меѳодій.**



27064

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Моимъ друзьямъ — старокатоликамъ.

Предисловіе къ переводу.

Происхожденіе полемики представляемой нынѣ на обсужденіе *русскихъ* читателей было случайное; но это, я думаю,—не уменьшаетъ важности затронутаго ею вопроса; именно—вопроса о *папской непогрѣшимости въ ея окончательномъ видѣ*—т. е. согласно опредѣленію Ватиканскаго собора 1870 г Для людей, непривыкшихъ вникать въ самый смыслъ историческихъ событій, внѣшняя жизнь народовъ (войны, революціи, смѣны династій и т. п.) представляетъ конечно болѣе интереса, нежели ихъ внутренняя, духовная жизнь, въ особенности жизнь ихъ церкви; они не понимаютъ, что именно въ жизни церковной, въ вѣрѣ народа и осуществляются его высшіе этическіе идеалы, что „внѣшняя" его жизнь, внѣшняя его исторія есть лишь затемненное случайностями отраженіе его внутренней духовной жизни, они не понимаютъ, что, не изучивъ послѣдней, нельзя понять и первой, что именно эта внутренняя жизнь нормируетъ, обусловливаетъ внѣшнюю, что она-то и представляетъ интересъ! Ежели бы можно было представить себѣ народъ, совершенно лишенный религіи, состоящій изъ однихъ атеистовъ (нашихъ нигилистовъ, коммюнаровъ и т. п.), то исторія такого народа могла бы представить извѣстный интересъ лишь въ качествѣ нѣкоей усовершенствованной, утонченной зоологіи, усложненной перечнемъ разныхъ техническихъ изобрѣтеній, усовершенствованій. Это была бы, по мѣткому выраженію Тэна

объ Америкѣ—de la barbarie éclairée au gaz (теперь уже—à l'électricité); и въ этомъ случаѣ остроумная выходка Тэна оказалась бы серіозной критикой. Нѣкоторымъ—такой взглядъ покажется можетъ быть устарѣлымъ, средневѣковымъ; мнѣ скажутъ, что теперь религіознымъ вопросамъ нельзя уже придавать такого значенія, какое имъ придавалось прежде, въ „темные" средніе вѣка, что вопросы эти, въ особенности въ Западной Европѣ, играютъ лишь второстепенную роль, что вліяніе ихъ постепенно умаляется, и наконецъ, что современная культура основывается уже не на религіи, а на *„точныхъ"* наукахъ [1]). Я очень далекъ отъ мысли уменьшать значеніе наукъ, въ особенности значеніе философіи, безъ которой всѣ остальныя являются лишь собраніемъ болѣе или менѣе интересныхъ или, въ буквальномъ смыслѣ, „полезныхъ" свѣдѣній. Не подлежитъ сомнѣнію, что и философія можетъ и должна имѣть вліяніе на образованіе идеаловъ того или другого народа, но вліяніе религіи—совершенно иного свойства. Философія можетъ указать намъ истину, выяснить ее, даже доказать намъ, что—слѣдовать ея указаніямъ—нашъ долгъ; я допускаю возможность построенія на умозрительныхъ основаніяхъ цѣлой этической системы, способной, въ теоріи, служить основаніемъ для дѣятельности человѣка; такую систему и создалъ Кантъ (Grundlegung zur Metaphysik der Sitten.), но и его этика, несмотря на всю ея глубину, ограничивается лишь *указаніемъ* истины, она объясняетъ намъ пути къ ней, она, въ этомъ главнѣйше и состоитъ заслуга великаго философа, доказываетъ намъ обязательность для насъ итти къ указываемой ею цѣли, (imperativum Categoricum), но и его философія не даетъ намъ, и не можетъ дать намъ *силъ*, *необходимыхъ для такого подвига*. Философскую этику можно сравнить съ

---

[1]) Это прилагательное обыкновенно присвоиваютъ наукамъ *опытнымъ*, т. е. именно наименѣе точнымъ!

очень сложнымъ и тонкимъ часовымъ механизмомъ, у котораго не достаетъ двигающей пружины; эту двигающую силу раціонализмъ не даетъ и дать не можетъ. На эту слабую сторону его, на его практическое безсиліе вести насъ къ цѣли, имъ самимъ иногда совершенно ясно опредѣляемой, и указывали наши славянофилы, искавшіе основанія для этической дѣятельности человѣка не въ одномъ его умѣ, но *во всей общности* человѣческихъ способностей, во *всей* его душѣ. Они сознали необходимость выдти изъ рамокъ чистаго раціонализма и съ особенной силой указали не только на теоретическое значеніе религіи для рѣшенія этической задачи человѣка, но (и въ особенности) на ея значеніе практическое. Всѣ усилія, сдѣланныя философіею послѣ Канта, вполнѣ подтверждаютъ этотъ взглядъ. Новѣйшаяже философія не можетъ рѣшить этической задачи даже и въ теоріи; понятіе долга (Pflicht) остается у нея совершенно невыясненнымъ, лишеннымъ всякаго основанія. Тѣмъ менѣе можетъ она дать человѣчеству ту силу, которая необходима для осуществленія нашихъ идеаловъ [1]). Эту силу даетъ намъ лишь одна вѣра, одна религія. Если Общество можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, обходиться безъ философіи, то безъ вѣры оно обходиться не можетъ. Отсюда — понятно великое, первенствующее значеніе церкви, значеніе ея судебъ и тѣхъ событій, которыя представляютъ собою поворотные пункты ея исторіи. Такимъ крупнымъ фактомъ, такимъ поворотнымъ пунктомъ мы конечно должны признать провозглашеніе Ватиканскимъ соборомъ непогрѣшимости папы, поставленной выше непогрѣшимости церкви, установленной Христомъ.

Насъ, православныхъ, событіе это затрогиваетъ очень

[1]) Да и самый идеалъ новой философіи не идетъ далѣе стоицизма съ отрицательной, пессимистической подкладкой, а идеалъ философіи матеріалистической ограничивается евдемонизмомъ и притомъ большею частью самаго низкаго босяцкаго разряда.

серьезно въ двухъ отношеніяхъ; съ одной стороны постановленіе Ватиканскаго собора, придавая римской догматикѣ вполнѣ логическую, законченную форму, еще болѣе обостряетъ наши отношенія къ католичеству, дѣлаетъ ихъ еще болѣе натянутыми; къ прежнимъ причинамъ отчужденія прибавляется новая, горшая, непреодолимая уже ни для какой снисходительности; съ другой стороны, это же самое постановленіе, доводя римскую догматику до абсурда, можетъ легко сдѣлаться для нея поворотнымъ пунктомъ, и возвратить ее на старый православный путь, съ котораго она свернула тысячу лѣтъ тому назадъ, и такимъ образомъ возстановитъ единство Христовой церкви. Понятно, сталобыть, что новый догматъ представляетъ величайшій интересъ не только въ отношеніи строго богословскомъ, но и въ обще-культурномъ и что онъ, поэтому, заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія.

Величайшее бѣдствіе, когда-либо постигшее человѣчество, есть, безъ сомнѣнія—великій церковный расколъ; отдѣленіе римскаго патріархата отъ остальныхъ четырехъ, и возгорѣвшаяся, вслѣдствіе этого, борьба между Востокомъ и Западомъ. Сколько силъ потрачено въ этой борьбѣ, и матеріальныхъ и нравственныхъ, силъ, которыя могли бы быть употреблены на благо человѣчества! Сколько крови пролито во имя Высшей Любви, сколько безумствъ совершено во имя Высшей Премудрости! И всего этого можно бы было избѣгнуть, ежелибы божественный элементъ, присущій церкви не былъ принесенъ въ жертву элементу человѣческому. Понятно, что вопросъ о возсоединеніи разрозненныхъ нынѣ церквей, объ этомъ величайшемъ, но до сихъ поръ тщетно ожидаемомъ счастіи, издавна занималъ лучшихъ людей Востока и Запада. Въ концѣ перваго тысячелѣтія, даже въ началѣ второго, было не особенно трудно возстановить церковное единство и остановить ростъ еретическихъ ученій Запада. Разница въ обрядахъ, во

внѣшнихъ формахъ допускалась изстари и не нарушала единства Вселенской церкви. Первенство Римскаго патріарха inter pares, знаменующее единство церкви, было безпрекословно признаваемо остальными, и самое filioque было тогда еще не догматомъ, а лишь частнымъ необязательнымъ мнѣніемъ, которое Западъ лишь стремился превратить въ догматъ; во всякомъ случаѣ относительно его можно было столковаться. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и отказъ Льва III внести его въ Символъ вѣры и переписка патріарха Фотія съ папой Іоанномъ VIII [1]). Къ несчастію, къ спору чисто богословскому примѣшались соображенія чисто человѣческія, эгоистическія и, вмѣсто примиренія, получалось еще горшее раздѣленіе. Тоже самое повторилось и при дальнѣйшихъ попыткахъ соединенія.

Что же надлежитъ дѣлать? И почему все сдѣланное до сихъ поръ не дало ожидаемыхъ результатовъ? Ко-

[1]) Мнѣ кажется, что даже и теперь было бы не особенно трудно придти къ соглашенію относительно filioque, и къ устраненію его изъ символа, если бы западные христіане отказались отъ своего тщеславія, непозволяющаго имъ сознаться въ своей ошибкѣ. Дѣйствительно, что хотятъ выразить словами „filioque?" Зачѣмъ понадобилось измѣнять Символъ вѣры, и исправлять будто бы не довольно полное и ясное изреченіе Христа? Вѣдь и самые западники утверждаютъ, что это выраженіе не должно нарушать коренной истины *единства источника* (въ св Троицѣ). Что же означаетъ filioque? Посланіе Св. Духа Христомъ во времени? Да противъ этого никто не споритъ! Равенство власти лицъ Св. Троицы? полную ихъ солидарность? да и съ этимъ всѣ согласны! Во всякомъ случаѣ, какое бы ни было, весьма впрочемъ не ясное понятіе, которое желаютъ выразить словами „filioque", его слѣдовало бы выразить какъ-нибудь иначе, но никакъ не „filioque", указывающимъ на двойственность начала божества, и уже ни въ какомъ случаѣ не вводить въ Символъ. Замѣчательно, что даже и теперь древняя, православная, форма не всюду изгнана изъ римскаго богослуженія такъ напр въ Missale romanum Feria tertia post Pentecost Com Ioan 15. 16, 17: Spiritus, qui a Patre procedit, alleluia ille me clarificabit allel. etc.

нечно не на нѣсколькихъ страницахъ краткаго предисловія можно дать отвѣтъ на такіе вопросы. Я замѣчу лишь слѣдующее: приступая къ столь важному дѣлу какъ возстановленіе единства Церкви, необходимо выбросить изъ ума и сердца всѣ личныя, эгоистическія, человѣческія соображенія и цѣли; далѣе: должно заботиться лишь объ уничтоженіи розни *догматической*, (въ этомъ отношеніи нельзя дѣлать никакихъ уступокъ) не останавливаясь на разностяхъ въ богословскихъ мнѣніяхъ, въ обрядахъ, въ устройствѣ Церкви, въ ея бытѣ, вообще на внѣшности, дорогой лишь тѣмъ, которые не въ состояніи подняться до пониманія духовной стороны вѣры; всѣмъ этимъ нисколько не нарушается единство. Эти элементарныя истины постоянно забывались и ни одна изъ попытокъ возсоединенія не привела къ желаемому результату. Лишь на послѣднихъ съѣздахъ (конгрессахъ) Старо-Католиковъ съ Православными дѣло было поставлено совершенно правильно; переговоры велись только о догматахъ, и конечно никакія личныя эгоистическія соображенія не затемняли дѣла Церкви. Политика, столь пагубно вліявшая на соборы въ Ліонѣ, Флоренціи и Брестѣ, была конечно устранена изъ программы, да и по самому существу дѣла не могла въ ней быть, вѣдь собирались не Нѣмцы или Французы, Русскіе или Греки, а — Христіане, и хлопотали они не о первенствѣ, не о превозношеніи себя передъ другими, не о пріобрѣтеніи новыхъ подчиненныхъ и рабовъ, а исключительно о правдѣ Божіей. И то, чего можно было достигнуть усиліями частныхъ людей, съ помощію Божіей, и достигнуто! Вѣроисповѣдныя разности между церквами Востока и Запада выяснены; соглашеніе по спорнымъ вопросамъ состоялось, по крайней мѣрѣ настолько, что въ послѣднемъ катихизисѣ, изданномъ швейцарскими старо-католиками (1889 г.) между нами и ими разностей не оказывается. Пути Господа неисповѣдимы; нельзя сказать, что еще предстоитъ пережить

старо-католицизму, выдержавшему такую тяжкую борьбу за свое существованіе... но нельзя не сознаться, что намъ, православнымъ, слѣдовало бы отнестись къ старокатоликамъ съ меньшимъ равнодушіемъ, нежели до сего времени. Можно сказать утвердительно, что при малѣйшей помощи (говорю о помощи нравственной) со стороны нашей *Церкви*, при малѣйшемъ ея вниманіи — вопросъ о соединеніи съ старо-католиками, съ тѣмъ, что есть лучшаго въ Западной церкви станетъ на совершенно твердую практическую почву! И многаго ли они просятъ?—*вниманія!* Болѣе двадцати лѣтъ протягиваютъ къ намъ старо-католики свои руки — неужели мы имъ не отвѣтимъ, дадимъ имъ камень вмѣсто хлѣба? Впрочемъ, о старо-католическомъ движеніи уже упоминается въ послѣднемъ отчетѣ г-на Оберъ-Прокурора Св. Синода. Это даетъ право надѣяться!.. [1])

Я сказалъ, что новая непогрѣшимость папы представляетъ непреодолимое препятствіе [2]) для возсоединенія между нами и римскими католиками (инфаллибилистами). Это сознаютъ сами Римскіе католики, это понимаютъ и у насъ всѣ тѣ, которые заодно съ Римомъ, стараются подчинить нашу церковь Папѣ. Поэтому всѣ ихъ заботы направлены къ тому, чтобы умалить значеніе новаго догмата, затемнить его, замаскировать. Такъ дѣйствуютъ всѣ. Напр. В. С. Соловьевъ, авторъ „La Russie et l'Eglise Universelle“ повидимому серіозно старается доказать, что новый догматъ 1870 года совсѣмъ не новъ и былъ уже примѣненъ къ жизни церкви Ап. Петромъ (отвѣтившимъ Христу ранѣе другихъ Апостоловъ—„Ты сынъ Бога живаго“). Не подлежитъ сомнѣнію, что, отвѣчая такимъ образомъ, Святой Апостолъ высказалъ непреложную, неотмѣнимую (irreformabi-

[1]) Къ сожалѣнію и понынѣ дѣло не подвинулось (примѣчан. 1904 года).

[2]) Да и для всѣхъ мыслящихъ католиковъ она служитъ камнемъ преткновенія и соблазномъ

lem) истину; но вѣдь тоже самое дѣлаетъ напр. и всякій ученикъ, отвѣчающій скорѣе своихъ товарищей на какой нибудь вопросъ изъ катихизиса! Но, вѣдь, высказать одну изъ коренныхъ истинъ откровенія, несомнѣнно и безусловно вѣрную и быть самому непогрѣшимымъ далеко не одно и тоже; ватиканская definitio говоритъ совершенно другое. Такими объясненіями отъ крѣпкой редакціи отцевъ Іезуитовъ не отдѣлаешься! Къ тому же пріему прибѣгаетъ и авторъ книги „о Церкви“: она тоже старается свести „на нѣтъ“ непогрѣшимость 1870 года, увѣряя, что эта непогрѣшимость та же самая приматіальная власть, которою издавна пользовался римскій Патріархъ; но развѣ можно серіозно утверждать, что учить авторитетно тоже самое, что учить непогрѣшимо!? Нѣтъ—die Sache lasst sich nicht so leicht abphilosophiren! и хотя авторъ La Russie et l'Eglise universelle и увѣряетъ Папу, что сто милліоновъ русскихъ готовы предъ нимъ преклониться, но едва ли полномочія, которыя по его словамъ дала ему Россія, достовѣрны и законны!

Точно такъ же старается свести „на нѣтъ“ догматъ 1870 года и мой почтенный оппонентъ-патеръ Х., конечно онъ дѣлаетъ это съ большей опытностью и осмотрительностію.... Насколько это ему удалось предоставляю судить читателямъ.

Но есть и иной еще способъ дѣйствій, дабы побудить насъ къ уступчивости. Инфаллибилисты стараются отвлечь наше вниманіе отъ соблазнительнаго догмата и поставить все дѣло нашихъ отношеній къ Риму, на иную почву. Одинъ патеръ, очень умный и пользующійся у Куріи большимъ авторитетомъ, посѣтилъ недавно Россію (кажется съ цѣлью устроить у насъ Нунціатуру [1]). Я съ нимъ видѣлся; послѣ продолжитель-

---

[1]) Судя по не давнимъ телеграммамъ нѣчто подобное дѣйствительно устраивается?

наго разговора о догматахъ и преимущественно о послѣднемъ, 1870 года, онъ мнѣ сказалъ: „Да что вы такъ упрямо стоите на этихъ догматахъ, на этой непогрѣшимости!? Развѣ вы не понимаете, что все это лишь одна теорія, а время ли теперь заниматься теоріями! до того ли! Всѣмъ намъ, христіанамъ, слѣдуетъ соединиться и обратиться къ рѣшенію практическихъ задачъ; ручаюсь вамъ, что Папа и не думаетъ пользоваться признаннымъ за нимъ правомъ провозглашенія догматовъ. Его Святѣйшеству не до того!..“ Да! а поддайтесь, и ваша душа—въ плѣну, въ рабствѣ! Мнѣ было говорено и слѣдующее: „Вы видите, какъ у васъ идутъ дѣла; вы не можете не понять, что при теперешнихъ вашихъ порядкахъ (коренящихся въ реформахъ Петра Великаго), никакое серіозное исправленіе дѣлъ невозможно. Ваши автокефальныя церкви идутъ въ разбродъ и, разобщенныя между собою, *подпадаютъ подъ вліяніе мірской власти* (въ особенности тамъ, гдѣ при вашемъ же содѣйствіи, заведенъ парламентаризмъ) припомните разводъ Короля Милана, посмотрите, что дѣлается въ Болгаріи—да и въ одной ли Болгаріи! Гдѣ ваше единство? гдѣ ваша жизнь, гдѣ ваши вселенскіе соборы, которыхъ, вопреки ученію Церкви и канонамъ, болѣе одиннадцати столѣтій, вы не рѣшаетесь созвать? (да и не смѣете созвать безъ Папы). Пользуются ли ваши Епископы достаточной свободой, должнымъ авторитетомъ? Гдѣ же вамъ найти спасеніе какъ не у ногъ римскаго первосвященника. *Дайте намъ освободить васъ,* время ли разсматривать хорошъ ли или дуренъ вашъ освободитель, нѣтъ ли и за нимъ какихъ либо грѣховъ, и вполнѣ ли тверды собственныя его права; *права эти мы разсмотримъ впослѣдствіи, на досугѣ!*“ Пріемъ этотъ не лишенъ ловкости. Не подлежитъ сомнѣнію, что экстерриторіальность Папы даетъ ему серіозныя преимущества, которыхъ мы лишены. Онъ конечно можетъ легче протестовать противъ захватовъ

мірской власти, нежели какой нибудь православный Патріархъ или Синодъ. Онъ болѣе обезпеченъ и въ отношеніи своей личности; Пій VII просидѣлъ довольно долго въ Фонтенбло плѣнникомъ Наполеона I, а Патріархъ Григорій казненъ позорной смертію; но не должно забывать, при этомъ, одного очень важнаго обстоятельства: права церкви могутъ быть нарушены не только мірской властію, но, (именно при той организаціи, которая дана Римско-Католической Церкви), *и самимъ Папой;* не подлежитъ сомнѣнію, что мірская власть, которою пользовался Папа, его экстерриторіальность помогли ему стать выше всякаго контроля, дали возможность придумывать новые догматы и дѣлать ихъ обязательными для всей Западной Церкви; и раны, нанесенныя Церкви Христовой Піемъ IX гораздо хуже тѣхъ, которыя нанесъ ей хотя бы Іоаннъ Грозный, въ лицѣ Митрополита Филлипа, или Аркадій въ лицѣ Іоанна Златоустаго.

Нѣтъ, не у ногъ Папы должны мы искать исцѣленія отъ нашихъ недуговъ; что недуги существуютъ—это несомнѣнно, отрицать это было бы смѣшною и жалкою ложью. Человѣческій элементъ нашей церкви какъ все человѣческое, подверженъ недостаткамъ, но *элементъ божественный въ ней не поколебленъ*, и именно въ немъ, и въ своей собственной правдѣ должна наша Церковь искать источника для своего исцѣленія отъ *преходящихъ и временныхъ, хотя бы и тяжкихъ* болѣзней! *и она исцѣлится, но не внѣшними средствами, а своею собственною благодатью*!

Считаю нужнымъ упомянуть о нѣкоторыхъ, дошедшихъ до меня, упрекахъ по поводу моего труда, упрекахъ впрочемъ формальнаго характера. Меня упрекнули за нѣкоторыя повторенія, встрѣчающіяся въ моей брошюрѣ. — Но это зависитъ отъ ея формы, и почти неизбѣжно при обмѣнѣ полемическихъ писемъ; далѣе мнѣ было замѣчено, что я напечаталъ письма моего оппо-

нента въ извлеченіяхъ, а не цѣликомъ, но всѣ эти извлеченія были предварительно показаны самому автору и были имъ одобрены. Настоящій же переводъ нашей полемики сдѣланъ человѣкомъ, владѣющимъ вполнѣ нѣмецкимъ языкомъ, и письма Патера X не подверглись никакимъ извращеніямъ. Наконецъ меня упрекнули въ томъ, что я часто употребляю выраженіе „etiam sine consensu Ecclesiæ" вмѣсто оффиціальнаго non autem ex consensu Ecclesiæ; обвиненіе это справедливо, но, употребляя выраженія etiam sine, я не имѣлъ „злого умысла"; во первыхъ тамъ, гдѣ я привожу настоящій текстъ опредѣленія (Constitutio dogmatica), я его привожу въ оригиналѣ, т.-е. „non autem", притомъ выраженіе „ etiam sine...." нисколько не сильнѣе текстуальнаго „non autem", скорѣе наоборотъ, но оно какъ то вошло въ употребленіе и встрѣчается и у инфаллибилистовъ. Тоже самое произошло напр. со словами „infallibilitas", „infalibilis"; ихъ нѣтъ въ конституціи (оффиціальное выраженіе—irreformabilis), но и они вошли во всеобщее употребленіе.

А. Кирѣевъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Догматъ личной Папской непогрѣшимости, провозглашенный на Ватиканскомъ соборѣ, хотя и возбудилъ горячіе протесты среди самихъ римско-католиковъ, не только удержался въ римско-католической догматикѣ, но даже, силою вещей, сдѣлался ея краеугольнымъ камнемъ.

Правда, наиболѣе просвѣщенные римско-католическіе ученые, понимая до какой степени новый догматъ мѣшаетъ имъ въ сношеніяхъ съ учеными другихъ исповѣданій, всячески стараются умалить его значеніе, свести его какъ-нибудь „на нѣтъ", но это имъ удается лишь съ очень неопытными противниками. Они стараются увѣрить, что ученіе о личной Папской непогрѣшимости лишено всякаго практическаго значенія, что это чисто ученый, теоретическій вопросъ, что Папа и не подумаетъ примѣнять свою страшную власть, не посовѣтовавшись предварительно съ представителями церкви, не получивъ предварительно ея согласія и т. п. Но вѣдь это—фразы! Недавно еще одинъ вліятельный римско-католическій ученый старался увѣрить меня, что такъ именно и смотрятъ на Папскую непогрѣшимость всѣ просвѣщенные римско-католическіе ученые, на это я ему замѣтилъ, что дѣло вѣдь состоитъ не въ томъ, когда, какъ, при какихъ условіяхъ Папа будетъ примѣнять свою неограниченную „вице-божескую" власть, захочетъ ли онъ ее *вообще* примѣнять или нѣтъ, а въ томъ, что онъ ее имѣетъ, что онъ владѣетъ ею, что онъ можетъ по усмо-

трѣнію распоряжаться такимъ страшнымъ оружіемъ по своему усмотрѣнію.

Позволяю себѣ думать, что лица, занимающіяся у насъ богословіемъ (въ особенности — полемическимъ) найдутъ въ настоящемъ сочиненіи нѣкоторыя полезныя данныя для полемики съ римско-католиками. Ахиллесова пята римско-католицизма совсѣмъ не тамъ, гдѣ ее, по старой памяти, обыкновенно разыскиваютъ, не въ разныхъ богословскихъ мнѣніяхъ незаконно возведенныхъ въ догматы, въ разныхъ обрядахъ, которымъ придается неподобающее значеніе, не въ потворствѣ разнымъ суевѣріямъ [1]), во всемъ этомъ грѣшенъ не одинъ Римъ, а въ томъ, что, пренебрегши заповѣдью любви, онъ возгордился своимъ внѣшнимъ могуществомъ, и создалъ себѣ кумиръ въ лицѣ своего первосвященника.

Ученый римско-католическій патеръ, съ которымъ мнѣ пришлось полемизировать въ 1890 году, выставилъ противъ меня, хотя и вкратцѣ, всѣ имѣющіеся въ распоряженіи ультрамонтанскаго богословія аргументы, служащіе къ защитѣ новѣйшаго римскаго (въ сущности іезуитскаго) догмата. Съ тѣхъ поръ (я, по возможности, слѣжу за тѣмъ, что пишется по этому вопросу), не появилось кажется ничего новаго и серьезнаго, что могло-бы укрѣпить Ватиканскія измышленія; поэтому и новое изданіе моей книги о Папской непогрѣшимости, написанной мною по-нѣмецки, подъ заглавіемъ: „Zur Unfehlbarkeit des Papstes“ (1891 г.), и прекрасно переведенной по русски Е. А. Л. [2]), появляется нынѣ снова — почти безъ измѣненій.

А. Кирѣевъ.

Павловскъ.
Октябрь, 1904 г.

[1]) Это, ранѣе всѣхъ у насъ, понялъ прозорливый Хомяковъ.

[2]) Она переведена тоже по англійски, по польски, (съ нѣкоторыми измѣненіями), по гречески, Мелетіемъ Апостолопуломъ, Аѳины 1896, кажется по сирійски и, мною — по французски.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Одинъ изъ моихъ друзей, англичанинъ, недавно перешедшій изъ Англиканской церкви въ римско-католическую, поставилъ мнѣ, въ прошедшемъ году, нѣсколько вопросовъ, относящихся до моей церкви и моей вѣры, выразивъ при этомъ свое удивленіе мнимой нашей (русскихъ) „враждебности“ католичеству и нашему упорному нежеланію подчиниться папѣ и признать новый догматъ о его непогрѣшимости. Я отвѣтилъ ему, что у насъ по отношенію къ *истинному*, *древнему* католичеству никакой враждебности нѣтъ и быть не можетъ; что мы, Православные, почти цѣлое тысячелѣтіе составляли единую церковь съ западно-каѳолическою, что и самого Римскаго Епископа мы признавали за перваго между равными („primum inter pares“); но, прибавилъ я, мало-по-малу, въ западное вѣроученіе были введены новые и новѣйшіе догматы, догматы, которыхъ мы принять не можемъ и не примемъ. Послѣдній изъ этихъ догматовъ—непогрѣшимость папы (18 іюля 1870 г.), произвелъ въ католической церкви принципіальный переворотъ, онъ измѣнилъ всю католическую доктрину и окончательно сталъ между нами и „ново-католиками“ непреодолимымъ „средостѣніемъ“. Догматъ этотъ, добавилъ я, заключаетъ въ себѣ полнѣйшее отрицаніе идеи Церкви, идеи, которая много столѣтій была тождественна для Востока и Запада.

Мой другъ спросилъ меня, пожелаю ли я, и буду ли я въ состояніи, письменно изложить высказанныя мною мысли и защитить ихъ противъ одного выдающагося католическаго ученаго, съ которымъ онъ былъ въ сношеніяхъ. Я охотно согласился, замѣтивъ, что мы оба (мой тогда еще мнѣ неизвѣстный оппонентъ и я), по всей вѣроятности останемся каждый при своемъ мнѣніи, но что я съ радостью принимаю предложеніе, ибо этимъ путемъ познакомлюсь съ лучшими и новѣйшими доводами, какіе можетъ выставить въ свою защиту ученіе о непогрѣшимости папы. Кромѣ того я думалъ, что, если когда-нибудь наша переписка увидитъ свѣтъ, она будетъ интересна для читателей, занимающихся богословіемъ и этикой...

Краткое письмо (см. стр. 24-ая), въ которомъ я излагалъ моему другу основы моихъ воззрѣній, было передано католическому ученому; онъ отвѣтилъ мнѣ, и такимъ образомъ между нами завязалась переписка, которую я теперь и издаю съ разрѣшенія моего оппонента.

Само собою разумѣется, что мы не могли, въ нѣсколькихъ краткихъ письмахъ, представить подробную характеристику нашихъ мнѣній; въ отвѣтахъ моихъ я старался освѣтить лишь одинъ спеціальный вопросъ, который и сдѣлался центральнымъ пунктомъ нашей полемики; а именно *непогрѣшимость Папы и ея личный характеръ*. Всякое препирательство между римскими инфаллибилистами и православными [1]),—будь это восточные православные или западные (старокатолики),—будетъ несомнѣнно вращаться около этой доктрины, представляющей центръ тяжести всего новаго римскаго богословія, и передъ которою всѣ другіе спорные пункты несомнѣнно отступаютъ на задній планъ; я полагаю, что наша полемика достаточно выдвинула и освѣтила этотъ вопросъ. Письма моего уважаемаго оппонента я

[1]) А также и съ протестантами и англиканами.

печатаю въ извлеченіяхъ, *имъ самимъ просмотрѣнныхъ;* мои, которыя я привожу почти дословно [1]) я дополнилъ нѣкоторыми цитатами и поясненіями, чтобы сдѣлать ихъ болѣе понятными для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не спеціально знакомы съ богословіемъ.

Я сказалъ, что провозглашеніе Папской непогрѣшимости образовало вѣчную, бездонную пропасть между Востокомъ и Западомъ; въ нѣкоторомъ смыслѣ однако я долженъ оговориться. Правда, этотъ новый догматъ составляетъ неодолимую трудность для всякой будущей попытки къ соединенію обѣихъ церквей; но въ отрицательномъ смыслѣ онъ весьма полезенъ, и вотъ почему. философія исторіи показываетъ, что если какая-нибудь идея, хотя и соотвѣтствуетъ нашей нравственной потребности, но примѣняется фальшиво (напр., она безусловно тогда только будетъ побѣждена и вынуждена къ отступленію, тогда только очиститъ мѣсто истинѣ,— когда дойдетъ до послѣдняго своего логическаго вывода, и когда выводъ этотъ окажется нелѣпостью, абсурдомъ. Именно это мы и видимъ въ исторіи западнаго католичества. Оно является выразителемъ идеи *авторитета;* эта идея отвѣчаетъ потребности нашего религіознаго сознанія, и слѣдовательно законна. Но, послѣ великаго разрыва въ IX-мъ столѣтіи, западное католичество потеряло необходимый противовѣсъ со стороны православнаго Востока, отреклось отъ принципа свободы, попрало его, и нашло соотвѣтствующее своей неправдѣ выраженіе въ незаконномъ расширеніи Папскаго единодержавія. Такимъ образомъ справедливая идея авторитета, лежавшая въ основѣ католичества, отвѣчавшая вполнѣ законной потребности нашей души, стала *неправдой* потому, что получила безусловное, исключительное примѣненіе. Не взирая на самое энергическое,

[1]) Даже нѣкоторыя повторенія, неизбѣжныя въ полемической перепискѣ, я счелъ нужнымъ удержать.

благородное противодѣйствіе наиболѣе просвѣщенныхъ католическихъ ученыхъ, идея эта достигла на Западѣ исключительнаго господства. Мало-по-малу западное католичество перешло въ романизмъ, потомъ въ ультрамонтанизмъ, далѣе въ іезуитизмъ и, наконецъ,—въ инфаллибилизмъ. Это было логическимъ *результатомъ того, что принципъ авторитета былъ ошибочно и незаконно сдѣланъ единственною основою христіанской истины.* Но ложность этой идеи тогда только могла обнаружиться окончательно, когда она была доведена до абсурда Папской непогрѣшимости. *До* этого, на Западѣ еще можно было сомнѣваться, можно было надѣяться мирнымъ путемъ достигнуть реформы въ догматикѣ и въ ученіи о нравственности, можно было надѣяться возстановить права свободы; *теперь* это уже невозможно; alea jacta est! Отнынѣ невозможна никакая реформа, равно какъ и никакая попытка къ *соединенію.* Риму уже не надо свободныхъ союзниковъ, ему нужны лишь покорные рабы. Выводъ къ нелѣпости, ad absurdum, сдѣланъ, и *въ этомъ отношеніи* провозглашеніе Папской непогрѣшимости имѣетъ свои хорошія стороны. *Приходится повернуть назадъ.*

Эту переписку я позволяю себѣ посвятить моимъ старо-католическимъ друзьямъ, людямъ, которые съ такимъ мужествомъ, самоотверженіемъ и ученостью борются за тѣ же идеи, которыя защищаю, которымъ по мѣрѣ моего разумѣнія и моихъ силъ, служу и я, какъ сынъ Православной Церкви.

Старо-католическое движеніе есть протестъ христіанской совѣсти противъ преступной конфискаціи непогрѣшимости (данной Спасителемъ всей Церкви) въ пользу одного человѣка, который стремится сдѣлаться неограниченнымъ повелителемъ каждой подчиняющейся ему души.

Богъ дастъ, старо-католическая церковь, дѣлающая хотя и медленные, но тѣмъ вѣрнѣйшіе успѣхи, проло-

житъ правильный путь къ возсоединенію Запада съ Востокомъ. Каждый день сближаетъ насъ болѣе и болѣе, мы стоимъ уже „in necessariis“ на общей почвѣ [1]). Что касается до обрядовъ, до порядковъ и устройства церковной жизни, то въ нихъ могутъ существовать *при полномъ тождествѣ догматовъ* извѣстныя разности, имѣющія основаніе въ исторіи развитія отдѣльныхъ церквей и не мѣшающія ихъ единству.

Нашъ общій другъ, англичанинъ служилъ намъ (моему оппоненту и мнѣ) посредникомъ, и наши письма обращены къ нему.

Считаю нужнымъ сдѣлать одно важное замѣчаніе. Я пишу и полемизирую совершенно самостоятельно, „на свой страхъ“, не спрашивая совѣта ни у кого изъ моихъ единовѣрцевъ, и посему принимаю исключительно и лично на себя отвѣтственность за все мною сказанное.

Павловскій Дворецъ,
25-го марта, 1891 года.

[1]) См. Christ-Katholischer Katechismus, 1889.

Письмо мое къ господину N*** (въ извлеченіи).

Отъ іюля 1890 г. [1]).

Я излагаю моему другу N*** основанія, по которымъ намъ, православнымъ, оказывается невозможнымъ даже и подумать о какомъ бы то ни было сближеніи съ новымъ „непогрѣшимымъ“ католичествомъ.

Опредѣленіе Папской непогрѣшимости [2]), говорю я, извратило древнее, истинное понятіе о Церкви, уничто-

---

[1]) Письмо это написано по англійски. Мой другъ, пересылая мнѣ письма моего оппонента, присоединялъ къ нимъ иногда свои замѣчанія.

[2]) Оно, какъ извѣстно, таково: „Docemus et divinitus revelatum dogma esse definimus: Romanum Pontificem, cum ex cathedra loquitur, i.-e. cum omnium Christianorum Pastoris et Doctoris munere fungens, pro suprema sua Apostolica auctoritate doctrinam de fide vel moribus ab universa Ecclesia tenendam definit, per assistentiam divinam, ipsi in beato Petro promissam, ea infallibilitate pollere, qua divinus Redemptor Ecclesiam suam in definienda doctrina de fide vel moribus instructam esse voluit, ideoque, ejusmodi Romani Pontificis definitiones *ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae* irreformabiles esse“ (Учимъ и опредѣляемъ, что слѣдующее есть богооткровенный догматъ: Римскій Первосвященникъ, когда говоритъ съ каѳедры, т.-е. когда отправляетъ свою должность Пастыря и Учителя всѣхъ христіанъ и по своей Апостольской власти опредѣляетъ ученіе вѣры или нравственности, которое должно быть содержимо вселенскою Церковію, по божественному содѣйствію, обѣщанному ему въ лицѣ блаженнаго Петра — является владѣющимъ тою (или такою же) непогрѣшимостію, которою божественный Искупитель соблаговолилъ надѣлить Церковь Свою въ дѣлѣ опредѣленія вѣроученія и нравственности; посему таковыя опредѣленія Римскаго Первосвященника суть неизмѣнны сами по себѣ, а не

жило и подавило въ Церкви Римской послѣдніе слѣды свободы, и обратило *чадъ Церкви* въ *рабовъ Папы*. Такъ называемое либеральное направленіе въ Римской Церкви, либеральная партія стали съ 1870 года невозможными, химерой „Unding“. Богословское образованіе мірянъ, и прежде затрудненное запрещеніемъ пользоваться Свящ. Писаніемъ, при этихъ новыхъ условіяхъ должно пострадать еще болѣе; изученіе каноническаго права можетъ представлять отнынѣ лишь интересъ археологическій; равнымъ образомъ, а можетъ и еще болѣе, пострадаетъ этика. Въ подтвержденіе моихъ мыслей я ссылаюсь между прочимъ на о. Бекса, генерала іезуитовъ, котораго я имѣлъ честь лично посѣтить въ Фіезоле. „Разговоръ“, писалъ я моему другу, „который я имѣлъ съ такъ называемымъ (и вполнѣ справедливо) „чернымъ папою“ (Papa nero), былъ для меня въ высшей степени интересенъ и поучителенъ. О. Бексъ подтвердилъ мои соображенія о будущности либеральной партіи въ Римской Церкви. „Ватиканскій соборъ“, сказалъ онъ, „далъ римско-католическому богословію неизмѣнный окончательный характеръ [1]); такъ называемая блаженной па-

---

по согласію Церкви). Constitutio dogmatica de Ecclesia, Sessio IV, отъ 18 іюля 1870 г. Consilium Vatic. Отнынѣ это единое и единственное основаніе всего римско-католическаго богословія, *догматовъ и нравственности римско-католическаго міра.*

[1]) Я позволяю себѣ думать, что въ этомъ отношеніи знаменитый генералъ былъ не совсѣмъ правъ. Непогрѣшимость безъ святости трудно себѣ представить, — оба эти качества нераздѣльны. Церковь непогрѣшима, но и свята, и провозглашеніе папской святости будетъ послѣднимъ наобходимымъ шагомъ въ римско-католической догмѣ. Психологическая необходимость этого уже не разъ чувствовалась и обсуждалась въ ультрамонтантскихъ кружкахъ. Еще діаконъ Еннодій секретарь папы Симмаха (въ своемъ „Liber Apologeticus“) см. opera omnia (изд. Hartel) Pag 295 доказывалъ ее. Въ этой мысли нѣтъ ничего преувеличеннаго и смѣшного Находили же прежде мысль о непогрѣшимости не только богохульною, но и смѣшною! Позднѣе однако эта странная идея была принята. Авг. Тріумфъ тоже полагаетъ,

мяти либеральная партія теперь „o sciocca — o cieca“; только глупые или слѣпые люди могутъ еще принадлежать къ ней“.

Далѣе я писалъ, что хотя я и мірянинъ и самоучка, но берусь отвѣчать патеру Х.; что для меня весьма полезенъ будетъ обмѣнъ мыслей по этому вопросу со спеціалистомъ, въ распоряженіи котораго имѣются лучшіе, самые сильные и самые новые аргументы, подтверждающіе новый догматъ. Я также готовъ, писалъ я, предложить нашу полемику на судъ третьему лицу. Это могъ бы быть какой-нибудь добросовѣстный протестантъ (Къ сожалѣнію, этого не случилось). Наконецъ, я сослался на исторію собора 1870 г. Какъ извѣстно, именно самые ученые и вліятельные изъ епископовъ энергично протестовали противъ безмѣрныхъ притязаній папы (и Іезуитовъ). Скоро послѣ собора подняли также свой честный голосъ и старокатолики, съ тою разницею однако, что старо-католики остались старо-католиками, а протестовавшіе епископы мало по малу подчинились и переползли въ Папскій лагерь.

1-е письмо Патера Х. (въ извлеченіи).

Отъ 2 августа 1890

Пониманіе вещей у господина Кирѣева такое, какое часто встрѣчается въ не-католическихъ кружкахъ. Католическія положенія суть слѣдующія:

что папѣ должно воздавать поклоненіе; хотя не божеское (latria), но такое какое воздается *святымъ*, (dulia); *власть* папы подразумѣваетъ собою его святость Папа Григорій VII придерживался того-же мнѣнія (о святости папъ). Да и въ самомъ дѣлѣ: если Апостолъ Петръ передаетъ папамъ свою власть учительскую, отчего же ему нельзя передавать имъ и свою святость?!

Каждый католикъ долженъ быть убѣжденъ, что существуетъ высшая, Богомъ откровенная истина, которой человѣческій разумъ безусловно долженъ покоряться.

Эта истина положена въ хранилище католической Церкви, и всѣ католики, въ особенности епископы, наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы она сохранялась въ чистотѣ и распространялась.

Каждый католикъ имѣетъ право заниматься науками и даже ревностно. Церковь всегда желала этого. Однако и для науки существуютъ границы: *догматъ Церкви.* Но поле, отведенное наукѣ, обширно. Кто учитъ противъ догмата, тотъ встрѣчаетъ отпоръ со стороны епископовъ или Папы.

Личной непогрѣшимости Папы не существуетъ, равно какъ и полной независимости науки. И та, и другая суть нелѣпости (Unding). Для чего сопоставлять обѣ эти вещи?

Католики, которые не хотятъ подчиняться въ вопросахъ вѣры рѣшенію Папы и епископовъ, перестаютъ быть католиками. Различныя направленія (либеральное и консервативное) существуютъ въ церкви, но удерживаются въ строгихъ границахъ принципомъ авторитета Церкви.—Кто отъ этого принципа отпадаетъ, тотъ становится на почву протестантства, т.-е. религіознаго нигилизма. Внутри католической Церкви господствуетъ *полная* свобода мысли касательно того, что не опредѣлено догматически. Но и по отношенію къ тому, что догматически не опредѣлено, существуютъ различныя степени вѣроятности.

Отвѣтъ на 1-е письмо Патера X.

Отъ 2-го августа.

Благодаря васъ [1]) за интересное письмо Патера X., я позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на слѣдующее: у Васъ совершенно неправильное понятіе о богословскихъ преніяхъ, вы представляете ихъ себѣ дѣломъ довольно легкимъ, простымъ, чуть не „дракой", какъ вы выражаетесь „row".

Состязаніе, богословскій турниръ—былъ бы, конечно, весьма легкимъ способомъ разрѣшать богословскіе вопросы. Прежде это и было въ обычаѣ (Эккъ, Меланхтонъ). Въ древнія времена, когда Папы были могущественны, похожимъ на это образомъ устраняемы были и очень большія „богословскія затрудненія" (Такъ, напр., по повелѣнію папы Иннокентія III предпринято и „счастливо" выполнено „обращеніе" альбигойцевъ Симономъ Монфортскимъ. Такъ была устроена и Варѳоломеевская ночь [2]). Теперь дѣло это уже не такъ легко, не такъ просто. Вы и не подозрѣваете неизмѣримыхъ затрудненій, которыя представляетъ иногда рѣшеніе и *одного* богословскаго вопроса; вѣдь тутъ каждая іота должна быть взята во вниманіе и обстоятельно раз-

---

[1]) Напоминаю, что посредникомъ между нами былъ мой знакомый англичанинъ Имя моего корреспондента было мнѣ въ началѣ неизвѣстно.

[2]) Эти „обращенія" были дѣйствительно, успѣшны; Альбигойцы были поголовно вырѣзаны Легаты папы—Арнольдъ, аббатъ Ситосскій, и Милонъ — доносили ему съ самодовольствомъ, что при взятіи Безьера убито было 60.000 человѣкъ и т. п. Была ли Варѳоломеевская ночь одобрена папою или нѣтъ, была ли отчеканена медаль въ ея память,—подлежитъ спору, но отчего же папѣ Григорію было не слѣдовать примѣру папы Иннокентія?

смотрѣна! Если бы дѣло обстояло иначе, то вѣдь можно бы было удовлетвориться двумя—тремя преніями и полудюжиной брошюръ... А вы видѣли нескончаемыя залы Публичной Библіотеки въ Петербургѣ? Богословскія сочиненія наполняютъ собою значительную часть этихъ залъ! Нѣтъ; полудюжины брошюръ и богословскихъ турнировъ недостаточно!

На положенія, которыя я нашелъ въ письмѣ г. Х. я позволяю себѣ отвѣтить слѣдующее: наши (православно-восточныя) воззрѣнія на власть и учительство Церкви были въ первомъ тысячелѣтіи тождественны съ воззрѣніями каѳолическо-западными; но вскорѣ послѣ раздѣленія Церквей, уже обнаружились нѣкоторыя различія, какъ относительно ученія о Церкви, такъ и относительно нѣкоторыхъ другихъ, въ началѣ малочисленныхъ, ученій. Вначалѣ однако они состояли изъ мнѣній „opiniones“, которыя можно было свободно обсуждать и которыя не получили еще значенія догматовъ. Разности эти не имѣли никакого вліянія на единство Церкви. Мнѣнія оставались „мнѣніями“. Такъ было и съ вопросомъ о „Filioque“. Папа Левъ III, хотя самъ и сочувствовалъ этому испанскому изобрѣтенію, остерегся однако свое необязательное мнѣніе обратить въ обязательный догматъ. Онъ такъ хорошо понималъ свою обязанность, какъ стража догмата, что противусталъ даже грозному требованію могущественаго Карла, любившаго заниматься догматикой, и торжественно высказался противъ незаконной вставки „Filioque“ въ Символѣ Вѣры (Жаль, что позднѣйшіе непогрѣшимые Папы не послѣдовали примѣру своего также непогрѣшимаго предшественника!). Мало по малу дѣло измѣнилось; разности въ ученіи росли наконецъ, съ 1870 г. (съ провозглашенія на Ватиканскомъ соборѣ Папской непогрѣшимости) между воззрѣніями православныхъ и римско-католиковъ оказалась коренная рознь и по вопросу о власти Римскаго епископа, и объ учительствѣ Церкви.

Съ 1870 г. мы для римско-католиковъ уже не „схизматики“ только, не „фотіане“, а еретики [1]).

Меня часто упрекали въ томъ, что я выдвигаю, подчеркиваю разности, существующія между нашими Церквами, вмѣсто того, чтобы ихъ уменьшать и по возможности замалчивать; наша исторія, говорили мнѣ, и безъ того слишкомъ сильно ихъ подчеркнула! (введеніе уніи въ Мало-и Бѣлоруссіи). Зачѣмъ снова напоминать объ этомъ?! „Не лучше ли бы было притуплять жало, die Spitze abbrechen, у этихъ вопросовъ? Вѣдь Вы поборникъ идеи соединенія Церквей. Неужели вы думаете, что осуществленію этой идеи поможетъ то, что вы такъ сильно выдвигаете пункты разностей, что вы доводите мысль до ея крайнихъ выводовъ? быть можетъ, противорѣчія эти могли бы какъ нибудь забыться обѣими сторонами, заглохнуть и т. д.“ Подобное сужденіе свидѣтельствуетъ о легкомысленной сантиментальности, быть можетъ, о добромъ сердцѣ, но ужъ, конечно, не о ясномъ пониманіи глубокаго значенія и истиннаго характера религіозныхъ вопросовъ. Все это—наивныя желанія, а иногда и оппортунистическіе разсчеты; но эти разсчеты пригодны только для рѣшенія политическихъ, или соціальныхъ вопросовъ, для сферъ, гдѣ сегодняшняя истина завтра, быть можетъ, станетъ ложью, и vice versa, а не для тѣхъ высокихъ и чистыхъ сферъ, гдѣ можетъ и должна царить одна *безусловная* истина! Такое воззрѣніе на вѣроисповѣдныя дѣла не можетъ привести къ прочнымъ результатамъ и доказываетъ или полное невѣжество въ богословскихъ вопросахъ или

---

[1]) Ересь состоитъ въ непринятіи догмата церкви или, обратно, во введеніи въ число догматовъ такого ученія, которому не придавала значенія догмата церковь, а мы какъ разъ *отвергаемъ новый основной догматъ* Римско-католической церкви, излюбленный догматъ іезуитовъ. Какъ извѣстно, и Силлабусъ составленъ іезуитомъ (о. Шрадеромъ). Онъ былъ пробнымъ шаромъ для провозглашенія Папской непогрѣшимости.

религіозный индифферентизмъ. — Я этимъ ничуть не хочу сказать, что вѣрующій христіанинъ долженъ относиться къ каждому иновѣрному, инославному лицу враждебно, я вовсе не сторониикъ того, что называется „odium theologicum“; но мои доброжелательныя христіанскія чувства отнюдь не влекутъ за собой необходимости отрекаться отъ моихъ убѣжденій, не побуждаютъ меня затушевывать ихъ; фанатизма въ моихъ воззрѣніяхъ нѣтъ, но я *не могу* приносить мои убѣжденія въ жертву „гнилому миру“. Великій святой Бернардъ Клервосскій справедливо сказалъ: „melius est ut scandalum oriatur, quam ut veritas relinquatur“ (Лучше пусть явится соблазнъ, чѣмъ будетъ оставлена истина) Иногда на такія мысли мнѣ возражали: „Религіозная истина! Да *гдѣ* она; *что* она? можете вы поручиться, что вы ее знаете? Да! *Конечно могу!!* Я убѣжденный христіанинъ.

Разсмотрѣніе этого вопроса завело бы насъ слишкомъ далеко; замѣчу поэтому лишь слѣдующее: твердость въ вѣрѣ, *недопускающая никакихъ компромиссовъ* и *нетерпимость* какого-нибудь Торквемады (Ѳомы), желающаго истребить цѣлый народъ за то, что онъ не вѣруетъ во Христа, или какого-нибудь Кальвина, который, будучи самъ протестантомъ, слѣдовательно свободнымъ истолкователемъ писанія, велитъ сжечь Серье за то, что тотъ понимаетъ и толкуетъ это писаніе иначе,— вещи совершенно различныя. *Вѣрующій*, убѣжденный христіанинъ, именно потому, что онъ таковой, можетъ и долженъ быть *благожелательнымъ* къ каждому, будь это инославный, будь это іудей, язычникъ или атеистъ; каждому нуждающемуся въ нашей помощи можно и должно помогать и словомъ, и дѣломъ... Это нашъ долгъ! Но все это ни мало не влечетъ за собою отреченія отъ своихъ собственныхъ мнѣній и убѣжденій, затушевыванія ихъ, умолчанія о нихъ. Изъ *любви* къ кому либо нельзя измѣнять истинѣ, — это было бы

замаскированною трусостью, или лицемѣрящимъ эгоизмомъ. Такъ дѣйствовали (и объясняли свой образъ дѣйствій) епископы на Ватиканскомъ соборѣ. Образованные и ученые изъ ихъ среды составляли внушительное меньшинство, отвергавшее новый догматъ, меньшинство которое несомнѣнно было въ силахъ спасти христіанскую истину; но они оказались трусливыми эгоистами. Они поступились истиною, чтобы, какъ они говорили, не опечалить, не огорчить святѣйшаго отца, который горячо принималъ къ сердцу провозглашеніе своей непогрѣшимости! Это—не христіанская любовь и не христіанская убѣжденность.

Позволю себѣ нѣсколько дополнительныхъ поясненій: нынѣшняя Римско-католическая церковь есть, правда, политико соціальное зданіе, колеблющееся въ глубочайшихъ своихъ основахъ: оно не имѣетъ своей прежней внушительной силы; его громы не находятъ себѣ отголоска въ мірѣ; однако она еще великая сила [1]), вовсе не желающая сложить своего оружія, или принести въ жертву миру хотя бы малую часть своихъ непреклонныхъ теорій. Я далекъ отъ того, чтобы ее за это винить, чтобы утверждать, что Римъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ несправедливо; напротивъ. Я далекъ и отъ того, чтобы отрицать, не только въ прошедшемъ, но въ извѣстной степени и въ настоящемъ, великія заслуги Рима, *не смотря на Ватиканскую ложь*. Отдѣльныя личности и даже цѣлыя католическія общества еще проникнуты древне-христіанскимъ духомъ самоотверженія; ложь нехристіанскаго Ватиканскаго ученія еще не вытѣснила изъ Римской церкви остатковъ христіанскаго духа, *въ ней еще держится твердая, неуклонная дисциплина*, все это я допускаю, но тѣмъ неразумнѣе было бы съ нашей стороны слагать оружіе въ на-

---

[1]) Замѣчу мимоходомъ, что сила и истина понятія отнюдь не тождественныя.

деждѣ, что „худой миръ лучше доброй брани“, что „дѣло не такъ то еще худо“, что „все это можетъ еще уладиться мирнымъ путемъ“ и т. п. Только *очень* близорукіе или очень дурно освѣдомленные люди могутъ думать, что Римъ что-либо уступитъ изъ своихъ притязаній и сдѣлается благосклоннѣе къ намъ, иномыслящимъ. Нѣтъ; Римъ сталъ, правда, значительно слабѣе, онъ *не можетъ* осуществлять своихъ принциповъ. Теперь ни одинъ католическій крестоносецъ не пойдетъ ни въ Альби, ни въ Іерусалимъ, ни въ Константинополь; но тѣ же самые принципы, за которые воевали Бонифаціи, Гильдебранды и Иннокентіи, далеко не упразднены, а въ области теоріи они дѣйствуютъ даже съ большею, съ невиданной прежде силою, *они доросли до непогрѣшимости*, теперь они *неотъемлемы*, *безусловны* и *на вѣки вѣковъ обязательны* для каждой римско-католической души. Аппелляція къ собору, или „ad Papam melius informatum“ (къ лучше освѣдомленному папѣ), болѣе не возможна! И съ *такимъ* то противникомъ думаютъ достигнуть чего-нибудь сантиментальной уступчивостью, надѣются, что онъ сбавитъ или смягчитъ свои требованія! Это слишкомъ „наивно!“ Пусть только просмотрятъ положенія силлабуса 1864 г. Напр. § 80. Condemnat: Romanus Pontifex potest ac debet cum progressu, cum liberalismo et cum recenti civilitate sese reconciliare et componere [1]), стало быть предается анаѳемѣ тотъ, кто думаетъ, что папа долженъ дѣлать уступки современному прогрессу и свободѣ.

Силлабусъ одобренъ папой, соединенъ съ анаѳемой и рекомендованъ каждому христіанину (а слѣдовательно *Церкви*, всей Церкви); невозможно найти заявленія, которое было бы болѣе „ex cathedra“.

---

[1]) Осуждается: (если кто полагаетъ, будто) Римскій Первосвященникъ можетъ и долженъ мириться и соображаться съ прогрессомъ, либерализмомъ и съ новымъ государственнымъ порядкомъ.

Но я возвращаюсь къ письму моего оппонента. Мы (православные) тоже вѣруемъ:

1) Что существуетъ откровенная истина, которой человѣкъ долженъ подчиняться.

2) Что для того, чтобы принадлежать къ Церкви, должно свою свободу мнѣнія ограничивать откровеннымъ догматомъ. Но этимъ нисколько не запрещается изучать и обсуждать догматы, наоборотъ; наши (православные) догматы не боятся критики разума. Мы знаемъ, что нѣкоторые догматы стоятъ *внѣ* области разума, но у насъ нѣтъ ни одного, который бы разуму *противорѣчилъ*.

3) Мы признаемъ также, что хранительница этой истины есть Церковь Христова *въ томъ видѣ, какъ она основана Христомъ* Итакъ, пока мы ограничиваемся общими выраженіями, мы съ Ватиканскими католиками согласны. И если бы мы могли выраженія эти и въ *практическомъ* ихъ примѣненіи понимать тождественно, то мы скоро бы сговорились; но, какъ только мы приступаемъ къ формулировкѣ конкретныхъ положеній, мы тотчасъ видимъ, что римско-католическому воззрѣнію присущъ новый элементъ, разлагающій всю догму, разрушающій всякую возможность какого-либо между нами соглашенія; этотъ новый элементъ—*папская непогрѣшимость*, которая старается замѣстить собою и низвергнуть *церковную непогрѣшимость*. И къ протестантамъ Римскій католицизмъ относится теперь иначе, суровѣе, безнадежнѣе.

Наши отношенія къ протестантству имѣютъ другой характеръ. Главное затрудненіе, которое мы встрѣчаемъ на пути къ возсоединенію съ нимъ—краійнія вольномыслящія секты, почти уже и не христіанскія, но которыя, *тѣмъ не менѣе, имѣютъ полное право причислять себя къ общему протестантскому союзу*. То же самое можно сказать и объ англиканахъ. Государственная церковь, „Established church“ состоитъ не изъ однихъ

только консервативныхъ элементовъ, но также и изъ совершенно анархическихъ, которые уже весьма мало имѣютъ общаго съ христіанской догматикой, а съ христіанской церковію не имѣютъ ничего общаго (въ такъ называемыхъ „low“ и „broad church“), которые не считаютъ себя связанными XXXIX статьями англиканскаго вѣроисповѣданія и, не взирая на это, суть *равноправныя части Англиканской церкви!* Если протестанты ставятъ въ упрекъ католикамъ ихъ непогрѣшимаго папу, то католики отвѣчаютъ имъ, и справедливо, что каждый протестантъ въ отдѣльности есть свой собственный папа, такъ какъ онъ дѣлаетъ самаго себя непогрѣшимымъ истолкователемъ Слова Божія, возводитъ себя въ судью Свящ. Писанія! Если католичество позволило *принципу авторитета* достигнуть *исключительнаго* значенія, то протестантство безусловно его отвергло и выставило *единственнымъ принципомъ христіанства* принципъ свободы. Такимъ образомъ, протестантство есть слишкомъ далеко доведенный протестъ свободы противъ слишкомъ далеко въ (католичествѣ) доведеннаго авторитета. А принципы эти должны дѣйствовать въ Церкви—совмѣстно и параллельно. Образованіе этихъ двухъ противоположныхъ направленій объясняется исторіею западной Церкви. Выдѣленіе Церкви Римской изъ Церкви Вселенской имѣло непосредственнымъ и совершенно логическимъ своимъ результатомъ единовластіе папы. Въ Западной Церкви не нашлось никакой равноправной и достаточно крупной силы, которая бы могла успѣшно бороться съ патріархомъ Рима. Попытки христіански настроенныхъ людей достигнуть церковной реформы, въ Западной Церкви, охранить въ ней свободу—потерпѣли полную неудачу; но гдѣ нельзя достигнуть своей цѣли путемъ реформы, тамъ прибѣгаютъ къ революціи, къ неиспроверженію существующаго порядка, а гдѣ берутся за революцію, тамъ всегда заходятъ слишкомъ далеко! Къ сожалѣнію, такъ и случилось съ про-

тестантствомъ. Попытки Лютера провести реформу въ Римской церкви не удались; пламенный реформаторъ прибѣгнулъ къ революціи и—зашелъ слишкомъ далеко! Принципъ *авторитета* въ Церкви былъ устраненъ, остался одинъ принципъ *свободы!* Центръ тяжести нашей церковной жизни, ея власти и ученія, находится у насъ, Православныхъ, въ сознаніи всей Церкви, представителями коей служатъ соборы; у Римско-католиковъ (съ 1870 г.), этотъ центръ находится въ сознаніи папы;— у протестантовъ, какъ консервативныхъ, такъ и либеральныхъ, въ сознаніи каждаго отдѣльнаго христіанина Реакція Лютера вызвала контръ-реакцію столь же могучаго, но мрачнаго генія—Лойолы. Исполинскія фигуры этихъ непримиримыхъ враговъ служатъ представителями двухъ противоположныхъ направленій: германецъ Лютеръ, поборникъ *безусловной* религіозной *свободы*, романецъ Лойола поборникъ *безусловнаго авторитета*. Мы, Восточные православные, стоимъ къ обоимъ направленіямъ въ одинаковомъ отношеніи. Мы считаемъ, что каждый изъ спорящихъ принимаетъ во вниманіе и выдвигаетъ только половину христіанской истины, а другой столь же важной и законной половины не замѣчаетъ; не хочетъ замѣтить? (можетъ быть, теперь и не можетъ замѣтить).? Не состоитъ ли историческое призваніе православнаго Востока въ указаніи Западу истиннаго пути къ примиренію его двухъ, нынѣ враждебныхъ, богословскихъ (и культурно-историческихъ) направленій? Болѣе высокаго и святаго назначенія нельзя себѣ конечно представить!.. „Но“, спроситъ насъ гордый Западъ, „по силамъ ли вамъ такая трудная задача, увѣрены ли вы, что обладаете истиною?“ .. „*Не мы* владѣемъ истиною“, отвѣтимъ мы „а она нами, и не мы разрѣшимъ эту задачу“, „*а христіанская истина, которую мы смиренно и заботливо сохранили*“. Ученики Іоанна, апостола любви, нѣкогда примирятъ раздѣлившихся учениковъ Петра и Павла... Тогда возстановлено будетъ истинное,

Самимъ Спасителемъ предначертанное единство Церкви! Вотъ будущность и призваніе нашей Церкви; не есть-ли это также призваніе еще слабой по числу, но сильной убѣжденіемъ и ученостью Церкви старо-католической? Мы вѣримъ и знаемъ, что Церковь Христова утверждается и на авторитетѣ и на свободѣ; если одинъ изъ этихъ принциповъ будетъ выдвигаемъ въ ущербъ другому, то этимъ, конечно, будетъ затрудняться не только возможность правильнаго разумѣнія божественной истины, но вообще вся жизнь Церкви. А это Самимъ Богомъ установленное равновѣсіе въ дѣйствіи обоихъ принциповъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ сохранилось древнее соборное устройство Церкви, гдѣ соборъ не есть парламентъ законодательствующихъ (а иногда и нѣмыхъ) *вельможъ Церкви* (Kirchenfursten Princes de l'Eglise), но собраніе законныхъ представителей вѣрующихъ, дающихъ непогрѣшимому сознанію Церкви Христовой совершенно соотвѣтственное выраженіе.

Я позволю себѣ остановиться на этомъ очень важномъ вопросѣ объ отношеніяхъ нашихъ къ иновѣрцамъ. До 1870 г. мы стояли въ догматическомъ отношеніи гораздо ближе, къ Римско-католической церкви, нежели къ протестантству (именно въ пониманіи самой идеи Церкви). Со времени провозглашенія папской непогрѣшимости эти отношенія измѣнились. Идея свободы въ романизмѣ подавлена и, слѣдовательно, о соглашеніи между нами нечего и думать; что касается до соглашенія съ протестантами, то оно не исключается самой идеею протестантизма (по крайней мѣрѣ не исключается принципіально), такъ какъ каждому протестанту дана возможность *приблизиться* къ нашему православному воззрѣнію, *которое содержитъ въ равновѣсіи оба принципа— и авторитета и свободы.* Правда, протестантъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ въ одиночку, какъ отдѣльный индивидуумъ; но я не разъ встрѣчалъ у консервативныхъ

протестантовъ такое сочувственное намъ направленіе мысли. Протестантъ *имѣетъ право* держаться православныхъ мыслей, *имѣетъ право* быть православнымъ,—католикъ уже не можетъ держаться нашихъ мыслей, онъ скованъ враждебными намъ догматами, онъ *не имѣетъ на это права*, иначе онъ измѣнилъ бы своему догмату, былъ бы отлученъ „lata sententia". Вотъ въ чемъ разница.

Патеръ Х. говоритъ: „Всѣ католики наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы эта Богомъ откровенная истина сохранялась и распространялась", и далѣе: „что каждый католикъ имѣетъ право заниматься наукою, и заниматься ею ревностно". Но мнѣ кажется, что оба эти увѣренія не легко примиряются съ запрещеніемъ (для міряпина) читать Свящ. Писанія. Вѣдь ватиканистъ уже не имѣетъ болѣе права самъ отыскивать истину, смотрѣть на нее своими собственными глазами, обнимать ее своимъ собственнымъ разумѣніемъ. Онъ вѣдь долженъ „sacrificare il suo intelletto" „принести свой разумъ въ жертву". *Вѣдь догматъ октроируется ему, жалуется изъ Рима*, вѣдь онъ не принимаетъ болѣе никакого участія въ его установленіи, его „опредѣленіи" и его защитѣ (на соборахъ, черезъ посредство своихъ епископовъ). Вѣдь отнынѣ соборы—вышедшій изъ моды, ненужный остатокъ прежнихъ воззрѣній [1]). Конечно, Римъ ничего не можетъ имѣть противъ занятій химіей, математикой и т. п. Затрудненіе начинается съ тѣхъ двухъ наукъ, которыя какъ разъ болѣе всего могутъ интересовать христіанина (какъ и вообще каждаго человѣка) и которыя такъ близки другъ къ другу,—а именно съ богословія и фило-

[1]) А намъ не слѣдуетъ забывать, что *основаніе всей нашей церковной жизни*—вселенскій соборъ. Подумаютъ и о сношеніяхъ съ иноземными автокефальными православными Церквами. Несомнѣнныя затрудненія, которыя встрѣтило бы созваніе вселенскаго собора въ Москвѣ или Царѣ-Градѣ *въ настоящее время*, нисколько не мѣшаютъ намъ *думать* о семъ важнѣйшемъ изо всѣхъ важныхъ дѣлъ, *готовиться къ нему*.

софіи, наукъ, которыя должны рѣшать вопросъ о нравственности человѣка, о его духовной жизни. Какъ можетъ „*каждый католикъ наблюдать за тѣмъ*, чтобы откровенная истина сохранялась", если онъ не имѣетъ права читать ее въ ея сводѣ, безъ разрѣшенія Епископа?!

Развѣ величайшіе умы новаго времени, Ньютонъ, Лейбницъ и Кантъ, могли такъ вѣрно и такъ глубоко судить о религіи, если бы они съ дѣтства не были близко знакомы со Словомъ Божіимъ?—Мнѣ кажется, что стражъ, который не знаетъ, что ему приходится стеречь и охранять, — стражъ ненадежный! Писанія какого-нибудь Св. Альфонсо Лигуори, *ученіе котораго недавно было торжественно одобрено*, врядъ-ли замѣнятъ Свящ. Писаніе! впрочемъ это побочные вопросы.

Главный вопросъ нашей полемики только слегка затрогивается Патеромъ X. въ его письмѣ, но весьма характеристично и прямолинейно; онъ говоритъ: „*Личной непогрѣшимости папы нѣтъ, ея не существуетъ; это нелѣпость* (Unding)". Совершенно справедливо; но нынѣшніе „правовѣрные" римско-католики не имѣютъ уже права такъ думать и такъ говорить. Такъ вѣруемъ мы (православные Востока), такъ вѣруютъ старо-католики, англикане, протестанты, а также тѣ римско-католики, которые *называются* „либеральными католиками" и которые не *желаютъ* понять всего значенія Ватиканскаго постановленія, которые разными софизмами желалибы „заговорить" представляемыя имъ затрудненія, „притупить его остріе"... Но это не настоящіе римско-католики, а *нелогичные еретики. Они явились слишкомъ поздно!* Ватиканскій соборъ рѣшилъ дѣло окончательно, безповоротно, личная непогрѣшимость установлена твердо, прочно, какъ скала! Что же и опредѣлилъ соборъ, какъ не именно эту *личную непогрѣшимость! Неличная* непогрѣшимость (папы *и* Церкви, папы въ соединеніи съ Церковію) была уже давно принята на Западѣ. (Еще даже Боссю этомъ). *Это* бы не произвело

въ католичествѣ никакого соблазна. Но этого для ультрамонтанской партіи было недостаточно, она хотѣла провести непогрѣшимость папы отдѣльно отъ непогрѣшимости церкви, въ замѣнъ ея, и дѣйствительно провела ее; и она была совершенно права въ своихъ стремленіяхъ и надеждахъ. Развитіе ультрамонтано-папистической теоріи единовластія и, наконецъ, непогрѣшимости было совершенно логическимъ развитіемъ соотвѣтствующимъ первоначальной западной лжи! Партія, бывшая ея представительницей, осмотрительно, но твердо и неуклонно шла къ намѣченной цѣли! На Апостольскомъ соборѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ Ап. Іаковъ, естественно не было и рѣчи о какой-либо личной непогрѣшимости, или о какихъ-либо партіяхъ въ Церкви. *Церковь* была *непогрѣшима* (*sine consensu Papae*, безъ согласія папы); послѣ раздѣленія Церквей приматство Рима малопо-малу превратилось въ единовластіе. Здѣсь именно и лежитъ начало лжи; тогда же образовывается и папистическая партія. Наступаетъ періодъ непогрѣшимости Церкви *cum consensu papae*, съ согласія папы, далѣе — идетъ періодъ непогрѣшимости папы съ согласія Церкви, *cum consensu Ecclesiae*, наконецъ — безъ согласія Церкви, *sine consensu Ecclesiae*". Это грандіознѣйшій софизмъ, какой только можетъ указать исторія: ложная идея развивается строго логически и завершается абсурдомъ. Само собою разумѣется, что я говорю о личной непогрѣшимости въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ папа дѣйствуетъ и говоритъ не какъ частное лицо, а какъ учитель Церкви, какъ „вице-богъ". Я желалъ бы какъ можно яснѣе выразить мою мысль: я вовсе не думаю утверждать, что Ватиканъ далъ папѣ непогрѣшимость *въ частныхъ дѣлахъ*, но съ 1870 г. *онъ лично непогрѣшимъ во всѣхъ вопросахъ, гдѣ рѣчь идетъ о вѣрѣ или нравственности.* Теперь ему ненужно собирать и опрашивать никакихъ соборовъ; по новой теоріи соборы вообще и теперь и прежде были излишними.

Одинъ весьма извѣстный апологетъ ученія о непогрѣшимости (и не изъ робкихъ, какъ большинство нынѣшнихъ), графъ де Местръ, говоритъ, не обинуясь: папамъ не было надобности созывать соборы, они дѣлали это только въ угоду императорамъ. Объ этомъ можно сказать многое, и я позднѣе сдѣлаю это; теперь же, прежде чѣмъ закончу мое письмо, я желалъ бы освѣдомиться у Патера Х. относительно одного каноническаго вопроса, касающагося теоріи непогрѣшимости; именно: прежде папы избираемы были паствою, что было вполнѣ канонично и правильно, позднѣе случалось, что какой-нибудь императоръ или прекрасная дама въ родѣ Марозіи навязывали Церкви папу; (не легко понять, какое собственно могъ имѣть въ послѣднемъ случаѣ значеніе Святый Духъ) [1]) теперь дѣло обстоитъ иначе. Папа избирается нѣсколькими кардиналами, которые могутъ быть не только невѣжественными, но и продажными людьми, и даже еретиками (вѣдь кардиналъ не непогрѣшимъ?) Всѣ они вмѣстѣ тоже не непогрѣшимы, какъ же выходитъ, что эти погрѣшимые люди сообщаютъ непогрѣшимость другому человѣку или вѣрнѣе принуждаютъ Святаго Духа дать ему эту непогрѣшимость? Вѣдь *сообщить* можно только

[1]) Я привожу извѣстные историческіе факты и вовсе не намѣренъ этимъ набросить тѣнь на древнюю католическую *церковь* „Навязанные“ епископы, могущіе иногда быть и нечестивцами встрѣчались вездѣ, къ сожалѣнію и у насъ. Я далекъ отъ того, чтобы *въ этомъ* искать доказательства. Разсказывать анекдоты о какомъ-нибудь Александрѣ Борджіи было бы, безъ сомнѣнія, testimonium paupertatis argumenti (свидѣтельствомъ бѣдности доказательствъ). Я хочу только выяснить мою мысль. У насъ тоже встрѣчались очень дурные (навязываемые намъ) епископы, но у насъ это не имѣетъ такого значенія; вѣдь наши епископы не *непогрѣшимы*. Кромѣ того, *остается не разрѣшеннымъ* слѣд. вопросъ: епископское рукоположеніе есть таинство, какъ и всякое другое, *а избраніе папы тоже таинство?* Кто его установилъ?

то, что имѣешь самъ? Такъ напр. три (или два) епископа [1]) сообщаютъ другому духовному лицу божественные дары епископскаго служенія, которые они имѣютъ сами; откуда же получитъ новоизбранный папа помазаніе непогрѣшимости. Или папское избраніе есть *восьмое* таинство? Будучи кандидатомъ, слѣдовательно, еще не папой, онъ могъ быть еретикомъ. Папа Иннокентій III допускаетъ даже, что и папа можетъ быть еретикомъ и можетъ быть низложенъ Римскою Церковію [2]), а fortiori можно то же самое приложить и къ епископу; какъ-же происходитъ, что новопоставленный вдругъ не только перестаетъ быть еретикомъ, но и дѣлается даже непогрѣшимымъ!

А. Кирѣевъ.

Павловскій дворецъ, 7 августа.

II-е письмо Патера Х. (въ извлеченіи).

Отъ 15 августа 1890 г.

Отецъ Х. излагаетъ основныя положенія, имѣющія отношеніе къ вопросамъ, затронутымъ Кирѣевымъ:

Христосъ даровалъ Своей Церкви вѣчную истину и обѣщалъ, что она содѣйствіемъ Святаго Духа не отсту-

---

[1]) Въ случаѣ необходимости *и одинъ*.

[2]) Иннокентій „Sermo III de consecratione Pontificis (Migne 217, pag. 466). „Propter causam vero fornicationes Ecclesiæ Romanæ *potest dimittere* Romanum Pontificem. Fornicationem non dico carnalem, sed spiritualem ... *id est propter infidelitatis errorem*“ т.-е. за заблужденіе невѣрія римская Церковь можетъ отрѣшить (прогнать) римскаго первосвященника. Развѣ это не ясно? Правда, онъ прибавляетъ. Ego tamen facile non crediderim, ut Deus permitteret Romanum Pontificem contra fidem errare“. Хотя мнѣ не легко повѣрить, чтобы Богъ позволилъ Римскому первосвященнику погрѣшить (противъ вѣры). Но это не измѣняетъ дѣла. Папа Иннокентій признаетъ: 1. что папа можетъ погрѣшать въ дѣлахъ вѣры; 2. что Церковь можетъ его за это низложить

питъ отъ Церкви. Эта истина, какъ субъектъ вѣры, *живетъ въ сознаніи вѣрующихъ*, въ Церкви, которая и есть первый ея носитель (Trager). Въ этомъ смыслѣ и каждый вѣрующій есть носитель и стражъ истины. Онъ ея носитель, поелику онъ пріемлетъ эту истину въ себя и содержитъ ее; онъ стражъ, поелику онъ по мѣрѣ своего положенія въ Церкви учитъ истинѣ и распространяетъ ее, наблюдаетъ надъ тѣмъ, чтобы въ ученіе Церкви не проникли чуждыя начала. Епископы суть представители отдѣльныхъ частей Церкви по отношенію къ вѣрѣ своихъ подчиненныхъ и вмѣстѣ стражи и охранители этой вѣры. Но они являются представителями Церкви только *въ сообщности съ ихъ главою, папою;* а когда они отдѣляются отъ этого единства, то ихъ низлагаютъ. Но римскій папа имѣетъ еще то *преимущество* передъ прочими епископами, что онъ по слову Христа („Я молился о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя") можетъ, какъ верховный учитель Богооткровенной истины, самъ изъ себя, а не вслѣдствіе согласія Церкви, постановлять неотмѣнимыя irreformabele (непогрѣшимыя) догматическія рѣшенія; это значитъ, что онъ въ этихъ своихъ рѣшеніяхъ всегда остается въ согласіи съ живущею въ Церкви истиною, никогда не можетъ итти противъ этой истины и никогда *не пойдетъ* одинъ противъ всѣхъ епископовъ. *Голова и члены никогда не разлучаются*, доколѣ они желаютъ составлять тѣло. Если они разлучились, то тѣла болѣе не существуетъ. Если пожелаютъ, по примѣру г. Кирѣева, называть такую непогрѣшимость *личною*, то это будетъ *произвольное употребленіе слова.* Богословіе еще не рѣшило спорнаго вопроса о томъ, можетъ ли папа почитаться непогрѣшимымъ въ вѣрѣ также и *лично* persoenlich sich im glauben nicht irren kann, впрочемъ — это вопросъ второстепенный) (nebensächliche Frage).

Папы никогда не рѣшаютъ вопроса подъ какимъ-нибудь воображаемымъ (vorgeblichen) вдохновеніемъ, а

всегда послѣ того, какъ черезъ соборы, частныя собранія или какъ либо иначе, получатъ нравственное убѣжденіе, что оспариваемое (разсматриваемое) ученіе соотвѣтствуетъ совокупному сознанію католическаго народа. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе ихъ не есть слѣдствіе пріобрѣтеннаго такимъ образомъ нравственнаго убѣжденія, главную роль здѣсь имѣетъ содѣйствіе Св. Духа (sondern es spielt die Haptrolle der Beistand des Heil. Geistes). Этимъ, говоритъ Отецъ Х., разрѣшаются недоумѣнія господина Кирѣева.

Далѣе Отецъ Х. рѣшаетъ слѣдующіе вопросы:

I. Что постановилъ Ватиканъ? Отвѣтъ: что между папою (верховнымъ учителемъ въ дѣлахъ вѣры) и Церковію — раздѣленія (Zwiespalt) быть не можетъ. Папа, какъ учитель церкви есть выразитель вѣрующаго церковнаго сознанія (А кто служитъ таковымъ въ Русской церкви?) спрашиваетъ иронически авторъ):

II. Де Местръ не авторитетъ.

III. Если еретикъ избранъ въ папы, что тогда? Отвѣтъ: епископъ Фесслеръ, секретарь Ватиканскаго собора говоритъ, что подобный случай крайне невѣроятенъ, но что все таки и въ этомъ случаѣ Богъ Своимъ особымъ содѣйствіемъ сохранитъ Церковь и папу отъ еретическаго постановленія. Отецъ Х. прибавляетъ, что исторія не являетъ этому ни одного примѣра.

IV. Въ Церкви долженъ существовать непогрѣшимый санъ (Amt), опирающійся на содѣйствіе Божіе. Кто никакого учительствующаго сана (Lehr-Amt) не признаетъ, тотъ стоитъ на другой почвѣ.

Отецъ Х. присовокупляетъ нѣкоторыя фактическія замѣчанія: „Варѳоломеевская ночь“, „Безье“ не могутъ быть поставлены на счетъ Католической церкви. Ни одинъ католикъ не лишенъ Свящ. Писанія. Каждому совѣтуется читать его подъ мудрымъ руководствомъ... Куда завело чтеніе Свящ. Писанія протестантовъ? или многія русскія секты (спрашиваетъ патеръ Х.?) Менѣе

всего запрещено чтеніе Свящ. Писанія тѣмъ, которые должны учить другихъ... Но истина должна лежать (liegen) въ живомъ преданіи (Церкви). Отецъ Х. удивляется, что генералъ Кирѣевъ полагаетъ, будто слово Божіе межно узнать только изъ буквъ Библіи. Вѣдь онъ же (К.) долженъ признавать и Русскую церковь носительницею откровенной истины. А много ли русскихъ читало Библію; самъ онъ читалъ ли ее?

Я желалъ бы знать, кого бы г. Кирѣевъ желалъ выставить рѣшающимъ судей въ вопросахъ религіозныхъ и философскихъ. затрогивающихъ область религіи?

Отвѣтъ на II-е письмо Патера Х.

Отъ 15-го августа, 1890.

Въ одномъ отношеніи мы, отецъ Х. и я, вполнѣ согласны: конца нашей перепискѣ и я не предвижу! Должно быть, я въ моемъ прошломъ письмѣ очень неясно выразился, такъ какъ отвѣты моего уважаемаго оппонента оставляютъ мои вопросы совсѣмъ безъ разрѣшенія. Первые наши шаги не расходятся: мы оба признаемъ, что церковное ученіе имѣетъ два основанія. А именно: священное *писаніе* и священное *преданіе*. И то и другое истинно, и то и другое должно быть пріемлемо всѣми вѣрующими; подъ преданіемъ слѣдуетъ конечно разумѣть *сумму* переданнаго; т. е. все, во что вѣровали *всѣ, всегда и вездѣ* (quo dsemper, quod ubiqne, qnod ab omnibus creditum est) подъ omnes, думаю я, слѣдуетъ прежде всего разумѣть соборы, которые суть представители всеій церкви, и единомыслящихъ отцовъ церкви; доселѣ мы (*принципіально*) согласны. Но далѣе, мы начинаемъ расходиться. Отецъ Х. говоритъ: „Папа имѣетъ передъ прочими членами церкви, которые всѣ должны хранить истину, еще то преимущество, что онъ по слову Хри-

стову „Я молился за тебя, да не оскудѣетъ вѣра твоя“, можетъ, какъ верховный учитель Богооткровенной истины, самъ изъ себя (а не по (ex) согласію церкви, „ex sesse non autem ex consensu Eccleiae“) давать „неотмѣнимыя“ (безусловно истинныя) догматическія рѣшенія. (Слово „можетъ“ кажется мнѣ легкимъ варіантомъ текста, но все равно). Но былъ ли (сими словами Спасителя) сообщенъ папѣ даръ непогрѣшимости? это должно еще доказать; (доселѣ еще весь onus probandi лежитъ на отцѣ Х.). Объ этомъ много писано, м. пр. написано и у великихъ Отцевъ Церкви, но далеко не въ смыслѣ инфальлибилистовъ. Эти слова Спасителя не могутъ быть принимаемы въ ихъ безусловномъ значеніи, потому, что именно вслѣдъ *за* сими словами Спаситель говоритъ о предстоящемъ троекратномъ отреченіи Петра. Кажется болѣе торжественнаго, полнаго (хотя и временнаго) примѣра оскудѣнія вѣры трудно найти! Да и завѣщаніе Христово, утвердить колеблющихся братьевъ, Апостолъ исполнилъ только отчасти, такъ въ Антіохіи, онъ ввелъ въ смущеніе братьевъ своихъ, относительно очень важнаго вопроса о томъ, имѣетъ ли для христіанъ обязательное значеніе ветхозавѣтный законъ. Онъ поступалъ не по евангельской истинѣ, говоритъ Павелъ (Гл. 2, 11—14) [1]). Такъ обыкновенно и излагалось все это дѣло отцами церкви, не приписывавшими ни одному изъ апостоловъ отдѣльно взятому личной непогрѣшимости. Патеръ Х, говоря о правѣ папы постановлять непогрѣшимыя рѣшенія, прибавляетъ, „d. h. dass heisst?“, это значитъ, что онъ въ этихъ своихъ рѣшеніяхъ всегда *остается въ согласіи съ живущею въ Церкви истиною и никогда не пойдетъ* противъ преданія Церкви, не пойдетъ одинъ противъ всѣхъ другихъ епископовъ“ (Весьма рискованное толкованіе!).

[1]) Но когда я увидѣлъ, что они не прямо поступаютъ по истинѣ Евангельской, то сказалъ Петру...

Дальнѣйшія разъясненія Патера Х. имѣютъ предметомъ соотношеніе головы и членовъ и т. д.

[1]Что доказательство, основанное на сравненіи церкви съ тѣломъ и головой, столь рѣзко матеріалистичное, находитъ сочувствіе въ людяхъ, которые и религію понимаютъ матеріалистически, — это вполнѣ понятно; но что ученые богословы и теперь еще употребляютъ его какъ серіозный богословскій *аргументъ и притомъ буквально*, это совершенно невѣроятно! Въ древней церкви (напр. у Августина [1]) это уподобленіе разумѣлось *символически*. Также и у Кипріана. О какой-либо *живой матеріальной головѣ* они никогда не говорили! достаточно вдуматься въ смыслъ вѣры, въ ея „духовность", чтобы понять, до какой степени матеріалистическія воззрѣнія тутъ не пригодны! Должно замѣтить, что юридическія, дѣловито-прозаическія воззрѣнія языческаго Рима имѣли большое вліяніе на западные умы низшаго разбора, именно относительно способа пониманія религіозныхъ истинъ. Самое латинское слово „Religio" звучатъ матеріалистически, юридически. „Religare—связывать". Тутъ не свободная преданность любящаго сына, свободнаго ученика, тутъ *идея связывающей внѣшней необходимости*, *идея принудительно-внѣшняго*, *матеріальнаго насилія*. По-русски, и вообще по славянски говорятъ вмѣсто религіи „вѣра"; по гречески „благочестіе". Это матеріалистическое, юридическое воззрѣніе отразилось на Западномъ ученіи матеріальнаго воздаянія за грѣхи и заслуги. Только умъ, стоявшій на римской (юридической) почвѣ, могъ изобрѣсти средневѣковое чистилище и теорію разрѣшенія грѣховъ; только юристы могли ввести въ отношенія человѣка къ Богу такую мелочную, судейски-дѣловую отчетность. Этотъ же матеріалистическій элементъ имѣлъ послѣдствіемъ и то, что идея церковнаго единства развилась на Западѣ въ ма-

[1]) См. на пр. De Unitate Ecclesiae § 50 (о главенствѣ Христа)

теріалистическомъ направленіи. Западный человѣкъ (я говорю, разумѣется, о болѣе грубомъ разрядѣ людей, но онъ и составляетъ большинство) желаетъ имѣть для своей церкви *матеріальную* главу, желеетъ ее видѣть, лобызать, осязать; а не то ему кажется, что ея нѣтъ! Чего я не вижу моими тѣлесными глазами, то для меня не существуетъ. (Не напоминаетъ ли это просьбу пребывавшаго еще въ грубомъ міровоззрѣніи апостола Филиппа?)—„*Покажи* намъ Отца!“ Какъ будто не достаточно нравственной главы и нравственнаго символа единства? „Nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu“. Нѣтъ ничего въ умѣ, чего не было въ ощущеніи“ говоритъ отецъ новѣйшаго матеріализма.—Также точно и питомцы Рима; если они не видятъ своего „*головы*“, не могутъ цѣловать его туфли,—то онъ для нихъ и не существуетъ! Склонность трактовать богословскіе вопросы съ юридической точки зрѣнія и вообще пристрастіе къ юриспруденціи было характеристичной чертою римскихъ богослововъ. Юриспруденція получила преобладаніе надъ богословіемъ. Послѣднее, въ средніе вѣка, процвѣтало главнымъ образомъ во Франціи, Римъ посвящалъ себя изученію права. Еще Иннокентій IV основалъ въ Римѣ училище правовѣдѣнія. Въ богословіи имѣлось недостаточно матерьяла для возведенія зданія папской власти, по этому ухватились за право. Гдѣ богословіе оказывалось недостаточнымъ — тамъ выручало право, менѣе разборчивое на средства. Лже-Исидоръ, Граціанъ, лже-Кириллъ, все было пригодно. Жалобы на это юридическое направленіе приходили съ различныхъ сторонъ, такъ напр. Роджеръ Бэконъ, *Opus Tertium* Rerum Britannicarum Medii Aevi scriptores. London 1859, P. 84, 85. Говоритъ: Прежде, „tota sapentia, вся мудрость обрѣталась въ Свящ. Писаніи. Теперь не такъ; ибо теперь болѣе похваляемъ въ церкви Божіей, какой-нибудь свѣтскій юристъ, лишь бы знающій право гражданское и хотя незнакомый съ правомъ канониче-

скимъ и богословскимъ, чѣмъ магистръ богословія; онъ раньше избирается на духовныя должности. Nunc non est ita, nam plus laudatur in Ecclesia Dei unus jurista civilis, licet solum sciat jus canonicum et theologiam, quam unus magister in theologia, et citius eligitur ad ecclesiasticas dignitates". Далѣе онъ жалуется на Abusum juris, за злоупотребленіе правомъ. Если бы каноническое право очистить отъ избытка права гражданскаго и помощію богословія привести и его въ порядокъ, то и управленіе Церковью было бы славнѣе и болѣе сообразно ея достоинству. Si etiam jus canonicum purgaretur a superfluitate juris civilis et regularetur per theologiam, tunc Ecclesie regimen fieret gloriose et secundum ejus propriam Dignitatem. Это тѣмъ болѣе представляетъ интереса и значенія, что, какъ извѣстно, отношенія Бэкона къ папѣ были наилучшія.

Юридическая черта въ римскомъ богословіи совершенно осязательна, и поэты и мыслители одинаково жалуются на это. Такъ Данте (Canto IX, v. 135, Paradiso) говоритъ:

Per questo l'Evangelio e i dottor magni
Son derelitti e solo ai decretali
Si studia, si, che pare a lor vivagni.
A questo intende il Papa e i cardinali
Non vanno il lor pensieri a Nazarette
La dove Gabriel aperse l'ali.

(Посему евангеліе и великіе учители оставлены: Изучаются (тщательно) однѣ декреталіи, это видно на поляхъ (ихъ книгъ). Въ этомъ папа и кардиналы знатоки. Ихъ мысли не стремятся къ Назарету, туда гдѣ (архангелъ) Гавріилъ открылъ свои крылья.

Мой ученый оппонентъ говоритъ:

1. Что каждый христіанинъ, согласно своему положенію въ Церкви, учитъ истинѣ; а такъ какъ папа занимаетъ высшее положеніе, то онъ передъ другими христіанами имѣетъ преимущество *непогрѣшимости.*

2 Что папа обладаетъ ею по слову Христа „Я молился за тебя, да не оскудѣетъ вѣра твоя".

3. Что этотъ исключительный даръ состоитъ въ томъ, что папа въ своихъ вѣроучительныхъ рѣшеніяхъ говоритъ единогласно съ церковью и не противорѣчитъ преданію.

Я отвѣчаю:

На 1. Способность учительства или власть учительства (Lehrfähigkeit), которая дана была папѣ Ватиканскимъ соборомъ, и та, которая принадлежитъ каждому отдѣльному христіанину, не находятся ни въ какой связи; между ними нѣтъ логической цѣпи, нѣтъ причинной послѣдовательности. Учительская власть (или учительская способность) папы имѣетъ совершенно иной характеръ, а именно характеръ непогрѣшимости, каковымъ (по слову Христа и по нашимъ православно-восточнымъ воззрѣніямъ) обладаетъ одна только въ своей совокупности Церковь. Эта новая власть папы и власть простаго христіанина (также и епископа) различаются не только количественно, но и качественно. Власть папы имѣетъ качество, которое безусловно отсутствуетъ у власти всѣхъ остальныхъ христіанъ, взятыхъ отдѣльно; первая почитается *непогрѣшимою*, вторая *не такова*.

На 2. Я не вижу никакой логической связи между словами Христа, обращенными къ „князю апостоловъ" и мнимою непогрѣшимостью папы. Въ этихъ словахъ Спасителя (какъ и вообще во всемъ Свящ. Писаніи) а) нѣтъ и рѣчи о какомъ бы то ни было папѣ или патріархѣ; b) есть, напротивъ, указаніе на возможность *оскудѣнія* вѣры Апостола. Эта возможность позднѣе и подтвердилась (Троекратное отреченіе Апостола отъ Христа). Но молитва Христова восполнила и это временное оскудѣніе вѣры у святаго, устранила его. Вотъ что̀ выражено въ этихъ словахъ, ничего болѣе. Правда, изъ нихъ можно извлекать весьма широкія, весьма различныя и даже противорѣчивыя *умозаключенія*, ихъ и

извлекали; напр. такое: Христосъ зналъ, что у Петра пылкій, впечатлительный характеръ, Онъ предвидѣлъ, что Апостолъ этотъ поколеблется (и *до*, и *послѣ* смерти Христовой), что страхъ вовлечетъ его въ поступки, въ которыхъ онъ будетъ горько раскаиваться, потому Онъ заранѣе и укрѣпилъ Апостола Петра, дабы тотъ послѣ паденія своего не впалъ въ отчаяніе.... вообще толкованій много. Но чтобы эти, и подобныя умозаключенія Отцевъ получили безусловную цѣнность, полный богословскій авторитетъ, они должны быть тождественны; Отцы должны быть въ единомысліи; гдѣ этого единомыслія (consensus Patrum) нѣтъ, тамъ эти различныя умозаключенія имѣютъ цѣну только личныхъ мнѣній (opiniones privatae), которымъ приписывается большее или меньшее значеніе, смотря по значенію самого отца Церкви. Но большинство Отцовъ высказалось въ смыслѣ, который инфальлибилистическимъ теоріямъ вовсе не соотвѣтствуетъ. Въ такомъ важномъ вопросѣ слѣдуетъ обходиться съ текстами осмотрительно, и тѣмъ болѣе, когда приводятся слова Спасителя и когда на этихъ дурно понятыхъ и дурно истолкованныхъ словахъ основывается совершенно новая, и вдобавокъ ложная теорія.

На 3. Этотъ пунктъ долженъ, вѣроятно, у Патера Х. служить разъясненіемъ, болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ содержанія Constitutio Dogmatica.

Мнѣ нѣтъ надобности приводить ея полный текстъ? Каждый католикъ долженъ знать его наизусть! Вѣдь онъ составляетъ весьма важное дополненіе къ Символу вѣры (Въ практическомъ отношеніи гораздо важнѣйшее, чѣмъ напр. „Filioque“, противъ внесенія котораго такъ строго протестовалъ папа Левъ). Я, признаюсь, рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ можно пунктъ этотъ о единогласіи Папы съ Церковью привести въ соотвѣтствіе съ Constitutio Dogm.? Въ Constitutio просто и ясно постановляется, что когда папа

говоритъ какъ учитель Церкви, что̀ обыкновенно и выражаютъ словами „ex cathedra“), онъ произноситъ неотмѣнимыя (непогрѣшимыя) изреченія. О *единомыслiи*, о согласiи съ Церковію обо всемъ этомъ въ Constitutio нѣтъ и рѣчи. Все, что здѣсь приводитъ отецъ Х., для католика правда очень утѣшительно, но, къ сожаленію, объ этомъ новый догматъ не говоритъ ни слова; онъ даже говоритъ *какъ разъ противоположное*, такъ какъ вѣдь мнѣніе Церкви торжественно отлагается въ сторону. „Non autem ex consensu Ecclesiae“, говоритъ Constitutio. Было бы лучше, еслибы уважаемый отецъ Х. могъ узнать на болѣе твердую опору для своихъ идей!

Ученіе о непогрѣшимости папы, *соединеннаго съ Церковію*, съ давнихъ поръ существовало въ Западной церкви (даже у Галликанъ), позднѣе ученіе это было, какъ извѣстно, отвергнуто; на что же опирается отецъ Х., принимая подобныя воззрѣнія въ *свое* богословіе? Какъ уже сказано, въ Свящ. Писаніи нѣтъ ни одного слова, ни помину о какихъ либо папахъ, патріархахъ и ихъ непогрѣшимости; но мой уважаемый оппонентъ, какъ и большая часть его единомышленниковъ, этимъ не смущается. Онъ разсуждаетъ, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ: Церковь есть тѣло, а тѣло должно имѣть голову; вотъ папа и есть эта голова, и если оба они должны жить, то они не могутъ быть разлучаемы. Но, повторяю, это сужденіе не вѣрно, потому что матеріалистично; оно пригодно въ зоологіи, а не въ богословіи, даже и не въ политикѣ, которая, однако, большею частію имѣетъ дѣло съ весьма осязаемыми, матеріальными вопросами. То, что можно сказать о животномъ организмѣ, о Церкви можетъ быть сказано только аллегорически, такъ какъ Церковь не есть животный, а мистическій организмъ, *глава котораго Христосъ*. Паписты должно быть думаютъ что то, чего мы не можемъ видѣть, осязать, обонять, того и не суще-

ствуетъ, или если оно гдѣ и существуетъ, то этого намъ недостаточно. Таинственной главы мало, она не можетъ сообщать намъ истину достаточно быстро, не можетъ достаточно хорошо управлять Церковію и т. д. „*Покажи* намъ Отца..“ слышится снова, какъ будто Христово ученіе еще не возвѣщено и неизвѣстно, какъ будто Его смерть и наше искупленіе еще не совершены! Развѣ не существуютъ и въ реальной жизни политическіе или экономическіе организмы, которые не имѣютъ матеріальной главы, и тѣмъ не менѣе, прекрасно живутъ сотни лѣтъ! (Венеціанская республика, Остъ-Индская Компанія, Сорбонна, всякаго рода Академіи и т. п.). Не станетъ Патеръ Х. повторять наивной аргументаціи св. Ѳомы Аквината касательно монархіи въ Церкви? [1]).

Правда у древнихъ Отцевъ Церкви, говорящихъ м. пр. и о папахъ, мы находимъ различныя сравненія, аллегоріи, метафоры, гиперболы... какъ напр. „глава“, „отецъ“, „столпы истины“, „основанія“, „Князья“ и т. д. Однако ни одному знакомому съ Писаніемъ и Церковною исторіей и bona fide ведущему споръ человѣку не придетъ въ голову на подобныхъ выраженіяхъ основывать *юридическія, да еще и безусловныя права.* Конечно, какой-нибудь крючекъ — адвокатъ способенъ на выраженіяхъ любви и почитанія, находящихся въ какомъ-нибудь письмѣ, основать притязанія матеріальнаго характера, но отнюдь не добросовѣстный, похристіански мыслящій полемистъ! Если подобные адвокаты-полемисты существуютъ въ Римской церкви, то это люди, отъ юности привыкшіе къ юридическому и даже іезуитски-софистическому способу аргументаціи; къ сожалѣнію, много встрѣчается подобныхъ полемистовъ, которые, опираясь

---

[1]) Послѣ принятія папою подъ свое покровительство французской республики такія мнѣнія добрымъ католикамъ очень неудобны!

на такіе аргументы, желали бы перевернуть всю организацію Церкви.

Поборники папизма отвѣчаютъ на это слѣдующее: „Правда, Христосъ не говорилъ о папѣ, но онъ не говорилъ и объ епископахъ". „Справедливо; епископскій санъ въ его настоящемъ видѣ установила *Церковь*, но онъ и есть de jure ecclesiastico, а не divino". Точно также и *папа;* мы тоже готовы признать его санъ, его приматство inter pares, но какъ существующее de jure „ecclesiastico", а не „divino", а этимъ вѣдь паписты не удовольствуются!

Повторяю: о непогрѣшимости папы, *соединеннаго съ Церковію, о соединеніи папы съ Церковію* (для полученія этой новой совмѣстной непогрѣшимости), наконецъ о *соединеніи обѣихъ непогрѣшимостей* (Церкви и папы) въ Constitutio 1870 г. нѣтъ ни слова; наоборотъ—тамъ говорится о *совершенно личной* непогрѣшимости папы и ни о какой другой. Послѣднія слова отца Х. тоже несовмѣстимы со смысломъ Constitutio Dogm. Мой уважаемый оппонентъ говоритъ: „Можетъ ли папа и лично почитаться непогрѣшимымъ въ вѣрѣ, это—спорный вопросъ, богословіемъ не рѣшенный, да и совершенно второстепенный!" Напротивъ, онъ вполнѣ рѣшенъ. И можно ли вопросъ этотъ считать второстепеннымъ?! Мой уважаемый оппонентъ, вѣроятно, шутитъ?! Развѣ онъ не видитъ, что отъ рѣшенія того вопроса зависитъ будущность всей Западной Церкви?! Да онъ и *рѣшенъ*, рѣшенъ повсюду и окончательно. Восточное богословіе, какъ и протестантское, рѣшило его *отрицательно;* что касается до богословія римско-католическаго, то оно было свободно до 1870 г., но теперь никакой споръ о семъ вопросѣ невозможенъ; дѣйствительно, до 1870 г. велись споры, вообще великіе католическіе богословы подавали голосъ противъ *этой* непогрѣшимости, но теперь, повторяю, вопросъ этотъ для римскаго католицизма рѣшенъ *утвердительно* и *навсегда;* это твердо

и ясно какъ день. Выраженія опредѣленія не допускаютъ, касательно этого, ни малѣйшаго сомнѣнія; *именно личности учащаго папы сообщенъ даръ непогрѣшимости безъ согласія Церкви!* Это „non ex consensu Ecclesiae", къ сожалѣнію, высказано такъ ясно, что именно объ этомъ теперь спорить bona fide не оказывается ни малѣйшей возможности. Отецъ Х. говоритъ далѣе: „папы *никогда* не рѣшаютъ вопроса подъ какимъ нибудь воображаемымъ „вдохновеніемъ", а всегда послѣ того, какъ они... пріобрѣтутъ себѣ нравственное убѣжденіе, что оспариваемое ученіе соотвѣтствуетъ совокупному сознанію католическаго народа. Тѣмъ не менѣе, ихъ рѣшеніе истинно (непогрѣшимо?) не вслѣдствіе этого нравственнаго убѣжденія, „но главную роль здѣсь имѣетъ содѣйствіе Святаго Духа". Die Hauptrolle. „Этимъ разрѣшаются", прибавляетъ отецъ Х., „недоумѣнія господина Кирѣева".

Къ сожалѣнію, нѣтъ; какъ разъ наоборотъ! Къ старымъ недоумѣніямъ присоединяются новыя.

Во первыхъ: что значатъ слова: „папы никогда не рѣшаютъ и т. д?..." Въ нашемъ спорѣ дѣло идетъ не о *фактѣ* только, не о возможности или о *власти* постановлять различныя рѣшенія, но, и *еще болѣе*, о *правѣ* давать ихъ „sine consensu Ecclesiae", о *правѣ опредѣлять догматы*! Что папы донынѣ, какъ утверждаетъ патеръ Х., черезъ опросъ ли своихъ совѣтниковъ, или иначе, приходили къ нѣкоторому нравственному убѣжденію, это безразлично и на мои доводы не отвѣчаетъ. То, о чемъ мы говоримъ, есть вопросъ права (а не исторіи). Важно не то, что́ папы *дѣлали* или *дѣлаютъ*, но что они *могутъ* дѣлать (опираясь на свою личную непогрѣшимость).

„Это не вдохновеніе", учитъ далѣе отецъ Х., „но главная роль здѣсь принадлежитъ дѣйствію Св. Духа". Въ чемъ же состоитъ его роль? (функція) въ томъ ли, что Онъ дѣйствующему лицу являетъ истину? *нрав-*

ственно его вынуждаетъ слѣдовать этой истинѣ, провозглашать ее?—Какъ бы это ни называли, „вдохновеніемъ“ или иначе, это безразлично; важно здѣсь то, что (по мысли Патера Х) Духъ Святый сосредоточиваетъ свое дѣйствіе на одномъ только лицѣ, а не на *Церкви*, что онъ дѣйствуетъ на одного папу. *Главная* роль! Гдѣ *дѣйствуетъ* Духъ Святый, тамъ не можетъ быть *главной* роли и еще одной или нѣсколькихъ *другихъ*. Для другихъ воздѣйствій тутъ нѣтъ мѣста. Но это вопросъ особый!

На мой вопросъ—„что же тогда постановилъ Ватиканскій соборъ?“ — отецъ Х. отвѣчаетъ, что „теперь между папою и Церковію раздѣленія болѣе быть не *можетъ*“ (?), что теперь папа, какъ учитель (als Lehrer), *есть* выразитель церковнаго сознанія (des Kirchlichen Bewusstseins).

Я попросилъ бы моего уважаемаго оппонента показать мнѣ, гдѣ все это можно найти въ Constitutio Dogmatica? Тамъ, правда, сказано, что папа имѣетъ право провозглашать догматы, не спрашиваясь Церкви, не испрашивая ея согласія. Конечно, при такомъ правѣ раздѣленіе невозможно! Гдѣ одна сторона говоритъ непогрѣшимо, а другая, которую съ 1870 г. уже нѣтъ надобности и спрашивать, должна только всеподданнѣйше заносить въ списки непогрѣшимыя рѣшенія,—тутъ, конечно, не можетъ быть никакого раздѣленія! Но несомнѣнно, мой оппонентъ не въ этомъ смыслѣ понимаетъ данный вопросъ?

Отецъ Х. не безъ иронія спрашиваетъ, какъ дѣло поставлено у насъ? У насъ оно поставлено такъ, какъ стояло въ древней нераздѣльной Церкви! Для насъ обязательны только изреченія Свящ. Писанія и *истинныхъ* вселенскихъ соборовъ, а наши догматы суть тѣ же, кои были и въ древней Церкви, кои признавались и на Западѣ до времени произвольнаго внесенія Filioque въ Никео-Цареградскій символъ. Если бы папа захотѣлъ

догматы, вкравшіеся съ того времени въ римскую догматику, снова объявить лишь вѣроучительными мнѣніями, богословскими „opiniones“ и этимъ отнялъ бы у нихъ обязательный характеръ, то тогда достичь соединенія Церквей и возстановленія правъ приматства римскаго епископа было бы дѣломъ легкимъ. Другимъ путемъ достичь этого нельзя! Пусть знаютъ это поборники флорентійской уніи!

Мнѣ казалось, что сочиненія де Местра не только получили одобреніе куріи, но даже заслужили автору благодарственную грамату отъ папы. Такъ, значитъ, я ошибался?

Касательно избранія въ папы еретика, патеръ Х говоритъ, что „Богъ охранитъ и этого еретика отъ еретическаго постановленія“. Да, но это слѣдовало бы доказать. *Почему* „охранитъ“ его Богъ? Въ этомъ доказательствѣ почтеннаго патера заключенъ очевидный „circulus vitiosus“. Отецъ Х. опирается на Еп. Фесслера, бывшаго секретаремъ Ватиканскаго собора, а на что опирается Еп. Фесслеръ? На „зоологическое“ доказательство „головы и членовъ!“ Прежде взглядъ былъ не такой. Древніе папы говорили просто, что когда папа оказывается еретикомъ, паства смѣщаетъ его; это было правильно! Отецъ Х. совершенно правъ, говоря, что надо имѣть въ виду Божію помощь; конечно, но Богъ Свою помощь обѣщалъ *Церкви*, а не папѣ; въ особенности когда этотъ папа хочетъ управлять Церковію *безъ* Церкви! Что скажетъ отецъ Х. о возможности избранія въ папы ребенка? Что станется тогда съ утѣшительною вѣрою Еп. Фесслера? По всей вѣроятности, легенда о паписсѣ Іоаннѣ ложна, но развѣ она болѣе соблазнительна, чѣмъ исторія ребенка, избираемаго въ папы?

„Безье, Альби“ и т. д. говоритъ патеръ Х. „не падаютъ на счетъ Церкви“. Хорошо; но они несомнѣнно падаютъ на счетъ папы, приказавшаго начать войну

и, какъ мы уже говорили, прикомандировавшаго къ войску Монфорта двухъ легатовъ, писавшихъ папѣ донесенія о счастливомъ ходѣ обращеній. Кровожадные воины Креста (!) были осыпаны самыми щедрыми индульгенціями; на чей счетъ поставить эти послѣднія? И вѣдь все это происходило какъ разъ во время расцвѣта папской власти!

Обратимся теперь къ вопросу о чтеніи Свящ. Писанія. Можетъ ли каждый католикъ читать Свящ. Писаніе? (не испрашивая себѣ заранѣе позволенія) *Да* или *нѣтъ?* Отвѣтъ моего оппонента очень уклончивъ.

Правда, я тоже вѣрую (какъ и отецъ Х.), что одной Библіи не достаточно; но я полагаю, что каждый христіанинъ имѣетъ право читать Слово Божіе и что это въ высшей степени благотворно. Патеръ Х. отвѣчаетъ мнѣ: „каждому совѣтуется подъ мудрымъ руководительствомъ читать Слово Божіе"; это отвѣтъ не ясный. Позволеніе читать Слово Божіе только „подъ мудрымъ руководительствомъ" — замаскированное запрещеніе. Только тогда Слово Божіе достигаетъ полной своей силы и настоящаго своего значенія для души человѣка, когда чтеніе онаго свободно! Конечно, читая Слово Божіе, можно впасть въ заблужденіе, но нравственное преуспѣяніе безъ свободы (и къ сожалѣнію, безъ опасности погрѣшить) немыслимо. Если съ Словомъ Божимъ можно знакомиться только подъ опекою „руководителя совѣсти" (directeur de conscience), далеко не уйдешь! „Magister dixit" пригодно для дѣтей, а христіанинъ долженъ же когда-нибудь стать мужемъ! Апостолы и евангелисты были бы несказанно изумлены, если бы имъ объявили, что ихъ Писанія въ нѣкоторомъ смыслѣ попадутъ въ „Jndex librorum prohibitorum", что и случилось въ Римской Церкви. Мой уважаемый противникъ спрашиваетъ меня: „много ли русскихъ читало Слово Божіе и читалъ ли *его я самъ*." Теперь, грамотность распространилась и у насъ, и

евангелія массами стали расходиться среди крестьянъ, такъ что Слово Божіе читаютъ (слава Богу!) довольно много. За послѣднія десятилѣтія число народныхъ школъ весьма увеличилось и, безъ сомнѣнія, каждый крестьянинъ, выучившійся читать, читалъ и Слово Божіе и читалъ его болѣе, чѣмъ что-либо иное.—„Много ли такихъ? иронически спрашиваетъ отецъ Х. Этого я, конечно, опредѣлить не могу, но во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ въ странахъ, составляющихъ или составлявшихъ главные очаги, центры католицизма, въ Италіи и Испаніи (вѣроятно и въ Парагваѣ). Что же касается меня грѣшнаго, то я Слово Божіе *читалъ*, *читаю* и *изучаю*, поскольку это доступно мірянину и самоучкѣ!

Я позволю себѣ вкратцѣ повторить сказанное мною и сознаюсь, что недоумѣнія мои, касательно главнаго пункта нашей переписки, доводами моего уважаемаго оппонента не устранены; скажу болѣе—какъ разъ наоборотъ—они усилились. Вѣдь, отождествленіе древней непогрѣшимости Церкви (признаваемой нами обоими) съ новою, мнимою непогрѣшимостью папы, отцемъ Х. не доказано!

До 1870 г. въ римско-католической Церкви *личной* непогрѣшимости папы не существовало, или по крайней мѣрѣ, она подлежала спору, была „мнѣніемъ“,—теперь она существуетъ, какъ неоспоримая „истина“, какъ *„догматъ“*. Этого во вѣки не замаскировать никакими софизмами! Но что значитъ *„личный?“* что вообще можно назвать „личнымъ?“ То, что *принадлежитъ кому либо спеціально, что составляетъ его* принадлежность, *его* способность, *его* свойство и притомъ *съ исключеніемъ кого-либо другого.* Если кто имѣетъ право пользоваться этой спеціальной способностью, этой привилегіей, не испрашивая на это позволенія или согласія кого-либо другого „sine ejus consensu!“—(какъ папа—„sine consensu ecclesiae“), то это и есть *его* личное право, *его* личная привилегія. Эта прибавка, это разъ-

ясненіе „non autem ex и т. д....“ такъ ярко освѣщаетъ понятіе новой непогрѣшимости, что я не понимаю, какъ можно объ этомъ „bona fide“ спорить! (Стоитъ только взять словарь, и граматику!). Въ Constitutio не сказано: безъ изслѣдованія, безъ справки, безъ опроса или совѣщанія и т. п.... Нѣтъ, все это составителямъ текста показалось не достаточно сильнымъ, хотѣли чего-нибудь, чтобы не позволяло никакого сомнѣнія и написали non ex consensu, *безъ согласія*; стало быть, можно не только не совѣщаться съ Церковію, не спрашивать *ее* и т. п., но даже, если и спросятъ ее, и она будетъ несогласна, *если она въ своемъ согласіи откажетъ, если отвергнетъ идеи папы*, то, и въ этомъ случаѣ, съ 1870 года, папа имѣетъ право дать силу своимъ воззрѣніямъ, свои opiniones обратить въ догматы! и это не есть личная непогрѣшимость?!

Кирѣевъ.

Павловскій Дворецъ, 1-го сентября 1890 г.

III. Письмо Патера X. (въ извлеченіи).

Отъ 4-го сентября 1890 г.

Генералъ Кирѣевъ думаетъ, что я сливаю во едино обѣ непогрѣшимости (Церкви и папы) въ галликанскомъ смыслѣ, причемъ становлюсь въ противорѣчіе съ Ватиканомъ. Это не такъ: галликане говорятъ (1682, IV. Art): In fidei quoque quaestionibus praecipuas Summi Pontificis esse partes ejusque decreta ad omnes et singulas Ecclesias pertinere, nec tamen irreformabile esse ejus judicium nisi Ecclesiae consensus accesserit [1]). Это, гово-

[1]) Въ вопросахъ вѣры главное значеніе принадлежитъ верховному первосвященнику, его постановленія распространяются на всѣ церкви вообще и въ отдѣльности; и, однако, приговоръ его становится неотмѣннымъ только, если послѣдуетъ согласіе церкви.

ритъ отецъ Х. — противорѣчіе. Но въ Ватиканскихъ опредѣленіяхъ продолжаетъ онъ, противорѣчія нѣтъ. А именно постановлено: „Romanum Pontificem ea infallibilitate pollere, qua divinus Redemptor Ecclesiam suam.. Instructam esse voluit. Jdeoque ejusdem Rom. Pontificis definitiones ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae irreformabiles esse. [1]). *Итакъ* (?) непогрѣшимость Церкви и папы *одно и то же!* Церковь и папа составляютъ одно цѣлое. Въ своихъ заявленіяхъ папа даетъ выраженіе живущей въ Церкви истинѣ. Изъ этого слѣдуетъ *(ideoque)*, что галликанское ученіе ложно. Центръ тяжести (ватиканскаго постановленія) лежитъ въ первомъ предложеніи, а не во второмъ, составляющемъ простой выводъ изъ установленнаго принципа по отношенію къ отдѣльному случаю. Отецъ Х. ссылается на Кануса; онъ подчеркиваетъ, что непогрѣшимость есть благодать, *сопряженная, соединенная съ саномъ,* съ должностью; личность папы непогрѣшима *только вслѣдствіе его сана,* а личность папы есть неотъемлемый членъ церковнаго организма. Личнымъ нельзя называть того, что принадлежитъ кому либо только въ силу его должности. Относительно вѣры и нравственности папа, даже въ оффиціальныхъ своихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ, *не носящихъ характера приговора ex catheda,* можетъ выражать мнѣнія, не подлежащія исполненію (тѣмъ болѣе въ книгахъ и т. д. [2]), хотя иные (богословы) сіе и отрицаютъ по отношенію къ послѣднимъ (къ заявленіямъ оффиціальнымъ, но не имѣющимъ характера каѳедральныхъ!).

---

[1]) Римскій первосвященникъ является исполненнымъ тою непогрѣшимостью, которою божественный Искупитель благоволилъ надѣлить Церковь Свою; посему его, Римск. первосвященника, опредѣленія суть неотмѣнимы сами по себѣ, а не по согласію (съ ними) церкви.

[2]) Должно быть мой почтенный оппонентъ кстати вспомнилъ исторію Сакта V и его перевода библіи! (наполненнаго ошибками).

Называть личнымъ что-либо, принадлежащее человѣку только въ силу его должности противорѣчитъ принятому словоупотребленію.

Доказательствъ непогрѣшимости и другихъ пунктовъ г. Х. пока не касается; но онъ желалъ бы знать, какъ это генер. Кирѣевъ нашелъ св. Ѳому Аквината „наивнымъ“, онъ (отецъ Х.) этого качества въ немъ еще не замѣчалъ.

На замѣчаніе, чѣмъ утѣшитъ себя епископъ Фесслеръ, когда папой избрана будетъ женщина или дитя, патеръ Х. говоритъ: „Вѣра наша дѣйствительно утѣшительна; мы вѣруемъ, что Богъ при всякихъ обстоятельствахъ будетъ управлять Церковію; мы видѣли на престолѣ Петровомъ дѣтей, а также и весьма дурныхъ людей, но вѣра не потерпѣла отъ этого ущерба. Утѣшительная вѣра не есть пустое мнѣніе; она опирается на слова: на тебѣ созижду Я Церковь Мою и т. д... Это изреченіе до нынѣ оправдывалось [1]). Католическая церковь являетъ изъ себя нравственную *силу*. А что сталось съ тѣми, которые отъ нея отреклись; развѣ Восточныя Церкви выполнили свою культурную задачу, или хотя поняли ее? Или, можетъ быть, должно завидовать протестантизму въ его саморазложеніи?“

---

[1]) Слѣдуетъ ли это разумѣть, „cum grano salis?“ или мой уважаемый оппонентъ думаетъ, что онъ понимаетъ дѣло лучше, нежели отцы Собора 681-го года, 28-го марта осудившій монофизитизмъ? (Константинополь, XIII засѣданіе). Я замѣчаю это мимоходомъ и не хочу завязывать полемики о папской непогрѣшимости (это повело бы слишкомъ далеко), я желаю ограничиться исключительно освѣщеніемъ спеціальнаго вопроса о папской непогрѣшимости въ томъ видѣ, какъ она опредѣлена Ватиканомъ.

Отвѣтъ на III письмо Патера X.

4-го сентября.

Да! мы не согласны въ пониманіи непогрѣшимости! Для меня (и для очень многихъ) она есть камень соблазна; для моего уважаемаго оппонента—нѣтъ, и даже, повидимому, совершенно наоборотъ! Компромисса мы, очевидно, никогда не достигнемъ. Отцу X. дѣло представляется совершенно простымъ, онъ удивляется, какъ это мнѣ оно является въ совершенно иномъ свѣтѣ. Но что дѣло не такъ ясно и просто, это было доказано на самомъ Ватиканскомъ соборѣ, гдѣ новый догматъ вызвалъ живѣйшую оппозицію и притомъ въ средѣ самыхъ ученыхъ епископовъ, числомъ болѣе 200. Послѣ долгой борьбы оппоненты сложили оружіе (болѣе 50-ти бѣжали изъ Рима); правда, всѣ они впослѣдствіи подчинились, но представленные ими на соборѣ аргументы противъ непогрѣшимости папы остались неопровергнутыми, и когда сами они мало-по-малу покорялись, они не могли представить основаній для этой свой покорности (Нежеланіе „опечалить“ Святаго Отца или желаніе „избѣжать раздѣленія“ все это, конечно, не богословскіе аргументы) да и вообще не аргументы. Развѣ кто бы то ни было имѣетъ право дѣйствовать противъ своей собственной совѣсти? Справедливо говоритъ Бернардъ Клервосскій: „Melius est ut scandalum oriatur, quam ut veritas relinquatar“ (Лучше пусть явится соблазнъ, нежели оставлена (забыта) будетъ истина).

Нѣтъ, я, къ сожалѣнію, не могу принять объясненій отца X. Онъ пишетъ: „г. Кирѣевъ думаетъ, что я хочу слить въ едино обѣ непогрѣшимости (папы и Церкви), причемъ я, X., становлюсь въ неразрѣшимое противорѣчіе съ Ватиканомъ, будто бы приписывающимъ непогрѣшимость папѣ лично, помимо Церкви“. Да, таково мое мнѣніе. Противорѣчіе между воззрѣніями Ватикана

и воззрѣніями отца Х. ясно, какъ день. Если я утверждалъ, что отецъ Х. въ нѣкоторомъ родѣ принимаетъ воззрѣнія галликанъ, то лишь въ томъ смыслѣ, что и онъ желалъ бы слить, отождествить папу съ Церковію, по отношенію къ дарованнымъ имъ благодати и правамъ. Но что галликане не были инфальибилистами и что отецъ Х. вообще не желаетъ быть галликаниномъ, это я охотно допускаю. Я вполнѣ согласенъ съ отцомъ Х., когда онъ говоритъ, что въ основѣ галликанскаго взгляда лежитъ логическая ошибка; это правда, ошибка ихъ заключалась вопервыхъ въ томъ, что галликане въ нѣкоторомъ отношеніи все таки приписывали папѣ непогрѣшимость, но думали „притупить остріе такого ученія“, дѣлая папу и Церковь нераздѣльными, сливая ихъ; и, вовторыхъ, въ томъ, что въ опредѣленіи догматовъ они ставили Царковь въ зависимость отъ папы. Это было несправедливо и нелогично; но я позволяю себѣ думать, что въ этомъ вопросѣ мой уважаемый оппонентъ тоже не остается вѣрнымъ логикѣ! (Впрочемъ, споръ этотъ съ 1870-го г. имѣетъ лишь историческій интересъ!) Древній взглядъ нераздѣльної Церкви не согласенъ ни съ галликанскимъ воззрѣніемъ, ни (и еще менѣе) съ ватиканскимъ. Это не подлежитъ сомнѣнію; Ватиканъ разъ навсегда положилъ конецъ недоразумѣнію галликанъ и вообще прежнихъ либераловъ поясннтельнымъ добавленіемъ *non autem ex consensu Ecclesiae.* Въ этомъ то вѣдь и состоитъ новый прогрессъ, новое развитіе католической догмы.

Прежде нежели обратиться къ этому главному предмету нашей полемики, я долженъ нѣсколькими словами отвѣтить на разные побочные вопросы, которые отецъ Х. затрогиваетъ въ своемъ письмѣ.

Въ отрицаніи галликанизма мы согласны (хотя и по противоположнымъ причинамъ).

О воспрещеніи мірянамъ читать евангеліе я не буду распространяться, это еще не догматъ, а распоряженіе,

которое соблюдается однако весьма строго; оно, слѣдовательно, можетъ быть отмѣнено папою „melius informato“. Но какъ можно защищать это запрещеніе, прочитавъ исторію Церкви, въ особенности исторію первыхъ вѣковъ?!

Насколько я помню, я не сказалъ, что Аквинатъ былъ наивенъ (это было бы значительное lapsus calami). Я говорилъ, кажется, о его наивномъ доказательствѣ, что монархическій видъ правленія есть и для Церкви наилучшій потому де, что онъ есть вообще наилучшій! Наивныя доказательства могутъ встрѣчаться и у ненаивныхъ людей! Конечно, Аквинатъ, эта великая средневѣковая фигура, не былъ человѣкомъ наивнымъ, хотя, повторяю, его аргументъ о монархіи въ Церкви безспорно наивенъ, да и критическія способности его оказались не изъ непогрѣшимыхъ — повѣрилъ же онъ Исидоровымъ декреталіямъ!

Далѣе я долженъ сказать, что для меня видѣть ребенка [1]) на папскомъ престолѣ гораздо соблазнительнѣе, нежели видѣть на немъ нечестивца. Развѣ для папы не нужно собственной способности мышленія, собственнаго разума? Развѣ онъ только непогрѣшимо-говорящая машина, родъ какъ-то догматизирующаго телефона? Я думаю, что Иннокентій III или Григорій VII не были бы удовлетворены такою дѣятельностью: что́ могли думать сочлены куріи, возлагая тіару на голову ребенка?! „Непогрѣшимое“ дитя! развѣ это не странно? Правда, я долженъ сказать, что для *не* римско-католика почти также трудно признать непогрѣшимаго мужа, какъ и непогрѣшимаго ребенка; и тотъ и другой полубоги или вѣрнѣе боги и вмѣстѣ человѣки (слѣдовательно— богочеловѣки!).

Наконецъ, патеръ X. обращается ко мнѣ съ argumentum ad hominem, и довольно колкимъ; католическая

[1]) Бенедиктъ IX былъ возведенъ на папскій престолъ 10 лѣтъ.

церковь, говоритъ онъ, являетъ изъ себя *силу* (Macht), а что сталось съ тѣми, которые отъ нея отреклись! (losgesagt). Что дѣлаютъ Восточныя церкви?—выполнили ли онѣ,—сознали ли онѣ культурную задачу христіанства! Мой оппонентъ ставитъ здѣсь и притомъ довольно поспѣшно важный и многостороній вопросъ, который нельзя рѣшать мимоходомъ. Притомъ его можно разсматривать съ различныхъ сторонъ, напр. насколько данная церковь вліяетъ на нравственность народа? Я думаю, что въ этомъ отношеніи у насъ дѣло состоитъ не хуже, чѣмъ въ государствахъ, гдѣ господствуетъ католицизмъ, напр., въ Италіи или Испаніи. Далѣе слѣдовало бы разсмотрѣть отношенія между церковію и Государствомъ; развѣ на Западѣ они лучше, чѣмъ у насъ? думаю наоборотъ! Его святѣйшество, кажется, не совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ? Но наиболѣе важная сторона вопроса догматическая; католики безъ сомнѣнія „богаче“ насъ догматами, у нихъ есть „Filioque“, у нихъ есть „Immaculata conceptio“. У нихъ, правда, нѣтъ болѣе чаши (форма таинства, установленная Спасителемъ!). За то у нихъ есть ученіе объ индульгенціяхъ, имѣющее догматическое значеніе. Наконецъ у нихъ есть непогрѣшимость папы. Они всѣмъ этимъ хвалятся. Насколько все это способствуетъ просвѣщенію и содѣйствуетъ нравственности, я оставлю подъ вопросомъ. Объ этомъ мнѣнія могутъ быть весьма различны (Кардиналъ Маннингъ, напр., говоритъ, что, благодаря провозглашенію Непорочнаго Зачатія, онъ болѣе ясно сталъ понимать догматъ троичности!?) Мы полагаемъ, что преуспѣяніе въ церковной жизни не достигается постояннымъ умноженіемъ числа догматовъ. Мы думаемъ, что главная задача Церкви, ея преуспѣяніе состоитъ въ томъ, чтобы человѣчество прочнѣе усвоивало себѣ уже *существующіе догматы*, существующее христіанское ученіе и *осуществляло* ихъ въ своей жизни. Вотъ тѣ задачи, тѣ внутреннія духов-

ныя „завоеванія“, къ которымъ мы стремимся, и я полагаю, что они представляютъ бо́льшую цѣну, чѣмъ „завоеванія“ внѣшнія, часто лишь формальныя. Я вовсе не хочу отрицать великихъ заслугъ католической церкви, иногда (въ первыхъ столѣтіяхъ) оказывавшей услуги и Востоку, когда напр. Цареградскій престолъ былъ занятъ императорами иконоборцами; отрицать это было бы „несправедливо и неразумно“. Но какъ обстоятъ дѣла ея теперь? Патеръ Х. говоритъ о *силѣ* католичества. Что оно еще сильно, этого отрицать нельзя; но что значитъ *сила?* сила, какъ таковая? Мой оппонентъ имѣетъ, кажется, о ней слишкомъ высокое мнѣніе и смѣшиваетъ ее съ *правомъ* и *истиною;* а вѣдь это вовсе не тождественныя понятія. Величайшій государственный мужъ нашего времени Бисмаркъ очень высоко поставилъ значеніе силы; это теорія защитимая, и то лишь до нѣкоторой степени, въ области политики, но для великаго богослова это не годится. Развѣ магометанство не было въ свое время великою силою? Развѣ теперь матеріализмъ не есть весьма значительная сила, которая, скажемъ мимоходомъ, на Западѣ все усиливается и именно въ странахъ католическихъ? надъ многими дѣтьми на Западѣ вовсе не совершается таинство крещенія, много браковъ заключаются только передъ лицомъ гражданскихъ властей, число разводовъ тоже увеличивается и т. д. и т. д... Все это, правда, трудно доказать цифровыми данными, но фактъ признается и католическими писателями, стало быть превозноситься въ *этомъ отношеніи* католическому Западу не приходится. Пат. Х. говоритъ объ отдѣлившихся отъ Церкви (онъ разумѣетъ свою Римскую). Я ограничусь слѣдующимъ замѣчаніемъ. Тѣ, которые отдѣлились отъ *нашей* Церкви, раскольники, люди необразованные хотя иногда формально и начитанные. А кто отдѣляется отъ церкви Римской? Въ началѣ среднихъ вѣковъ Восточная Церковь была несомнѣнно болѣе обра-

зованною частію Церкви. И вотъ она „оставляетъ“ (какъ выражается отецъ Х) церковь Римскую! Позднѣе являются Абелярдъ, Виклефъ, Гусъ, Лютеръ, Меланхтонъ и т. д. и т. д... весь Портъ Рояль; можно ли ихъ назвать людьми необразованными? Отцу Х. было бы тоже трудно доказать, чтобъ и нынѣшніе протестантскіе богословы въ образованіи уступали католическимъ. Отважится ли онъ на это? Не думаю! Наконецъ (въ 1870 г.) отпадаетъ отъ Римской церкви положительно просвѣщеннѣйшая часть ея, именно — старо-католики, опять таки самые образованные изъ католиковъ! Что касается нашей церкви, то я полагаю, что ея благотворное вліяніе на народъ нашъ гораздо сильнѣе нежели вообще думаютъ на Западѣ, я полагаю, что она, въ этомъ отношеніи, быть можетъ, гораздо ближе подходитъ къ своей задачѣ, нежели католическая, и наконецъ, *что ея вліяніе не умаляется, а возрастаетъ* не смотря на многія неудобныя условія. Пусть не забываютъ также трудностей, при какихъ мы должны были работать надъ своимъ развитіемъ и образованіемъ. Но это обширный вопросъ; обратимся къ нашему, спеціальному.

Центръ тяжести ватиканскаго опредѣленія (говоритъ г. Х.) находится не въ послѣднемъ, а въ первомъ положеніи Constitutio dogmatica; *„послѣднее* же, полагаетъ онъ, *есть только слѣдствіе установленнаго принципа по отношенію къ отдѣльному случаю“*. Но это еще слѣдуетъ доказать, дѣло рѣшается не такъ легко и быстро. Второе положеніе нельзя такъ дешево устранить. Constitutio dogmatica гласитъ: Римскій первосвященникъ пользуется (вооруженъ, владѣетъ) тою непогрѣшимостію, которою божественный Искупитель благоволилъ надѣлить свою церковь: Romanum Pontificem ea Infallibilitate pollere, qua divinus Redemptor Ecclesiam Suam. instructam esse voluit (1 положеніе); по сему, его, Римскаго первосвященника, опредѣленія суть не-

отмѣнимы сами по себѣ, а не по согласію Церкви ideoque ejusdem Romani Pontificis definitiones ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae irreformabiles esse (2-е положеніе). Патеръ Х. находитъ, что два эти положенія имѣютъ различное значеніе и относятся къ различнымъ вопросамъ, и что поэтому имъ должно приписать различную силу, различное значеніе. Нѣтъ, это рѣшительно невозможно! Второе положеніе есть неотдѣлимое разъясненіе, есть corollarium перваго, и точно также важно, какъ и первое, благодаря характеристичнымъ словамъ: „non autem ex consensu Ecclesiae". Первое есть ни на чемъ неосновавное утвержденіе, второе — прямой изъ него выводъ; какъ же можно ихъ отдѣлять?! Именно во второмъ положеніи и заключается то новое, многозначительное и ужасное, что для нормальнаго разсудка является совершенно неудобопріемлемымъ! Потому то, теперь, слова эти и стараются сгладить, недобросовѣстно перетолковать, скрыть ихъ значеніе! Многіе католики, прошедшіе свое религіозное образованіе въ два послѣднія десятилѣтія, ничего не знаютъ о догматической конституціи 1870 года и въ особенности о текстѣ ея второй части; эти столь многозначущія слова „non autem ex consensu Ecclesia" многимъ молодымъ католикамъ, съ которыми я говорилъ, *совершенно не знакомы, никогда имъ не цитировались!* Другіе, слышавшіе о нихъ, говорятъ совершенно спокойно и легкомысленно: „Я, правда, католикъ, но не инфальибилистъ и ни за что и никогда не признаю непогрѣшимости", не зная, что они въ тотъ самый моментъ, когда говорятъ это, уже перестаютъ быть членами католической церкви, не зная, что они lata sententia подпали анаѳемѣ! Какъ будто можно догматы опускать или принимать по своему усмотрѣнію! Нѣтъ, этого догмата не „заговорить" никакими софизмами. Второе положеніе, наоборотъ, и есть наиболѣе важное и характеристичное. Съ первымъ еще кой-какъ можно

было помириться; прежде, до 1870 г. его можно было понимать въ „либеральномъ“ смыслѣ (такъ его многіе и понимали); говорили, напр., что папа и Церковь обладаютъ тождественною непогрѣшимостію, что папа въ нѣкоторомъ родѣ раздѣляетъ ее съ Церковію, или что-либо въ этомъ родѣ (въ нелогическомъ смыслѣ либераловъ). Теперь дѣлу положенъ конецъ; именно второе положеніе non autem ex... и отнимаетъ всякую надежду на какое-либо христіанское и логическое истолкованіе: „еслибы, объявляетъ папа Пій IX, Церковь оказалась въ несогласіи со мной, то отнынѣ я имѣю власть *и право* оставить ея мнѣніе совершенно безъ вниманія.— Нѣтъ! это не маловажное „добавленіе“, не простое „слѣдствіе установленнаго принципа *по отношенію къ отдѣльному случаю*“ (къ галликанамъ и прочимъ либераламъ). Теперь уже подобное изложеніе дѣла не можетъ быть принято никѣмъ, кто хоть мало-мальски внимательно прочитаетъ текстъ ватиканскаго опредѣленія и у кого еще не затуманена (unsophisticated, какъ говорятъ англичане) голова, кто еще не совершилъ „Sacrifizio del intelletto“, кто еще въ состояніи мыслить, у кого еще находится въ распоряженіи латинская грамматика и логика“... Да, если бы только ихъ обѣихъ, логику и грамматику, можно было устранить какимъ-нибудь заклинаніемъ!.. Но этого нельзя. Вольтеръ гдѣ-то говоритъ: „Il y a des diables, qui ne cèdent à aucun exorcisme; celui de la logique p. ex... (есть діаволы, не поддающіеся никакому заклинанію, напр. діаволъ логики“). Въ этомъ циническій питомецъ іезуитовъ и архихулитель правъ. Если бы только можно было справиться съ ними двумя, съ грамматикой и логикой, то дѣло бы еще пошло на ладъ, но это то и неудается (по крайней мѣрѣ, пока еще „Sacrifizio“ не доведено до конца).

Далѣе патеръ Х. говоритъ: непогрѣшимость есть благодать, сопряженная съ саномъ, носителемъ коего является, конечно, извѣстная личность, однакоже она

только въ силу своего сана входитъ въ составъ Церкви съ качествомъ непогрѣшимости. Каждому изъ насъ, католиковъ, извѣстно, что папа относительно вѣры и нравственности даже въ оффиціальныхъ своихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ, *не носящихъ однако характера приговора* ex cathedra, можетъ выражать мнѣнія, подлежащія исправленію (не непогрѣшимыя), тѣмъ болѣе въ книгахъ [1]) и т. д., хотя иные ученые и отрицаютъ это относительно оффиціальныхъ, но не *каѳедральныхъ* дѣйствій и заявленій [2]). Называть же *личнымъ*, говоритъ патеръ Х., что-либо принадлежащее человѣку только какъ должностному лицу,— противорѣчитъ принятому словоупотребленію.

Къ этому весьма замысловатому разъясненію прилагается цитата изъ Кануса, въ которой этотъ богословъ отождествляетъ авторитетъ Церкви съ авторитетомъ папы и, по обыкновенію, сравниваетъ папу съ головой, Церковь съ тѣломъ. Отецъ Х. замѣчаетъ далѣе: „Если и теперь г. Кирѣевъ не признаетъ силы моего воззрѣнія, то мнѣ нечего болѣе сказать!“ Да, совершенно вѣрно, и именно теперь то я и не могу признать силу толкованія моего ученаго оппонента и позволю себѣ сознаться, что его остроумныя разграниченія (distinctiones) не разрѣшаютъ моихъ недоумѣній. Разсмотримъ вопросъ поближе: вѣдь въ немъ заключается вся суть дѣла, все ядро неокатолическаго богословія: г. Х. упираетъ на то, что благодать не погрѣшимости есть благодать, сопряженная съ саномъ; справедливо; но какого бы рода ни была эта благодать, одного нельзя отрицать, что она принадлежитъ *папѣ;* а такъ какъ санъ его связанъ съ его *лицомъ*, *и всякій другой человѣкъ фактически изъ этой благодати исключенъ*, то она все

---

[1]) Уважаемый патеръ вѣрно припомнилъ Сикта V съ его переводомъ библіи.

[2]) Признавая ихъ тоже непогрѣшимыми.

же оказывается личною (оказывается его правомъ, *личнымъ его правомъ*). Я не утверждаю, что она принадлежитъ *лицу помимо его сана;* я утверждаю только, что она принадлежитъ папѣ, какъ таковому, лично, и вслѣдствіе этого есть его *личная* благодать. Патеръ Х. говоритъ, что папа внѣдряется „eingegliedert“ въ Церковь, и что эта его непогрѣшимость слита съ непогрѣшимостью Церкви, составляетъ съ ней едино... Но такое объясненіе было прекрасно и было бы возможно *до Ватиканскаго собора*,—но послѣ 1870 г. оно уже невозможно. Роковыя слова: non autem ex consensu Ecclesiae“ *отдѣлили* папу отъ Церкви, прямо раздвоили его съ ней! Въ средніе вѣка, на Западѣ, любили уподоблять папу — головѣ, а Церковь — членамъ; это и тогда уже понималось довольно матеріалистично; но все же оно *могло* быть понимаемо и въ смыслѣ христіанскомъ; теперь уже нѣтъ. Ватиканъ даетъ значеніе одной только головѣ. Прежде, въ первые вѣка, Церковь была *все;* она была непогрѣшима, ея *таинственной главою* былъ Христосъ; никакой другой тогда не существовало. Таково и донынѣ наше восточное пониманіе. Мало-по-малу въ Западной Церкви стала подниматься голова—папа; замѣнивъ законную и вполнѣ справедливую идею примата, онъ достигъ незаконнымъ и неправильнымъ путемъ, и въ прямой ущербъ Церкви, *особеннаго* значенія; однако, вначалѣ, голова эта не отдѣляла еще своихъ правъ и дарованій Церкви, она продолжала еще раздѣлять чудесный даръ непогрѣшимости со всѣмъ организмомъ Церкви; таково было, впродолженіе многихъ столѣтій, общепринятое мнѣніе; на почвѣ его, какъ допускавшаго разнообразныя истолкованія, стояли многіе, въ общемъ, довольно различно учившіе богословы. Но вотъ явился Ватиканскій соборъ—послѣдній, новѣйшій фазисъ церковнаго развитія Запада. Теперь голова стала всѣмъ, тѣло ничѣмъ; глава конфисковала въ свою пользу даръ непогрѣшимости. Тѣло даетъ пищу,

Петрову ленту, но при опредѣленіи догматовъ голоса болѣе не имѣетъ. Ничего изъ сказаннаго мною нельзя отрицать.

Обратимся теперь къ такъ называемымъ *„гарантіямъ, къ условіямъ“*, при которыхъ можетъ дѣйствовать благодать непогрѣшимости.

Патеръ Х. налегаетъ на *„условія“* непогрѣшимости папскаго постановленія. Свойство непогрѣшимости, поучаетъ онъ, дѣйствуетъ только тогда, когда папа говоритъ ex cathedra, съ каѳедры. Это у либеральной партіи излюбленная формула, пресловутое *„ограниченіе“* папской власти; надѣются, что въ этомъ видѣ ее легче сдѣлать удобоприемлемою. Все сомнительное, неудобное какъ въ будущемъ, такъ и въ прошедшемъ (Гонорій, Либерій, Вигилій и т. д.) устраняется этимъ въ высшей степени простымъ и добродушнымъ (gemüthlich) способомъ: все неудобное объявляется не „каѳедральнымъ“ и дѣлу конецъ.. Да: еслибы это было возможно! Еслибы „заклинаніе“ дѣйствовало на грамматику и логику! Но ничего этого доказать нельзя. Текстъ constitutio у всѣхъ передъ глазами, твердый и ясный, и изъ этого текста ничего подобнаго нельзя вывести. Написано: когда папа говоритъ къ Церкви ex cathedra, т. е. какъ верховный учитель, и трактуетъ о вопросахъ нравственности и вѣроученія,—онъ говоритъ непогрѣшимо. Вотъ все, но этимъ и сказано, *все* и этимъ все папѣ позволено. Развѣ верховный наставникъ въ догматахъ можетъ говорить различно ко всей Церкви и къ отдѣльному христіанину? Вѣдь догматы суть истины безусловныя. То, что папа скажетъ о безусловной истинѣ, въ области вѣроученія и нравственности *одному* христіанину или *десяти* не можетъ разнствовать отъ того, что онъ скажетъ *милліонамъ* христіанъ; что истинно для *одного*, то истинно и для всѣхъ *другихъ*! О догматахъ (безусловныхъ истинахъ) нельзя говорить различно, а не то наскажешь нелѣпостей, станешь въ противорѣчія съ самимъ собою. Все,

что папа объ этомъ *говорилъ*, *говоритъ и будетъ говорить*,—все это должно считаться абсолютной истиной, всему этому надо безусловно вѣрить, а не то будешь отлученъ! Условія и ограниченія для произносимыхъ съ каѳедры изреченій находятся въ самомъ *предметѣ* изреченія, а не въ какихъ-либо позднѣе придуманныхъ формальностяхъ и церемоніяхъ соблюдаемыхъ при этихъ изреченіяхъ. Этой простой истины господа инфальибилисты признать не хотятъ! Но опредѣленіе 1870 г. строго обдумано, всесторонне обсуждено и не оставляетъ мѣста для философствованія, его стальнаго острія никому не притупить! Господа іезуиты сильные діалектики и не чувствуютъ малодушнаго страха передъ логическими выводами!

Мой ученый оппонентъ говоритъ: называть личнымъ то, что принадлежитъ кому-либо въ силу его должности, что связано съ его саномъ,— противорѣчитъ словоупотребленію. Но я полагаю, что логика должна имѣть преимущество передъ словоупотребленіемъ. Есть-ли ватиканская непогрѣшимость принадлежность сана или нѣтъ, она все-таки остается личною, *такъ какъ никому другому не принадлежитъ и ни отъ кого не зависитъ*! Отецъ Х. справедливо говоритъ, что по этому вопросу въ продолженіе столѣтій написано великое множество сочиненій; но римскій то догматъ (римскій *софизмъ*, позволяю я себѣ выразиться) существуетъ въ своей полной логической законченности лишь съ 1870 г. „Отнынѣ римскій первосвященникъ пользуется *тою* непогрѣшимостію, которою божественный Искупитель благоволилъ надѣлить Церковь свою“. *Логично*, *рѣзко* и *ново!* Я былъ бы очень благодаренъ уважаемому отцу Х., если бы онъ назвалъ мнѣ послѣднее, лучшее сочиненіе по этому вопросу, но такое, которое опирается не на новѣйшихъ писателей, а на слово Божіе или на единогласіе отцовъ Церкви (Consensus patrum).

26 сентября 1890. *А. Кирѣевъ.*

IV-е письмо Патера X. (въ извлеченіи).

Отъ 1 октября 1890 г.

Галликане, говоритъ отецъ X., противопоставляютъ папу и Церковь, увѣряя, что рѣшеніе папы тогда только неотмѣнимо, когда его утверждаетъ Церковь. Если согласія не послѣдуетъ, то и приговоръ папы окажется ничего не значащимъ. Тогда придется оставаться при мнѣніи Церкви. Это ложно, говоритъ онъ.

Ватиканъ, поучаетъ патеръ X., установилъ такой принципъ: Церковная и папская непогрѣшимость — одно и то же (Romanum Pontificem *ea* infallibitate gaudere, qua divinus Redemptor Ecclesiam suam instructam esse voluit), когда папа, верховный учитель христіанства, издаетъ оффиціальное, обязательное для всѣхъ рѣшеніе. Изъ этого дѣлается выводъ, что рѣшенія папы суть непогрѣшимы sine consensu Ecclesiae, такъ какъ папская непогрѣшимость и церковная непогрѣшимость одно и то же; Церковь и папа *не могутъ* уже стать въ противорѣчіе. Послѣднее же предложеніе всей definito есть выводъ, относящійся къ галликанамъ, а не главный пунктъ опредѣленія, это де явствуетъ изъ словъ *ideoque*. Я не могу, заключаетъ отецъ X., понять, почему г. Кирѣевъ непремѣнно желаетъ, чтобы папа былъ непогрѣшимъ *вообще*, когда говоритъ о нравственности и вѣроученіи?! Опредѣленіемъ, скажемъ мы, не исключается возможность и этого, такъ какъ вообще въ католическомъ богословіи существуетъ направленіе, желающее и *это право* закрѣпить за папою. Но такъ какъ составленіе какого бы то ни было приговора *по этому спеціальному мнѣнію* не могло войти въ цѣли собора, то онъ и опредѣлилъ, въ *какомъ* случаѣ папа *вполнѣ достовѣрно непогрѣшимъ*, *именно*, — *когда онъ* говоритъ *ex cathedra* и опредѣляетъ, *что* должно войти въ ученіе *всей* Церкви. Это отецъ X. особенно подчеркиваетъ.

Далѣе онъ сравниваетъ папу съ судьею [1]). Судья частнымъ образомъ „privatim“ можетъ имѣть свое мнѣніе, и выражать его; въ томъ же самомъ положеніи находится и папа, когда дѣло идетъ о вопросѣ еще неопредѣленномъ, хотя бы онъ даже имѣлъ соотношеніе и къ догмату. Если папа выскажется по такому вопросу, то это будетъ многозначительное указаніе; но обязательнымъ это мнѣніе не будетъ.

Между лицомъ и саномъ говоритъ патеръ Х. есть различіе, безспорное и повсюду пріемлемое. Некаѳедральное, неоффиціальное заявленіе папы не обязательно. Чего онъ не рѣшилъ ex cathedra, то и не догматъ. Вопросъ можетъ быть поднятъ, даже въ противность *личному* воззрѣнію папы и все таки остаться непогрѣшеннымъ; такъ напр., вопросъ о состояніи душъ послѣ смерти; Папа Іоаннъ не рѣшилъ его окончательно; но теперь вопросъ этотъ рѣшенъ.

Галликанскій взглядъ на соотношеніе папы и Церкви въ Constitutio dogmatica окончательно отвергнутъ поясненіемъ: ideoque ejusdem Rom. Pontif. definitiones etc...

На Ватиканскомъ соборѣ опредѣлено ученіе о непогрѣшимости рѣшеній, произносимыхъ съ каѳедры, въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было принято Греками и Русскими на Флорентійскомъ соборѣ. Это ученіе *древнее* (Отецъ Х. ссылается на текстъ „Roma locuta est—causa finita est“) (Римъ высказался—дѣло рѣшено), а вовсе не новое, какъ полагаетъ г. Кирѣевъ.

То, что Аквинатъ говорилъ о монархіи, не было доказательствомъ (war kein Beweis) (истинности) догмата римской непогрѣшимости, ибо догматы основываютъ не на умозаключеніяхъ (keine zwingenden *Vernunft*-gründe), обязательныхъ для разсудка, а на (*congruenz*-gründe), совпадающихъ свидѣтельствахъ (отцевъ Церкви).

---

[1]) Это одинъ изъ излюбленныхъ пріемовъ апологетовъ Рима, но тоже неудачный.

На мѣстѣ г. Кирѣева я бы лучше не упоминалъ о старокатоликахъ! Или онъ полагаетъ, что профессора Губеръ, Рейнкенсъ, Шульте (Деллингеръ самъ себѣ противорѣчилъ) [1]) и др. были корифеями, „сливками“ нѣмецко-католической науки?!

Г. Кирѣевъ знаетъ католиковъ, которые не признаютъ непогрѣшимости Папы и все таки желаютъ оставаться католиками. Я это имъ прощаю, говоритъ отецъ Х., потому что имъ и *вовсе нѣтъ надобности признавать ту* непогрѣшимость, которую *находитъ въ* Constitutio dogmatica *г. Кирѣевъ.* Они безсознательно чувствуютъ неестественность этого взгляда. Но если бы папа встрѣтилъ неправильный взглядъ у кого либо изъ своихъ чадъ, и при случаѣ сказалъ ему: „Но, чадо мое, вы должны такъ-то и такъ-то исправить ваши воззрѣнія, тогда *всякій послушался* бы *папы, не дожидаясь непогрѣшимаго* (*каѳедральнаго*) *постановленія;* вѣдь у насъ каждый ребенокъ знаетъ, что папа есть верховный учитель церкви!“

Что нѣкоторымъ или даже многимъ католикамъ ничего о sine consensu ecclesiae неизвѣстно, это понятно. Имъ потому этого не цитируютъ, что при обученіи катехизису не приходится углубляться въ галликанскія препирательства. Или если они и учили это мѣсто ватиканскаго опредѣленія, то забыли его!

Никого не предаютъ анаѳемѣ безъ суда.

О папѣ Іоаннѣ, ставшемъ папою въ 18 лѣтъ (Патеръ Х., вѣроятно, разумѣетъ Іоанна XII, низложеннаго римскимъ соборомъ, но впослѣдствіи еще разъ достйгшаго тіары), патеръ Х. говоритъ: но и это дитя имѣло благодать непогрѣшимости въ силу своего сана. Еслибы

---

[1]) На сколько ст.-католическіе ученые оказались сильнѣе римско-католическихъ, ясно видно изъ того, что все, что ст.-католическіе ученые высказали о новомъ догматѣ не только не было опровергнуто рим.-католиками, но даже и не поколеблено. Ссылаюсь на жалкій Anti-janus.

оказалось нужнымъ проявленіе въ дѣйствіи (этого рода), то Духъ Святый наставилъ бы и *мальчика* (или дитя).

Пусть г. Кирѣевъ осторожнѣе пользуется историческими доказательствами.

Отвѣтъ на письмо Патера X. [1]).

Мое путешествіе въ Крымъ помѣшало мнѣ тотчасъ же отвѣтить на послѣднее письмо моего уважаемаго оппонента (отъ 1 окт.). Теперь я готовъ дать ему этотъ отвѣтъ.

Я думаю, что этимъ письмомъ наша переписка можетъ и закончиться, такъ какъ мы далѣе (если не желаемъ пускаться въ безпредѣльность богословскаго моря) ничего не можемъ сказать новаго, касательно нашего „objectum litis“, предмета спора — мы стали бы только повторять уже сказанное. Вѣдь наша переписка имѣла собственно предметомъ въ высшей степени важный, но совершенно спеціальный вопросъ (который и былъ, мнѣ кажется, достаточно освѣщенъ), а именно вопросъ о *непогрѣшимости* римскаго „верховнаго первосвященника“ (summus Pontifex), или, еще частнѣе, о *личномъ характерѣ* этой непогрѣшимости; о томъ, насколько эта божественная благодать принадлежитъ самому папѣ (*ему спеціально*, въ отдѣльности отъ Церкви) и въ какомъ смыслѣ она принадлежитъ его *лицу* въ соединеніи ли съ саномъ, или также и безъ него). Касательно этого мы, я полагаю, высказались достаточно полно. Впослѣдствіи я подведу итогъ нашей полемикѣ; теперь я, по обыкновенію, начну съ того (что дамъ краткіе отвѣты на различные побочные вопросы, находящіеся въ письмѣ отца X.

---

[1]) Къ этому отвѣту отецъ X. добавилъ свои примѣчанія, которыя здѣсь тоже отпечатаны буквально.

У моего оппонента на сцену снова являются галликане, играющіе въ Ватиканскомъ вопросѣ роль козла отпущенія. Зачѣмъ тутъ приплетать галликанъ, давно уже уничтоженныхъ? Въ предѣлахъ Римской Церкви есть еще кое какіе, не додумавшіеся до „сути дѣла“, либералы: мечтающіе еще о „борьбѣ“ съ Римомъ; дѣло теперь не въ нихъ. Настоящій серіозный врагъ Ватикана, не они, а *нравственная (религіозная) свобода* и ея представители. Съ ними боролся папскій абсолютизмъ, но и *ихъ онъ, наконецъ, въ 1870 г. одолѣлъ въ предѣлахъ своей Церкви* и изгналъ изъ нея! „Враги“ это тѣ люди, которые не хотятъ (не могутъ) забыть многочисленныхъ текстовъ Свящ. Писанія, въ которыхъ выдвигается принципъ свободы, которые вѣруютъ и знаютъ, что этотъ принципъ свободы столь же важенъ и столь же справедливъ и необходимъ, какъ и соотвѣтственный ему принципъ авторитета; которые знаютъ, что безъ свободы *нельзя быть членомъ Церкви*, а *лишь рабомъ папы*, что, наконецъ, безъ свободы не можетъ существовать и истинной любви. Вотъ *эти* то люди и суть враги, съ которыми боролись защитники *исключительнаго* авторитета и его завершенія—(папской) непогрѣшимости. Только теперь, послѣ провозглашеній новаго *догмата*, съ полной опредѣленностью поставлено было и требованіе принесенія въ жертву разума (sacrifizio del intelletto) со всею его неумолимостью. *Вотъ* враги, которыхъ долженъ бояться инфальибилизмъ, а не отошедшихъ въ вѣчность галликанъ или не умѣющихъ логично мыслить либераловъ, и не политико-религіозныхъ нигилистовъ! Эти неопасны!

Итакъ, мы оба, отецъ Х. и я, недовольны галликанами, хотя по противоположнымъ причинамъ. Отецъ Х. полагаетъ, что галликане и ихъ друзья „либералы“ уменьшили неправильно и незаконно власть папы, ставя его въ нѣкоторую зависимость отъ Церкви. Я, наоборотъ, думаю, что галликане слишкомъ высоко ставили

власть папы, такъ какъ они только тогда считали приговоръ даже всей Церкви неотмѣнимымъ, когда онъ получалъ одобреніе папы; такимъ образомъ, галликане, по моему мнѣнію, уменьшали власть Церкви. Итакъ, повторяю, оба мы, отецъ Х. и я, находимъ галликанъ и друзей ихъ непослѣдовательными и оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Но должно сознаться, что все же не легко, такъ, просто и спокойно осудить и обвинить въ невѣжествѣ такихъ людей, какъ д'Альи, Жерсонъ, Боссюэтъ, Флёри, весь Портъ-Рояль, мыслившій по этому вопросу въ галликанскомъ духѣ, и, наконецъ, и знаменитую Сорбонну т. е. все, что составляло славу католическаго богословія!

Неудивительно ли, что галликане, опираясь на ученѣйшую въ свѣтѣ богословскую корпорацію (именно Сорбонну), сотни лѣтъ были представителями ученія, которое противорѣчитъ ученію, возвѣщенному нынѣ съ Ватикана, и однако же не подпадали анаѳемѣ? какъ это имъ сотни лѣтъ позволено было открыто проповѣдывать свое ученіе? Какъ это согласить съ quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est? [1]).

Касательно Аквината мы тоже придемъ къ соглашенію. Если я его самого назвалъ наивнымъ, я этого не помню, то лишь по недосмотру, это несомнѣнно значительный lapsus calami; я имѣлъ въ виду лишь его наивное *доказательство;* и въ этомъ смыслѣ, полагаю, я имѣлъ право такъ выразиться! И у великихъ людей могутъ быть наивныя идеи. Развѣ политико-экономическіе взгляды Платона на богатство или географическія понятія Шекспира не наивны? Но это, конечно, не значитъ что они *сами* наивны!

---

[1]) Какъ все это ново, какъ мало оно соотвѣтствуетъ даже недалекому прошедшему видно между проч. изъ слѣдующаго: до 1793 г., говоритъ Тейнеръ, ирландскіе (католическіе) епископы подписывали клятвенное обѣщаніе, въ которомъ говорилось: признавать папу непогрѣшимымъ не есть articulum fidei.

Мой уважаемый оппонентъ говоритъ далѣе, что упоминая о дитяти, бывшемъ папою, онъ разумѣлъ папу Іоанна осемьнадцати лѣтъ получившаго тіару непогрѣшимости (уже и это нѣсколько подрываетъ инфальибилистическое ученіе). Но я разумѣлъ Бенедикта IX, на котораго эта самая тіара возложена была кардиналами, когда ему было *десять* лѣтъ... Неужели и это васъ не смущаетъ? Непогрѣшимый, поучающій человѣчество, путеводящій Церковь, десятилѣтній мальчикъ! Мой уважаемый оппонентъ ручается за его непогрѣшимость? „Да“, вѣроятно отвѣтитъ онъ, „но, *лишь за оффиціальную!*“ Пусть такъ, воззрѣнія его десятилѣтняго Святѣйшества касательно его игрушекъ и и конфектъ, конечно, не обязательны для католичества и не должны быть обязательны, но даръ непогрѣшимости въ вопросахъ нравственности и богословія все таки остается въ распоряженіи этого мальчугана? При всемъ моемъ желаніи согласиться я не могу не отнестись къ этому скептически! Не заходитъ ли въ этомъ случаѣ теорія „ex opere operato“ слишкомъ далеко? Личности папы въ его оффиціальныхъ дѣйствіяхъ развѣ не надо брать во вниманіе? Ужели она при этомъ не имѣетъ вовсе значенія? Ужели она совершенно безразлична для Свят. Духа, сообщающаго ей, этой личности, чудесный, божественный даръ непогрѣшимости? При всемъ моемъ желаніи я не *могу* усвоить подобнаго строя мыслей... Одинъ папа умеръ; собираются избрать новаго; Свят. Духъ, имѣющій сообщить новому папѣ даръ непогрѣшимости, ожидаетъ исхода выборовъ, благоусмотрѣнія Г. Г. Кардиналовъ... Нельзя же полагать, что этотъ исходъ для Св. Духа безразличенъ! (Между кандидатами есть люди хорошіе и дурные; тутъ—святой, тамъ—малолѣтнее дитя, далѣе человѣкъ безчестный, любовникъ Марозіи или Ѳеодоры)... Наконецъ, одинъ изъ нихъ оказывается избраннымъ, соборомъ ли то кардиналовъ, или паствою, городомъ, или вотъ одною изъ этихъ дамъ...

но выборъ сдѣланъ, Свят. Духъ долженъ покориться и сообщить избранному свой божественный даръ... Развѣ все это не странно, не ужасно, не заставляетъ содрогнуться или усомниться?.. Возразить, что при всякихъ другихъ духовныхъ избраніяхъ происходитъ то же самое,—нельзя, потому что ни при какихъ другихъ выборахъ Духу Святому не предлежитъ сообщеніе избранному лицу непогрѣшимости учительства... Развѣ все это не представляется вамъ нѣсколько *неудобнымъ?* Этихъ папскихъ выборовъ, соединенныхъ съ личною непогрѣшимостью учительства, здравый разсудокъ по истинѣ не можетъ переварить, при всемъ желаніи не можетъ! Чтобъ быть способнымъ на это, надо сначала пройти извѣстную, совершенно особую школу! И *какъ* могло случиться, что было избрано это дитя? вѣдь каноны и отъ священниковъ требуютъ извѣстнаго минимальнаго возраста? А отъ папъ развѣ нѣтъ? Или инфальибилисты полагаютъ, что Христосъ, сообщая *Церкви* Своей непогрѣшимость, имѣлъ въ виду какого нибудь ребенка Бенедикта, который въ добавокъ будетъ въ состояніи эту непогрѣшимость конфисковать въ свою пользу? впрочемъ это становится уже богохульствомъ... оставимъ лучше непогрѣшимаго „главу Церкви“ почивать на рукахъ у своей няни и пойдемъ дальше!

За совѣтъ Патера Х., обходиться съ историческими доказательствами осторожно, я ему очень благодаренъ; его замѣчаніе, что на исторической почвѣ Церковь сильна, — безусловно вѣрно, я въ этомъ никогда не сомнѣвался; подробнѣе объ этомъ скажемъ позднѣе. Я также вполнѣ соглашаюсь съ отцомъ Х., когда онъ говоритъ: „Для догматовъ не приводятъ доказательствъ умозрительныхъ“. Но я думаю, что при такъ называемомъ *„развитіи“* догмата (напр. въ догматѣ о Непорочномъ Зачатіи) какъ разъ наибольшую, даже исключительную роль играли именно доводы умозрительные, а не изученіе Евангелія и писаній *единомыслящихъ* Отцовъ (ссылаюсь на Бернарда Клервоскаго).

Дальнѣйшіе частные вопросы:

Какъ доказательство, что еще Августинъ признавалъ абсолютное главенство Рима (а развѣ это *непогрѣшимость!!?*), г. Х. приводитъ знаменитое, хотя и измѣненное („улучшенное“) его изреченіе „Roma locuta—causa finita“. Мнѣ кажется, что здѣсь прекрасныя слова отца Х. о важности исторической почвы забыты имъ самимъ. Какъ извѣстно, эти слова *не* принадлежатъ Августину, и не соотвѣтствуютъ полному контексту рѣчи. Если прочитать весь отрывокъ, то получается совсѣмъ иное впечатлѣніе [1]). *Окончательнымъ* рѣшеніемъ всѣхъ спо-

[1]) Выраженія Августина ясны во многихъ мѣстахъ, а его образъ дѣйствія настолько опредѣленный, что „*привязываться*“ къ отдѣльнымъ словамъ излишне. Вышеприведенное мѣсто находится въ Serm. CXXXI, 10. Примѣч. отца Х.

Я могъ бы привести многое, что гораздо серіознѣе „*привязки*“. Именно у Августина есть мѣста, ясно доказывающія, что онъ вовсе не былъ инфалльибилистомъ: — Въ словѣ CXXXI, 10 изложенъ ходъ спора съ донастистами о крещеніи (de baptismo) Авг. говоритъ о соборахъ Карѳагенскомъ и Милевійскомъ: Jam enim de hac causa duo concilia missa sunt ad Sedem Apostolicam: inde etiam rescripta venerunt. Causa finita est: utinam finiatur error.. (Ибо по этому дѣлу отъ двухъ соборовъ уже послано къ Апостольской Каѳедрѣ и оттуда пришли рѣшенія. Дѣло окончено; о, если бы окончилось заблужденіе). Дѣло происходило на Западѣ, именно въ Африкѣ. Само собою разумѣется, что сужденіе папы было особенно важно, могло дать въ вопросѣ перевѣсъ тому или другому мнѣнію, но, конечно, Августинъ зналъ, что послѣдній, *окончательный* трибуналъ не въ Римѣ, а во Вселенскомъ соборѣ. Это онъ совершенно ясно высказалъ въ своемъ Посланіи 43. Гл. VII, § 19. Донатисты папою Мельхіадомъ были уже осуждены, но упорствовали, „(pesistant in suo schismato)“ Августинъ говоритъ имъ: Если вы недовольны приговоромъ Римскихъ судей (а слѣдовательно и папы) „restabat adhunc plenarium Ecclesiae universae concilium, ubi, cum ipsis judicibus causa posset agitari, ut si male judicasse convicti essent“ „eorum sententiae solverentur“, то оставался еще полный соборъ Вселенской Церкви, на которомъ дѣло могло бы быть разобрано совмѣстно съ судьями, дабы, если бы они (судьи, а стало быть и папа) были уличены въ томъ, что дурно разсудили, ихъ рѣшеніе было отмѣнено. Отвѣтное прим. Кирѣева.

ровъ этотъ отецъ Церкви считаетъ рѣшеніе не Римской каѳедры, а всей Церкви.

Я не понимаю въ какомъ смыслѣ можетъ мой уважаемый оппонентъ ссылаться на Флорентійскій соборъ, имѣя въ виду разъяснить и подкрѣпить Ватиканское опредѣленіе. Во Флоренціи вопросъ о непогрѣшимости не затрогивался вовсе. Рѣчь шла о преимуществахъ, объ авторитетѣ, о канонической полнотѣ власти папы, о его верховенствѣ, о его достоинствѣ какъ верховнаго главы Церкви и т. д. и т. д. Но о его непогрѣшимости не было сказано ни слова... Или, можетъ быть, отецъ Х. хочетъ сдѣлать отчаянную попытку [1]) это главенство, этотъ *авторитетъ*, *эту власть* и т. д. и т. д... отождествить съ *непогрѣшимостью?* но это совершенно невозможно! *Эти* преимущества, *эта* власть и т. д. и нынѣшняя непогрѣшимость суть вещи совершенно различныя, отнюдь не тождественныя! Да и какъ во Флоренціи могла зайти рѣчь о непогрѣшимости? Воспоминанія о Костанцскомъ соборѣ, 1414—1418, были еще такъ свѣжи! Смѣщеніе папъ соборами было неоспоримыми и въ тѣ времена не оспаривавшимися фактами! Положенія IV засѣданія Базельскаго собора 1431, утвержденныя папою Евгеніемъ, имѣлись еще, вѣроятно, въ подлинникѣ. *Было еще слишкомъ рано*, іезуитовъ тогда еще не существовало. Вѣдь отцу Х. извѣстно, что папская непогрѣшимость была въ первый разъ предложена на

[1]) Попытка вовсе не была бы отчаянною, потому что обѣ вещи эти имѣютъ внутреннее соотношеніе. Кромѣ того, Флорентінскій соборъ ясно назвалъ папу omnium christianorum Doctorem. Примѣч. отца Х.

Тексты слѣдовало бы приводить точнѣе. Если титулъ этотъ и былъ данъ папѣ, изъ этого, тѣмъ не менѣе, нельзя сдѣлать никакихъ догматическихъ выводовъ; во-первыхъ, потому, что такіе и подобные титулы часто давались Отцамъ (и еще гораздо болѣе гиперболическіе) а, во-вторыхъ, потому, что Doctor omnium christianarum и Doctor *infallibilis* суть понятія совершенно различныя. Отвѣтное примѣч. Кирѣева.

обсужденіе Собора въ Тридентѣ, 1545—1563, да и то очень робко; до того она никакому *собору* предлагаема не была. Что же касается собственно Флорентійскаго собора, то въ Россіи онъ былъ еще менѣе принятъ, чѣмъ на остальномъ Востокѣ. Мы смотримъ на этотъ соборъ, какъ на новое изданіе Ефесскаго разбойничьяго собора, только въ болѣе мягкихъ формахъ. Епископы, по православному ученію, суть *свидѣтели* вѣры своихъ епархій, а не *законодатели*, прежде и на Западѣ учили точно также. Говорю о *настоящихъ* ученыхъ. „Concilium non est ipsamet Ecclesia, sed ipsam tantum representat... Episcopi, illi qui concilio adsunt, legati mittuntur ab omnibus... и далѣе... епископы суть: ejusmodi *legati* omnium ecclesiarum, *procuratores quibus nefas esset procurationem sibi creditam tantillum excedere*“. Соборъ не есть сама Церковь, но представляетъ ее собою. Епископы, присутствующіе на соборѣ, посылаются какъ представители (legati) ото всѣхъ... они не что иное, какъ *послы* отъ всѣхъ Церквей, *депутаты*, *которымъ нельзя и на малость превысить ввѣреннаго имъ полномочія*. Все это патеръ Х. знаетъ вѣдь лучше меня. Также и папа Николай [1]) говоритъ „*Quae de fide sunt,* non solum ad clericos verum ad laicos et ad omnes omnino pertinent christianos“. То, что должно войдти въ область вѣры, то касается не однихъ только лицъ духовныхъ, но и мірянъ, и вообще всѣхъ христіанъ. То, что̀ епископы говорятъ на соборѣ, должно еще быть утверждено церковію, а, какъ извѣстно, Флорентійскіе тезисы были у насъ въ тогдашнемъ великокняжествѣ Русскомъ отвергнуты [2]). Правда, унія была позднѣе введена въ Бѣло-

[1]) Надѣюсь, что папа Николай не серіозно выставляется ген. Кирѣевымъ противникомъ непогрѣшимости? Примѣч. отца Х.

Конечно, даже для папы Николая, хотя и могущественнаго и властолюбиваго, непогрѣшимость 1870 г. была бы вещью новою. Примѣч. ген. Кирѣева.

[2]) Кѣмъ? (отвергнуты) и по какому праву? А соборъ Лионскій? Примѣч. отца Х.

руссіи и Малороссіи (введена насильно, при помощи польскаго правительства). Іезуиты взяли дѣло въ свои искусныя руки (они были въ концѣ XVI, въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, душею Польскаго государства). Пущены были въ ходъ самые тонкіе способы обольщенія и подкупа [1]), равно какъ и самыя грубыя и тираническія насилія (сдача въ аренду жидамъ православныхъ церквей и т. д...) Но все, это по счастію, не имѣло прочнаго воздѣйствія на русскихъ. Получился *одинъ* только результатъ—паденіе Польши... Но это, впрочемъ, касается не богословія, а исторіи и политики...

Еще одинъ (послѣдній) частный вопросъ: объ анаѳемѣ. Отецъ Х. говоритъ, что анаѳема налагается только послѣ суда. Я долженъ это принять какъ доказанное, такъ какъ это говоритъ отецъ Х.; я не могу позволить себѣ оспаривать его показанія; но мнѣ вполнѣ достовѣрно извѣстно, что анаѳематствованіе *lata sententia* существуютъ и донынѣ [1]). Да это и вполнѣ логично. Если я отвергаю догматъ, совершенно твердо установленный моею Церковію, то я вѣдь ipso facto anathema. Моей совѣсти претитъ оставаться въ церкви, которая называетъ догматомъ ложь, неправду, или что я считаю таковымъ. Для меня, по крайней мѣрѣ, это было бы нравственно невозможнымъ. Зачѣмъ мнѣ дожидаться

---

[1]) Можетъ ли г. Кирѣевъ опровергнуть сочиненіе Пелеша (Исторія Уніи)? Уніатамъ въ католической церкви жилось хорошо. Отлично извѣстно, *какъ* возвратились они въ православіе! вѣроятно, чтобы черезъ „свободу“ умножить „любовь?“ Или въ концѣ концовъ русскіе попы въ бывшихъ уніатскихъ мѣстностяхъ и въ Прибалтійскихъ провинціяхъ суть ученики этихъ злыхъ іезуитовъ? Примѣч. отца Х.

А можетъ ли Патеръ Х. опровергнуть сочиненіе Кояловича? Примѣч. Кирѣева.

[2]) И при Anathema lata sententia фактъ проступка долженъ быть установленъ судебнымъ порядкомъ, если только онъ не, публиченъ уже. Но совершенно въ порядкѣ вещей то, что тотъ кому это не нравится, идетъ своимъ путемъ.

Примѣч. отца Х.

судебнаго разбирательства? разъ я отвергаю догматъ (я вѣдь не ребенокъ, какъ папа Бенедиктъ), разъ совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я этого догмата принять не *могу* и не долженъ, я перестаю принадлежать къ церкви, которая его провозгласила.

Перехожу къ главному вопросу, къ фокусу нашей полемики. Это будетъ, какъ сказано выше, мое послѣднее письмо, мой послѣдній отвѣтъ на поставленные вами мнѣ вопросы. Если бы мы стали продолжать полемику, мы бы только могли повторять уже сказанное раньше. Подводя итогъ всему нами сказанному, я не могу считать нашу полемику безполезною. По крайней мѣрѣ на сколько полезна всякая полемика, веденная объективно и bona fide, установляющая съ должною ясностію предметъ спора. Я думаю, что въ этомъ отношеніи наша полемика ведена была достаточно строго, и что существенный пунктъ нашего спора постановленъ ясно. Итакъ, обращаюсь къ главному вопросу.

Что установлено Ватиканскою Gonstitutio dogmatica, (Sessio IV)? *Личная* непогрѣшимость папы, говорю я. Нѣтъ, говоритъ патеръ Х.! Итакъ, мы совершенно различно понимаемъ это, по моему мнѣнію, ясное какъ день постановленіе собора, начертанное ловкою и опытною рукою. Но что еще удивительнѣе, это то, что постановленіе это и въ Римско-католическомъ мірѣ понимается различно, въ либеральномъ и въ консервативномъ смыслѣ. Мой уважаемый оппонентъ понимаетъ его въ смыслѣ либеральномъ. Итакъ—подведемъ итоги сказанному:

Я нахожу, что новая, мнимая *непогрѣшимость* папы:

I. Есть вполнѣ личный (хотя и сопряженный съ саномъ), одному папѣ принадлежащій, ни съ кѣмъ не раздѣляемый, „божественный“ даръ; [1])

[1]) Она есть выразительница (der Ausdruck) непогрѣшимости Церкви.

Патеръ Х.

II. что она фактически отмѣняетъ непогрѣшимость Церкви [1]), такъ какъ она есть даръ, не только не нуждающійся въ чьемъ либо утвержденіи, но даръ существующій, дѣйствующій, *примѣняемый* безъ согласія, ни одобренія Церкви.

III. Что она составляетъ новый, совершенно ясно опрѣдѣленный и точно выраженный догматъ, никогда не составлявшій предмета вѣры для всѣхъ, всегда и вездѣ [2]).

IV. Далѣе я усматриваю, что Христосъ, даровавшій *Церкви* непогрѣшимость, какъ нѣкоторое божественное свойство, ни слова не говорилъ о какихъ либо непогрѣшимыхъ патріархахъ (а значитъ и о Римскомъ), что слѣдовательно тѣ или другія прерогативы этихъ сановниковъ суть de juro ecclesiastico. а не de jurl divino [3]).

V. Что Христосъ ни слова не сказалъ св. апостолу Петру о его непогрѣшимости. Извѣстныя мѣста у Матѳ., Луки и Іоанна должны быть понимаемы не въ смыслѣ непогрѣшимости Петра и еще менѣе въ смыслѣ измышленной непогрѣшимости его преемниковъ въ Римѣ (и отчего не въ Антіохіи, какъ въ болѣе древней каѳедрѣ?).

---

[1]) И на это мнѣ, послѣ прежнихъ моихъ изъясненій, нечего больше отвѣчать; такъ какъ г. Кирѣевъ по своему пониманію Церкви не можетъ представить ее себѣ живымъ организмомъ.

Патеръ Х.

[2]) Что это догматъ древній, это доказано было несчетное число разъ; совсѣмъ вкратцѣ у Геттингера (Hettinger fundamentale Theologie), гдѣ сопоставлено большинство относящихся сюда мѣстъ Патеръ Х.

Жалѣю, что полемизирую не съ г. Геттингеромъ.

Отвѣтъ г. Кирѣева.

[3]) Несчетное число лицъ находили и находятъ въ текстахъ ясныя доказательства учительской власти Петра и его преемниковъ, а слѣдовательно (mithin) и божественное право. Такъ что утверждать, будто тамъ нѣтъ объ этомъ ни слова—есть совершенно субъективное воззрѣніе; возражать на sic volo и т. д... нельзя. Тутъ прекращается всякая возможность договориться.

Патеръ Х.

VI. Что епископъ Римскій de jure ecclesiastico былъ первенствующимъ епископомъ христіанства и олицетворялъ его единство [1]). Какъ таковой, какъ Primus inter pares, онъ признанъ былъ бы всѣми, тоже и нами, если бы пожелалъ возвратиться къ догматамъ древнейшей церкви [2]).

VII. Что эта законная власть приматства папы мало по малу совершенно незаконно превратилась въ непогрѣшимость.

Пяти послѣднихъ пунктовъ, которые обсуждались такъ подробно и такими великими учеными [3]), я затрогивать не буду и удовольствуюсь тѣмъ, что скажу нѣчто о первыхъ двухъ (такъ какъ именно они составляютъ фокусъ нашей полемики) и еще разъ подведу итогъ сказанному раньше.

Если мы разсмотримъ доказательства инфальибилистовъ касательно этихъ пунктовъ, то получимъ слѣдующій рядъ мыслей: Спаситель сообщилъ Церкви даръ непогрѣшимости, а такъ какъ папа и Церковь нераздѣльны, суть одно, то слѣдовательно, мы и о папѣ можемъ утверждать то же, что утверждаемъ о Церкви, и перенести на папу даръ непогрѣшимости [4]). Здѣсь petitio principii очевидна: принимаютъ за доказанное то,

---

[1]) Славянскій міръ могъ бы помочь ему выйти изъ его теперешняго отчаяннаго положенія (какъ помогъ тысячу лѣтъ тому назадъ міръ германскій), это въ Римѣ знаютъ!

Кирѣевъ.

Уже не мечталъ ли г. Кирѣевъ о Римской имперіи русской національности? Нравственное величіе папства бросается въ глаза и едва ли будетъ имѣть нужду въ помощи русскихъ.

Патеръ Х.

[2]) Въ Римѣ не устранили ни одного изъ древнихъ догматовъ. Это случилось индѣ. Патеръ Х.

[3]) Должно быть, старокатолическими великими мужами?

Отецъ Х.

[4]) Ubi Petrus, ibi Ecclesia... Гдѣ Петръ, тамъ Церковь...

Отецъ Х.

Въ Антіохіи? Кирѣевъ.

что какъ разъ еще надо доказать, а именно *тождество Церкви и папы*, а этого никогда и никому не доказать! Но инфальибилисты идутъ еще дальше, какъ мы позднѣе увидимъ; Церковь у нихъ низводится до нуля.

Непогрѣшимость, которую мы находимъ въ Новомъ Завѣтѣ, есть непогрѣшимость *Церкви* [1]). Спаситель всегда будетъ пребывать съ Своею Церковію, слѣдовательно, *она пребудетъ недоступною для заблужденія, она непогрѣшима. Она также свята.* Это два нераздѣльныхъ дара, сообщенныхъ Христомъ Своей Церкви [2]). (Ни о какомъ папѣ, тѣмъ болѣе о непогрѣшимомъ, въ словѣ Божіемъ не сказано ни слова). Если то немногое, что въ этомъ отношеніи сказано о самомъ св. апостолѣ Петрѣ сравнить съ тѣмъ необъятно многимъ, что теперь, недавно, дано папѣ, изумишься неизмѣримой разницѣ *(ибо она не только количественная, но и качественная)* между этими двумя *положеніями, между началомъ и концомъ.* Устройство Апостольской Церкви было, какъ извѣстно [3]), соборное, о какой либо личной исключительной іерархической власти не было и рѣчи. („Кто между вами...“). Церкви взаимно поучали и поддерживали другъ друга. Предстоятели церквей апостольскихъ имѣли, само собою разумѣется, при наставленіи различныхъ христіанскихъ общинъ, большій авторитетъ, чѣмъ прочіе [4]), такъ какъ апостолы призваніе свое къ учительству пріяли отъ Самого Христа. Но какъ могло

---

[1]) А также и ея учителя. Отецъ Х.

Гдѣ это сказано, и кто этотъ учитель? Кирѣевъ.

[2]) Г. Кирѣевъ тоже предполагаетъ многое, чего доказать не въ силахъ. Отецъ Х.

[3]) Многимъ это совершенно неизвѣстно, и, вѣроятно, измышлено для того только, чтобы дать точку опоры новому Святѣйшему Синоду? Отецъ Х.

[4]) Для чего еще учители и авторитетъ? Вѣдь апостолы и епископы получаютъ свою власть отъ паствы? Такъ, кажется, сказалъ выше г. Кирѣевъ? Отецъ Х.

Нѣтъ, не такъ! Кирѣевъ.

это призваніе къ учительству превратиться въ непогрѣшимую правоспособность учительства одного исключительнаго лица? (хотя бы и „перваго“ и „сильнѣйшаго“ и т. д.) [1]).

Я хорошо понимаю, что либеральнымъ католикамъ было бы весьма желательно „притупить остріе“ личной непогрѣшимости [2]), но теперь этого уже не достичь, время пропущено! Мы видимъ, что либеральнѣйшіе и можетъ быть лучшіе (но не наиболѣе логичные и послѣдовательные) изъ католическихъ богослововъ оспариваютъ еще личный характеръ непогрѣшимости, но враждебная имъ партія [3]) вездѣ уже одерживаетъ верхъ и, безъ сомнѣнія, одержитъ и окончательную побѣду. Я не хочу этимъ сказать, чтобы Римская Церковь выиграла что-нибудь этою побѣдою. Скорѣе наоборотъ, мы уже видѣли, что именно послѣ 1870 г. римскіе католики стали бросаться въ индифферентизмъ, чтобы избавиться отъ невыносимаго бремени новаго догмата; никогда, напр., число некрещенныхъ дѣтей и гражданскихъ браковъ не было такъ велико въ романскихъ земляхъ, какъ теперь. Правда, немногочисленные, но завзятые инфальибилисты, которые несмотря ни на какіе догматы останутся при папѣ, конечно образуютъ изъ себя испытанное войско, готовое на все!

Патеръ Х., чтобы избѣжать затрудненій личной непогрѣшимости, подчеркиваетъ въ Constitutio dogm. слово „*ea*“ *тою* непогрѣшимостію... („Romanum Pontificem *ea* infallibilite pollere qua divinus Redemptor Ecclesiam suam instructam esse voluit“); такъ какъ тутъ стоитъ „*ea*“, утверждаетъ отецъ Х., то и слѣдуетъ понимать, что

---

[1]) И призваніе учительства было, и непогрѣшимость была, такъ это и понынѣ. Отецъ Х.

[2]) Я напоминаю г. Кирѣеву, что существуютъ только католики и *не* католики. Отецъ Х.

[3]) О существованіи подобной партіи мнѣ ничего неизвѣстно Отецъ Х.

именно *эта* непогрѣшимость, *непогрѣшимость Церкви* и была дана (gegeben) папѣ въ 1870 г., что *слѣдовательно* (?) папа и Церковь обладаютъ однимъ и тѣмъ же, тѣмъ же самымъ (nämliche) даромъ. А такъ какъ даръ этотъ одинъ и тотъ же, то онъ не можетъ (въ лицѣ Церкви и въ лицѣ папы) приходить самъ собою въ столкновеніе, въ противорѣчіе. Но такое мнѣніе ни на чемъ не основано. Если и признать, что соборъ именно такъ и разсуждалъ, то, какъ уже сказано, онъ позабылъ доказать, во первыхъ, что папа вообще владѣетъ, пользуется, владѣетъ, какою либо непогрѣшимостью, и во вторыхъ, что папа и Церковь едино. Все вѣдь это не согласно съ истиною. Впрочемъ эти тонкія различенія на счетъ слова „ea“ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ *вся* непогрѣшимость конфискована въ пользу папы, что совершенно ясно выражаютъ слова „non autem ex consensu Ecclesiae“. Предположимъ, что два лица (въ данномъ случаѣ Церковь и папа) обладаютъ одною и тою же *(ea)* властью, даромъ, способностью и т. д., но право примѣнять эту свою способность по усмотрѣнію, не заботясь о томъ, какъ объ этомъ думаетъ другая сторона (etiam sine или non autem ex ejus consensu), [1]) принадлежитъ только одному изъ этихъ лицъ. Развѣ не осязательно, не очевидно, не ясно какъ день, что въ этомъ случаѣ власть эта (*ea*) находится всецѣло въ полномъ распоряженіи этого одного лица (папы), а что другому (Церкви) ничего болѣе не остается, какъ покоряться волѣ перваго въ каждомъ данномъ случаѣ? Развѣ совершаемая при этомъ конфискація не очевидна?! [2]) Что папа съ 1870 г.

[1]) Я по меньшей мѣрѣ имѣю такое же право стоять за мое пониманіе, какъ г. Кирѣевъ опровергать оное, такъ какъ онъ грамматическихъ основаній не приводитъ.

[2]) Если г. Кирѣевъ хочетъ во что бы то ни стало такъ понимать *ea*, пусть понимаетъ! Отецъ Х.

Да вѣдь иначе и нельзя понять этихъ словъ.

Кирѣевъ.

личный и единственный обладатель непогрѣшимости, этого, конечно, г. Х. не признаетъ; но онъ забываетъ представить тому доказательства, точно также забываетъ онъ доказать, что папа и Церковь суть едино (чего, какъ сказано выше, не доказалъ и соборъ). Мой оппонентъ полагаетъ, что это „non autem ex consensu Ecclesiae“ есть реторическая фигура, направленная противъ галликанъ (!!) Нѣтъ, прибавка эта имѣетъ *безконечно* болѣе глубокій смыслъ: *она образуетъ кульминационную точку всего католическаго вѣроученія*, и если ее неохотно показываютъ католическимъ ученикамъ богословія, то причина этому слѣдующая: боятся, и справедливо, что свѣжая, еще не запутанная голова, которая разсудка своего еще не принесла „на закланіе“, никогда не приметъ этого нелѣпаго ученія. Доказать его основательность нельзя, вотъ и стараются его замолчать.

Разница въ Римской церкви между прежнимъ и настоящимъ положеніемъ дѣлъ громадная, принципіальная! Прежде Церковь имѣла право смѣщать за ересь [1])

[1]) І. Кирѣеву надо рекомендовать введеніе въ исторію соборовъ Гефеле. Отецъ Х

Что возможность смѣщенія папы за ересь признавалась древней церковью—это неопровержимо. Вопросъ: можетъ ли папа, если впадетъ въ ересь, быть низложенъ „si in Haeresim incidit deponi possit)“ въ древнія времена рѣшался утвердительно, даже папами; такъ напр. папа Иннокентій III, несомнѣнно высокій авторитетъ и человѣкъ вполнѣ убѣжденный въ силѣ своего единовластія, говоритъ: Ради вины лжевѣрія Церковь Римская *можетъ низложить* Римскаго Первосвященника. Хотя мнѣ трудно повѣрить, чтобы Богъ позволилъ Римскому Первосвященнику погрѣшить противъ вѣры (см. Migne, t. 217. p. 660, Sermo in consecratione Pontificis): propter causam vero fornicationnis Ecclesia Romana posset dimittere Romanum Pontificem, fornicationen non dico carnalem, sed spiritualem, id est propter infidelitatis errosem... правда далѣе онъ говоритъ: Ego tamen facile non crediderim ut Deus permitterit Pontificem Ramanum contra fidem errare, однако это не измѣняетъ признанія. Но мой уважаемый оппонентъ идетъ дальше. Папа Иннокентій говоритъ, что ему *трудно* себѣ

папу; прежде Церковь была госпожою, теперь папа господинъ; прежде во главѣ Церкви стоялъ соборъ, теперь Римскій первосвященникъ. Развѣ можно еще говорить о *тождествѣ* дара непогрѣшимости! Даже въ самомъ ея *смягченномъ* смыслѣ ее нельзя принять! Изъ неумолимаго текста „Constitutio“ не добыть смягченія приговора!

Далѣе: Х. подчеркиваетъ важное, какъ ему кажется, *условіе* пользованія даромъ непогрѣшимости со стороны папы. „Это даръ оффиціальный!“ говоритъ онъ: это даръ каѳедральный! (Но слыхано ли въ древней Церкви объ ex cathedra? Никогда!). Повидимому, г. Х. видитъ въ этихъ прилагательныхъ сильную опору для своихъ доказательствъ, находитъ въ нихъ какія-то гарантіи противъ замысловъ деспотическаго дурного папы! *Я утверждаю, что эти гарантіи гроша не стоютъ, что онѣ ровно ничего не гарантируютъ!*

Папа (говоритъ г. Х.) непогрѣшимъ не какъ лицо частное, а какъ лицо оффиціальное. *Только* (!), *когда онъ говоритъ „ex cathedra“, онъ непогрѣшимъ*, а не тогда, когда говоритъ просто. Г. Х. полагаетъ даже, что соборъ вставилъ это условіе въ формулу для того, чтобы отнять у извѣстнаго направленія (ультрамонтанскаго) возможность приписать папѣ слишкомъ большія права. Если это вѣрно, должно признаться, что либеральные отцы собора удовлетворились очень малымъ! (Я полагаю, что іезуитская партія, бывшая заправиломъ въ этомъ вопросѣ, не очень боролась противъ *такихъ* гарантій!). *Эти* „условія“, „гарантіи“, „ограниченія“ ровно „ничего не ограничиваютъ, на томъ простомъ основаніи, что ихъ примѣненіе и выполненіе зависятъ отъ

представить, чтобы папа погрѣшилъ въ вѣрѣ, а патеръ Х. вполнѣ твердо и увѣренно говоритъ, что Богъ этого не допуститъ; онъ ручается за это. Но вѣдь папа Иннокентій тоже значительное лицо и, съ 1870 г., думаю, тоже непогрѣшимъ? Какъ жаль, что при жизни онъ этого не зналъ!! Кирѣевъ.

самаго папы, что въ примѣненіи своемъ они для папы ровно никакого затрудненія не представляютъ. Чтобы ихъ исполнить, папѣ стоитъ только это пожелать! Дѣйствительно: Насколько, насколько же можетъ быть затруднено этимъ дѣло папскаго рѣшенія?! Въ текстѣ не находится ни единаго слова о какихъ бы то ни было формальностяхъ, условіяхъ и т. д.,— тамъ говорится просто, что сказанное папою неотмѣнимо (непогрѣшимо), когда онъ говоритъ, какъ учитель всей Церкви (ex cathedra). Это все; развѣ это гарантіи?

Г. Х. рисуетъ воображаемый разговоръ между добродушнымъ папою и добродушнымъ же католикомъ, имѣющимъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно какого-нибудь богословскаго вопроса. Само собою разумѣется, разговоръ этотъ идетъ безъ запинки и оканчивается благополучно. Но представимъ себѣ, что католикъ этотъ настроенъ критически и упрямъ. Папа по какому-нибудь вопросу нравственности или догматики, произнесъ, *но частнымъ образомъ*, *не ex cathedra*, какое-нибудь рѣшеніе, которое католику этому кажется неправильнымъ. Онъ заявляетъ, что съ этимъ частнымъ мнѣніемъ его святѣйшества онъ несогласенъ, „я имѣю на это *право!*“ говоритъ онъ, въ сознаніи своей нравственной свободы. Но папа снова подтверждаетъ и рекомендуетъ *свое* мнѣніе; его противникъ упорствуетъ и не принимаетъ его. „Да вѣдь я Римскій папа, вѣдь я непогрѣшимъ!“ говоритъ его святѣйшество съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Конечно, отвѣчаетъ свободный и смѣлый католикъ, я это знаю, но это ничего не значитъ. Мнѣніе вашего святѣйшества совершенно ложно, и я его отвергаю, такъ какъ оно противорѣчитъ моему разуму, Свящ. Писанію и св. преданію; оно ложно, „я его въ руководство себѣ не принимаю!“ „Развѣ я болѣе не непогрѣшимъ? Что съ вами! Вы отказываетесь принять мое наставленіе?!“ говоритъ папа въ гнѣвѣ. „Ваше святѣйшество! такъ нельзя! Ваши приказанія

необязательны, я васъ не послушаюсь, и я имѣю на это право; вы, ваше святѣйшество, забываете важныя гарантіи, данныя намъ, вашимъ подданнымъ, самимъ Ватиканскимъ соборомъ! Вѣдь вы говорите, какъ лицо частное (persona privata), а не оффиціально!“ „А, вотъ что“, замѣчаетъ съ улыбкою папа, дѣло идетъ о пресловутомъ „ex cathedra“? ну хорошо! Слушайте: Какъ учитель всей Церкви, слѣдовательно „ex cathedra“ я вамъ повторяю то, что я сейчасъ сказалъ и приказываю вамъ принять мое мнѣніе безпрекословно. [1]) „Да? такъ!“ радостно говоритъ католикъ. „Ну теперь вопросъ для меня рѣшенъ окончательно и болѣе не противорѣчитъ ни преданію, ни Свящ. Писанію, ни моему разуму, теперь онъ для меня ясенъ, какъ день. Да, это истина, и я ей вѣрю!“ Ну, а что какъ пасомый... останется при своихъ воззрѣніяхъ (я знаю такихъ пасомыхъ) и все таки скажетъ: *„нѣтъ*, лучше смерть, чѣмъ позоръ, potius mori quam foedari“ [2]). Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что папа будетъ всегда подверженъ искушенію говорить именно такъ, какъ я представляю, и какъ разъ тогда, когда онъ добросовѣстный, *вѣрующій, убѣжденный въ своей непогрѣшимости человѣкъ*. Нѣтъ надобности имѣть глубокія психологическія познанія, чтобъ понять, что если папа дорожитъ истиною (или тѣмъ, что ему кажется таковою), то онъ непре-

---

[1]) Г. Кирѣевъ забываетъ, что папа къ отдѣльному лицу не говоритъ, какъ учитель Церкви. Патеръ Х.

Отчего же нѣтъ? Онъ поучаетъ и поучаетъ непогрѣшимо всѣхъ, имѣющихъ ложные взгляды. Было бы странно оспаривать у папы право сообщать безусловную истину одному отдѣльному лицу, или десяти, сотнѣ человѣкъ; чрезъ одного онъ поучаетъ всѣхъ; то, что есть догматическая или нравственная истина для одного,— истина и для милліоновъ. Кирѣевъ.

[2]) Всегда были люди, примѣнявшіе къ себѣ это выраженіе и шедшіе своими путями. Время ихъ ужъ смыло, снесло, или сдѣлаетъ это. Отецъ Х.

мѣнно будетъ говорить именно такъ [1]), какъ я представляю. Нельзя же повѣрить, чтобы человѣкъ, имѣющій возможность *быть* всегда *правымъ*, вѣрящій въ это свое свойство, не сталъ бы имъ пользоваться. Если онъ убѣжденъ въ своей правотѣ, то онъ станетъ дѣлать это optima fide, не заботясь о томъ, что логика низводится имъ къ нулю! Чѣмъ онъ серіознѣе будетъ относиться къ своимъ обязанностямъ, тѣмъ болѣе будетъ онъ пользоваться своимъ правомъ.

Развѣ не ясно, что эти такъ называемыя „гарантіи", будто бы помѣщенныя въ Constitutio dogmatica, не что иное какъ отводъ глазъ, какъ дѣтская игрушка (Blendwerk), изобрѣтенная для того, чтобы дѣйствовать на умы простодушныхъ дѣтей, чтобы дешевою цѣною успокоивать, закупать ихъ умъ и совѣсть. Не надо забывать, что условіе „ex cathedra" выдумка совершенно новая; въ древности о ней и не слыхивали. Въ Евангеліи о ней, конечно, нѣтъ ни полуслова; можно ли серіозно на нее ссылаться?! Папа долженъ будто бы говорить ex cathedra, когда обращается ко всей Церкви. Гдѣ это написано? Развѣ папы первыхъ десяти столѣтій упоминали объ этомъ когда нибудь въ своихъ буллахъ? Болѣе того: безспорно важнѣйшими документами въ Церкви, послѣ Евангеліи, являются Посланія. Есть-ли тамъ хоть іота о какихъ бы то ни было условіяхъ, хоть намекъ на то, что Посланія должны быть обращены ко всей Церкви, а что иначе они теряютъ значеніе? Почти во всѣхъ посланіяхъ прямо обозначено, что такое то Посланіе обращено къ какой нибудь отдѣльной Церкви, общинѣ, *даже къ одному лицу*. Только сумасшедшій можетъ увѣрять, что Посланія имѣютъ болѣе или менѣе значеніе, смотря потому къ какому

[1]) Г. Кирѣевъ упускаетъ изъ виду, что логическая послѣдовательность сохранилась только въ Католической церкви, и, если ему угодно, еще у соціалистовъ, больше нигдѣ.

Отецъ Х.

числу лицъ они обращены! Развѣ Посланія стали уже менѣе важны, нежели папскія буллы? Развѣ заключающееся въ нихъ ученіе уже не обязательно?! Дѣло зависитъ вовсе не отъ *числа лицъ*, къ которымъ обращается папа, а отъ содержанія рѣчи; если я не ошибаюсь, это условіе *(или гарантія)* ex cathedra изобрѣтено только въ концѣ XVI столѣтія. Если папа говоритъ о нравственности или догмѣ, то онъ говоритъ ex cathedra, говоритъ, какъ вице-Богъ и говоритъ ко всей Церкви. Это такъ логично, что и возражать противъ этого невозможно. Одинъ мой соотечественникъ—полукатоликъ, которому я однажды противопоставилъ эти доводы, послѣ минутнаго размышленія отвѣчалъ мнѣ: „Въ теоріи [1]) вы, можетъ быть, правы, но на практикѣ здѣсь затрудненія нѣтъ, такъ какъ папа непогрѣшимъ. Если онъ остается при своемъ мнѣніи (каково бы оно ни было) и даетъ ему санкцію ex cathedra, санкцію оффиціальности, то каждое его воззрѣніе будетъ справедливо!“ Прибѣгнетъ ли мой теперешній болѣе опытный оппонентъ къ такому характерному petito principii, я не знаю, но что подобный способъ доказательства не выдерживаетъ критики,—это ясно! Какъ выше сказано, я въ этомъ письмѣ не доказываю ложности новаго догмата, я хочу только *выставить личный характеръ* признанной за папой непогрѣшимости и выяснить ничтожность такъ называемыхъ гарантій (А вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуть и аргументацію „либеральныхъ“ сторонниковъ Рима).

Патеръ X. говоритъ, что не понимаетъ, почему я не *хочу отдѣлить лица* папы отъ *его сана?* Да по той простой причинѣ, что отъ этого *лица зависитъ надѣвать по усмотрѣнію свой оффиціальный мундиръ* (свое ex cathedra); отъ него всегда и вполнѣ зависитъ подкрѣпить свое мнѣніе своей безграничною властію! Срав-

[1]) Теорія эта очевидна *ложная.* Отецъ X.

неніе непогрѣшимаго папы у патера Х. съ судьею мнѣ совершенно непонятно. Онъ говоритъ: „Судья можетъ высказывать свое частное мнѣніе по какому-нибудь вопросу. Это будетъ болѣе или менѣе важнымъ указаніемъ для тяжущихся сторонъ, но обязателенъ *только* его приговоръ, *какъ судьи* (когда онъ говоритъ, *какъ лицо оффиціальное)*. Папа по вопросу еще нерѣшенному, *но находящемуся въ связи съ догматомъ*, можетъ дать мнѣ даже *оффиціальное* указаніе (Berichtgung). Это будетъ *важнымъ* указаніемъ, но не болѣе. Я не буду еретикомъ, если откажусь слѣдовать этому указанію, доколѣ отъ меня оффиціально не потребуютъ отказаться отъ своего мнѣнія. Почему, продолжаетъ патеръ Х., г. Кирѣевъ именно относительно папы не хочетъ дѣлать различія между лицомъ и саномъ, которое, однако, всѣми принимается, какъ не подлежащее спору?! Удивительный способъ защиты! Неужели о. Х. не видитъ, что судья *есть рабъ закона; законъ*, какъ бы судья ни находилъ его неразумнымъ, невѣрнымъ, *есть его господинъ*, *стоитъ выше его*; онъ измѣнить его *не можетъ* [1]) У папы дѣло поставлено совершенно наоборотъ. *Онъ* съ 1870 г. стоитъ выше закона; *что ему по душѣ, что ему нравится, то онъ и считаетъ справедливымъ, а что онъ считаетъ справедливымъ, то и законъ* (или можетъ имъ въ одинъ мигъ быть превращено въ законъ!). Для папы не существуетъ никакого кодекса, который бы его ограничивалъ! Говорятъ, что папа, тѣмъ не менѣе, *„по произволу“* дѣйствовать не станетъ. Онъ все же вопросъ обсудитъ, посовѣтуется со своимъ разсудкомъ, со своею совѣстію и т. д., и т. д... Конечно, но это ничуть не измѣняетъ дѣла. Произволъ и воля въ совѣсти папы совпадаютъ, вполнѣ тождественны, такъ какъ онъ *всемогущъ (omnipotent)*. Пусть онъ много или мало раздумываетъ, прежде чѣмъ высказаться, —

[1]) Не вѣрно! Патеръ Х.

результатъ остается одинъ и тотъ же; и эта „гарантія“ попрежнему равна нулю, остается ничѣмъ. И при этомъ папа дѣйствуетъ „optima fide“ вполнѣ добросовѣстно. Разсмотримъ вопросъ ближе, съ психической точки зрѣнія. Судья находитъ для себя категорическій императивъ не въ своихъ воззрѣніяхъ, не въ себѣ самомъ, не въ своемъ собственномъ внутреннемъ „я“, а въ иномъ мѣстѣ [1]), именно въ *волѣ другого лица, давшаго законъ*; быть можетъ, онъ съ волей, съ воззрѣніями этого другого лица не согласенъ; быть можетъ, онъ жаждетъ возможности провести *свои* воззрѣнія, такъ какъ онъ сознаетъ ихъ истинность, равно какъ и „невѣрность“ воззрѣній, изложенныхъ въ кодексѣ; онъ безусловно убѣжденъ въ этомъ, но разъ ему приходится говорить, дѣйствовать какъ судія, онъ *долженъ* покориться горькой необходимости, *долженъ* примѣнять взгляды кодекса, такъ какъ не имѣетъ *ни права, ни возможности* противустать ему. *Его* долженъ онъ примѣнять на дѣлѣ, а не *свои воззрѣнія!* А какъ поставлено *дѣло у папы? У него не можетъ быть* и рѣчи о какомъ-либо раздвоеніи воли, какъ у судьи. Положеніе дѣла, представляющееся уму отца Х., невозможно. Если папа убѣжденъ въ истинности своего взгляда, то откуда могутъ взяться затрудненія, колебанія? Лишь въ его собственномъ умѣ, а не индѣ. Вѣдь онъ самъ и законодатель и судья. Судья можетъ думать: законъ невѣренъ, неразумѣнъ, противенъ нравственности и т. д., но я *долженъ* этому закону покоряться, потому что я *не законодатель*. А что происходитъ въ совѣсти папы? *Если что-нибудь въ установленномъ правѣ не по немъ, то онъ просто видоизмѣнитъ это существующее право.* Что можетъ удержать его отъ этого? Не мысль ли, что

[1]) У папы есть также свои опредѣленные директивы, какъ у каждаго судьи. Патеръ Х.

Положимъ, но эти директивы онъ придумываетъ и одобряетъ самъ! Кирѣевъ.

его, папы, воззрѣніе не согласно съ истиною? Это психологически невозможно, такъ какъ то, что̀ ему *кажется* истиннымъ, то для него и *есть* истинно! Если-же онъ придетъ къ заключенію, что воззрѣніе его ложно (не согласно съ истиной), то онъ просто приметъ воззрѣніе противоположное и немедленно проведетъ это новое мнѣніе въ жизнь. Вѣдь онъ все-таки при этомъ останется законодателемъ и вершителемъ всего дѣла! Съ этого момента *это его новое воззрѣніе будетъ безусловно истиннымъ*, какъ раньше было истиннымъ мнѣніе противоположное. Теперь *оно* будетъ для всего римско-католическаго міра безусловною истиною, *оно* должно быть провозглашено. Для чего папа станетъ молчать? Я скажу болѣе: какъ онъ можетъ молчать?! Оппортунистическія основанія годятся для политики, а не для религіи! Можно ли вообразить, что божественная истина въ какое-либо данное время могла быть безполезною, не говоря уже — вредною?! Это было бы богохульствомъ! (Она можетъ быть непонятною, а не безполезною!). Отецъ Х. приводитъ въ примѣръ вопросъ о состояніи душъ по смерти, который долго не былъ догматически установленъ. Но что доказываетъ этимъ патеръ Х.? Я вѣдь не отрицаю, что существуетъ много вопросовъ, рѣшеніе которыхъ можетъ представлять интересъ, но которые находятся еще въ колебаніи. У папъ, какъ и у другихъ людей, вопросы эти могутъ быть не уяснены въ ихъ собственномъ сознаніи; но съ того момента, какъ кому-нибудь изъ нихъ придетъ въ голову, что онъ усмотрѣлъ истину, понялъ ее... ему уже ничто не помѣшаетъ эту имъ открытую, усмотрѣнную истину и провозгласить, „опредѣлить!“ Его колебанія могутъ состоять только въ томъ, что ему самому дѣло не представляется яснымъ; но если ему покажется, что онъ пришелъ къ окончательному результату, хотя бы самому нелѣпому, то онъ тотчасъ же и провозгласитъ догматъ! Онъ даже *обязанъ его*

провозгласить [1]). Онъ былъ бы преступникомъ, если бы этого не сдѣлалъ, если бы лишилъ человѣчество возможности воспользоваться новою истиною...

Далѣе: говорятъ, „папа признанъ непогрѣшимымъ безъ согласія церкви съ 1870 г.; прошло, значитъ, уже много лѣтъ, и однако же у насъ нѣтъ ни одного новаго догмата". Во-первыхъ, это не совсѣмъ такъ. Правда, догмать о необходимости возвратить папѣ „наслѣдіе Петрово" еще опредѣленъ не былъ [2]); но нѣкоторые намеки въ этомъ направленіи уже были даны (Вѣдь ужъ у Баронія имѣется для сего отличный матерьялъ) [3]). Онъ возстаетъ на еретичность людей, посягающихъ на свѣтскій мечъ Рима „gladium auferunt". Дѣло здѣсь не въ фактѣ провозглашенія новаго догмата, но въ *правѣ* такіе факты создавать. Самое ужасное тутъ — это та *Дамоклова догматика*, которая теперь каждую минуту, и притомъ вполнѣ законно, можетъ перевернуть всю прежнюю, старую догматику, какъ это и случилось уже въ 1870 г. Въ этомъ и заключается невозможность принятія *новаго догмата*. Конечно, простодушные дѣтскіе умы могутъ утѣшаться тѣмъ, что де Святый Отецъ не станетъ же предпринимать что нибудь дурное [4]); да! Но простодушныя дѣти становятся все рѣже, *они растутъ*.

Но еще одно слово (о диссидентахъ отъ римской каѳедры!). Отецъ Х. пренебрежительно отзывается о

---

[1]) На всѣ эти разсужденія доселѣ нельзя ничего возразить вкратцѣ, ибо они основаны на совершенно превратныхъ воззрѣніяхъ на Церковь, ея организмъ, ея образъ вѣрованія, учительства, рѣшенія вопросовъ и т. д. Отецъ Х.

[2]) Хотя тѣ, которые посягнули на это наслѣдіе дѣломъ или даже словомъ, преданы анаѳемѣ, т. е. лицами, отлученными отъ Церкви.

[3]) И безъ Баронія каждый католикъ знаетъ, что Церковь имѣетъ не одну только духовную власть. Отецъ Х.

[4]) Потому что Святый Духъ руководитъ Своею Церковію. Кто не можетъ вѣрить въ Его воздѣйствіе, тотъ пусть причисляетъ себя ко взрослымъ. Отецъ Х.

такъ называемыхъ (зачѣмъ это *такъ*, я нахожу: съ полнымъ правомъ *называемыхъ*) *старокатоликахъ*. Онъ говоритъ, что я не долженъ бы о нихъ упоминать. Почему же нѣтъ? Вопросъ о правѣ старокатоликовъ называться *старыми* было бы легко рѣшить, *если бы мой оппонентъ имѣлъ къ тому охоту;* относящіяся сюда данныя легко провѣрить, все старокатолическое движеніе происходило вѣдь публично, „coram populo", и самые виновники движенія еще по большей части находятся въ живыхъ. Я имѣю честь быть съ ними знакомымъ, и знакомство это я причисляю къ лучшимъ воспоминаніямъ моей жизни. И такъ какъ я ихъ дѣйствительно *знаю*, то я позволяю себѣ думать, что патеръ Х, ихъ *не* знаетъ, а то бы онъ не сталъ такъ легко произносить о нихъ такое неосновательное сужденіе [1]). Что касается собственно Деллингера, то я полагаю, что отцу Х. было бы крайне затруднительно указать, въ чемъ это онъ себѣ противорѣчитъ. Именно, *потому, что онъ не хотѣлъ и не могъ стать съ собою въ противорѣчіе*, онъ и отвергъ догматъ непогрѣшимости, такъ какъ впродолженіе 47 лѣтъ своего профессорства онъ преподавалъ и доказывалъ своимъ ученикамъ именно его неосновательность (при полнѣйшемъ одобреніи высшихъ католическихъ властей). Впрочемъ, вѣдь еслибы онъ въ какомъ-нибудь отношеніи и сталъ съ собою въ противорѣчіе, то это для о. Х. не должно бы служить камнемъ соблазна. Развѣ неизвѣстны ему высокіе, всѣмъ извѣстные, того примѣры? Развѣ забылъ онъ Retractationes Августина (напр. о томъ, какъ надо понимать слова Христовы, обращенныя къ Петру?). Развѣ онъ забылъ другой высокій примѣръ—папы, который, чтобъ изви-

[1]) Къ сожалѣнію, я этихъ людей прекрасно знаю, какъ теоретически, по ихъ сочиненіямъ, такъ и практически, такъ какъ я часто имѣлъ случай видѣть образъ дѣйствія австрійскихъ старокатоликовъ Поэтому я, быть можетъ, могу о нихъ лучше судить, чѣмъ г. Кирѣевъ. Отецъ Х.

нить свои догматическія противорѣчія, тоже ссылается на Августина и ап. Петра! [1]) Если бы патеръ Х. пожелалъ, онъ легко бы могъ убѣдиться, что догматы *старо*католиковъ суть именно догматы *старой* нераздѣльной Церкви первыхъ вѣковъ, и что посему носители этихъ догматовъ имѣютъ неоспоримое *право* на свое имя (*старо*католики). Патеру Х. было бы *весьма затруднительно* доказать, что люди, принимающіе ученіе и догматы семи Вселенскихъ соборовъ (коихъ каноны, согласно ошибочной, конечно, теоріи куріи, были *утверждены* папами), вѣруютъ не „каѳолично!“ [2]). Во всякомъ

[1]) Папа Вигилій, чтобы объяснить свои противорѣчія, ссылается на Августина, который „scripta propria retractasse, dictaque sua correxisse“ (Собственныя писанія осуждалъ, и слова свои исправлялъ). Quae vero *aut a me*, aut ab aliis ad defensionem trium capitulorum facta sunt praesentis hujus scripti nostri definitione *ea*, *cuatus* (что же или мною, или другими сказано въ защиту трехъ статей, мы опредѣленіемъ настоящаго сего нашего писанія *упраздняемъ* (Epist. ad Eutychium (Mansi IX. 413). Но во всемъ этомъ оказывается виноватъ діаволъ: Scandala, quae humani generis inimicus in universo mundo excitavit, nullus ignorat: adeo ut unum quemque propositum suum ad subvertendam Dei Ecclesiam quocumque modo implere satagentem, non tantum suo nomine, *sed etiam nostro* atque aliorum diversa tum loquendo, tum scribendo componere *impulerit* и т. д. (Соблазны, которые врагъ рода человѣческаго произвелъ во всей вселенной, никому не безызвѣстны: до такой степени, что онъ не только самъ тщательно старался всячески привести въ исполненіе всякій свой замыселъ, клонящійся къ разрушенію Церкви Божіей, но побуждалъ и другихъ, и даже насъ, помогать ему въ этомъ дѣлѣ и словомъ и писаніемъ. И такъ, во всемъ виноватъ діаволъ, но вотъ явился Христосъ „omni confusione *a mentibus nostris remota*... По удаленію всякаго смущенія отъ умовъ нашихъ)... Ecclesiam ad pacem revocavit“... (и возвратилъ Церковь къ миру)... и т. д. Развѣ это не характерно и не ясно? Въ виду же столь высокихъ примѣровъ патеру Х. слѣдовало бы относиться поснисходительнѣе къ несуществующимъ ретракціямъ и противорѣчіямъ Дёллингера.

[2]) Съ такимъ же правомъ могли бы старокатолики назваться и всѣ тѣ, кои не приняли бы одного изъ семи Соборовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что на соборахъ опредѣлено нѣчто новое, а они своихъ епископовъ къ этому не уполномочивали. Отецъ Х.

случаѣ, *никто* еще не отваживался на это съ успѣхомъ! (лучшимъ примѣромъ такой безуспѣшности можетъ служить Anti-Janus). Если бы г. Х. захотѣлъ сослаться на извѣстныя отношенія старокатоликовъ къ свободомыслящимъ англиканамъ, то необходимо помнить, что отношенія эти не суть догматическаго характера. О. Х. могъ бы припомнить другой примѣръ, примѣръ папы, находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ съ аріанами. Старокатолическая церковь *стара* въ своихъ *догматахъ*, но въ одномъ смыслѣ она еще созидается, а именно: богословы ея изучаютъ свои *отношенія* къ другимъ церквамъ. Тутъ нѣтъ противорѣчія [1]).

Какъ извѣстно, Дёллингеръ много разъ предлагалъ подвергнуть ватиканскіе тезисы совмѣстному обсужденію съ какимъ-нибудь богословомъ-инфальибилистомъ; но это добросовѣстное предложеніе принято не было. А почему? Это было бы легкимъ и удобнымъ способомъ выяснить вопросъ? Дёллингеръ въ томъ случаѣ, если бы ему доказали правоту Ватикана, былъ готовъ принять его постановленія. Брани было много; но никто изъ инфальибилистовъ не осмѣлился поднять брошенной перчатки.

Согласно обѣщанію патера Х., я позволяю себѣ просить его назвать мнѣ какое-нибудь сочиненіе (написанное послѣ 1870 г.), гдѣ бы воззрѣнія ватикани-

[1]) Г. Кирѣевъ! Что за логика! Это—старая католическая Церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ ново-основанная, только что еще созидается! Ея великіе люди только что изучаютъ прочія церкви!

Отецъ Х.

Да; они желаютъ возстановить единство своей Церкви съ нашей и изучаютъ условія, при которыхъ это было бы возможно То, что Римъ напортилъ за тысячу лѣтъ, они не могутъ исправить въ два десятилѣтія, дѣло необходимо *изучить* всесторонне, обдумать его; а сколько различнаго рода сопротивленій встрѣчаютъ они, сколько недоброжелательства, индифферентизма. Нужно, напротивъ, удивляться тому, что уже и теперь кое что сдѣлано.

Кирѣевъ.

стовъ были доказаны наиболѣе убѣдительнымъ образомъ; это сочиненіе опровергнетъ не только мои воззрѣнія, но и воззрѣнія старокатоликовъ, такъ какъ мы относительно догматическаго богословія стоимъ на одной и той же почвѣ. Сочиненіе можетъ быть написано понѣмецки, по-французски, по-латыни, по-англійски, поитальянски, или по-польски. Два-три русскихъ сочиненія, посвященныхъ защитѣ ватиканскаго догмата, мнѣ извѣстны; въ нихъ больше злобы и презрѣнія къ моей Церкви, нежели знанія и добросовѣстности. Сочиненіе, которое я прошу патера Х. мнѣ указать, должно будетъ доказать слѣдующіе тезисы, и доказать съ совершенной ясностью [1]).

I. Что Спаситель, заповѣдавъ апостолу Петру утвердить въ вѣрѣ братій своихъ, далъ ему особое преимущественное право учительства, далъ ему не только большую, но и совершенно особенную непогрѣшимую силу и власть учительства, сравнительно съ остальными апостолами (даже съ Павломъ, Іаковомъ и Іоанномъ). Чѣмъ и было бы положено основаніе непогрѣшимости учительства [2]).

II. Что св. апостолъ Петръ былъ самимъ Христомъ поставленъ *непогрѣшимымъ главою* Церкви и что онъ прочими апостолами признавался за такового.

III. Что *это исключительное право* перешло *исключительно* на преемниковъ (?) Петра (а не другихъ апостоловъ) и *исключительно* на римскихъ, а не другихъ какихъ либо (напр. антіохійскихъ) епископовъ.

IV. Что *все это* есть de jure divino (не ecclesiastico) и

---

[1]) Вѣдь такой важный догматъ, какъ непогрѣшимость папы, который не только ниспровергаетъ древнее устройство Церкви, но еще полагаетъ всей этикѣ Римско-Католической церкви совершенно новое основаніе, дѣлая волю папы основаніемъ этой этики, такой догматъ, думаю я, долженъ быть яснымъ.

[2]) Это доказано въ несчетныхъ сочиненіяхъ; напр. Геттингера Schreiben an Natalis Alexander etc.

совершилось согласно точно выраженной волѣ Спасителя.

V. Что выдающееся положеніе и неоспоримыя права первенства (inter pares) Римскаго папы логически ведутъ за собою (подразумѣваютъ) и его непогрѣшимость. Что древняя власть приматства и новѣйшая непогрѣшимость другъ отъ друга не отличаются ни количественно, ни *качественно*.

VI. Что папа можетъ „опредѣлять“ догматы „sine consensu Ecclesiae“, а не наоборотъ „Ecclesia sine consensu papae“.

VII. Что не отъ папы зависитъ (что онъ не можетъ не имѣть права), по своему благоусмотрѣнію, по своему желанію сообщать тому или другому изъ своихъ мнѣній характеръ каѳедральный и превращать ихъ въ догматы. Что противъ подобнаго образа дѣйствія папы въ Constitutio dogmatica имѣются прочныя, ясно выраженныя гарантіи съ указаніемъ кто или что имѣетъ право и возможность удержать отъ всего этого папу?

VIII. Что все это было принимаемо и признаваемо всѣми, всегда и вездѣ (semper, ubique et ab omnibus creditum est).

Этимъ, полагаю, я могу заключить нашу полемику. Я не знаю, показались ли вамъ мои отвѣты достаточно ясными и правильными. Что касается меня, то переписка эта была для меня очень полезна: она показала мнѣ новѣйшіе и лучшіе доводы и основанія, на какіе можетъ опираться инфалльибилизмъ въ такомъ (позволю я себѣ думать) отчаянномъ положеніи, какъ его.

Вышеупомянутаго сочиненія я буду ожидать съ большимъ нетерпѣніемъ; и во всякомъ случаѣ прошу васъ передать моему уважаемому оппоненту мою искреннюю благодарность, такъ какъ ему не могла быть особенно интересна полемика съ міряниномъ и самоучкой!

Кирѣевъ.

29-го декабря 1890 г.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я уже сказалъ, что центръ тяжести каждаго (также и будущаго) спора между сторонниками Ватикана и всѣми прочими христіанами находится въ новомъ догматѣ папской непогрѣшимости. Всѣ другіе пункты различія играютъ отнынѣ роль второстепенную, отступаютъ, передъ нимъ на задній планъ, такъ какъ этотъ новый догматъ и есть квинтэссенція, логическій, окончательный расцвѣтъ романизма и, sit venia verbo, его— reductio ad absurdum.

Послѣднее и самое важное замѣчаніе моего оппонента [1]) состоитъ въ слѣдующемъ: „Я твердо убѣжденъ, что и такое произведеніе (Hefele, Hettinger и т. д.) не убѣдитъ генерала Кирѣева. Чтобы составить сужденіе объ этихъ вопросахъ, надо углубиться въ исторію Церкви. Въ особенности въ исторію соборовъ (!). Надо жить и чувствовать вмѣстѣ съ Церковію, а этого ген. Кирѣевъ сдѣлать не въ состояніи (?). Съ своей точки зрѣнія православнаго и Русскаго, онъ можетъ къ Католической церкви питать только враждебность и принужденъ всюду подыскивать оправданія для своихъ мнѣній, а это затемняетъ зрѣніе. Отсюда происходятъ поиски за благодарными (съ его точки зрѣнія) сторо-

[1]) Оно служитъ послѣднимъ и какъ бы самымъ вѣскимъ критическимъ поясненіемъ, сдѣланнымъ на поляхъ моего письма.

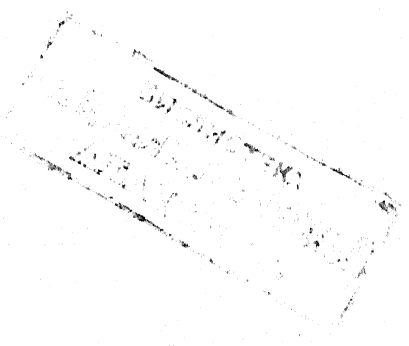
нами Церковной исторіи; радость, когда вообразятъ, что нашли, наконецъ, нѣчто подобное; отсюда происходитъ также странная, на первый взглядъ, симпатія, которую чувствуютъ другъ къ другу люди, обыкновенно стоящіе на различной почвѣ, когда они ратуютъ противъ Церкви, напр., янсенисты, старокатолики, Русскіе протестанты всякаго калибра и т. п. Но величественный организмъ Католической Церкви расширяетъ кругозоръ членовъ ея. У другихъ это иначе".

Мой уважаемый оппонентъ говоритъ, какъ приличествуетъ римско-католическому духовному лицу: онъ не щадитъ своихъ противниковъ. Его professio fidei ясна и звучитъ, какъ объявленіе войны! Пусть такъ! Я сознаюсь, что мнѣ гораздо пріятнѣе вести полемику *съ такимъ* противникомъ, нежели съ сентиментальными господами, которые не имѣютъ мужества сказать: „Мы враги!" впрочемъ эта сентиментальность большею частью лишь іезуитская маска, служащая для уловленія простодушныхъ. Да, къ сожалѣнію, мы враги, и останемся таковыми, доколѣ Римъ будетъ стоять на своемъ нынѣшнемъ основаніи, удерживать свои настоящіе принципы. Долго ли можетъ это продолжаться? Выдержитъ ли *мыслящее* человѣчество новый догматъ? *Можетъ ли оно* его выдержать? Нѣтъ! Эту опасность видятъ инфалльибилисты; они понимаютъ трудность положенія и желали бы „притупить остріе" у новаго догмата, затушевать его логическіе результаты, для вида—отречься отъ нихъ; они понимаютъ, что если догматъ этотъ, ведущій къ полному отрицанію человѣческаго достоинства и свободы, будетъ предложенъ человѣку не замаскированнымъ—человѣкъ отъ него отвернется (какъ это сдѣлали старокатолики). *Вотъ* причина, почему ватиканисты совсѣмъ умалчиваютъ объ этомъ догматѣ, или показываютъ его только подъ густымъ покрываломъ, во всякомъ случаѣ, per fas et nefas, умаляютъ его значеніе. *Но это имъ удастся не можетъ*! Именно это и

было главнымъ положеніемъ моихъ писемъ; предоставляю моимъ читателямъ рѣшить, остался ли я при этомъ вѣренъ логикѣ, вѣрны ли мои цитаты и доказалъ ли я мои положенія!

Александръ Кирѣевъ.

Павловскій Дворецъ.
25 марта (Благовѣщеніе) 1891 г.



Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе къ переводу	5
Предисловіе ко второму изданію	16
Вступленіе	19
Письмо мое къ господину N*** (въ извлеченіи)	24
I Письмо Патера Х. (въ извлеченіи)	26
Отвѣтъ на I-ое письмо Патера Х.	28
II. Письмо Патера Х. (въ извлеченіи)	42
Отвѣтъ на II письмо Патера Х.	45
III. Письмо Патера Х. (въ извлеченіи)	60
Отвѣтъ на III письмо Патера Х.	63
IV. Письмо Патера Х. (въ извлеченіи)	75
Отвѣтъ на письмо Патера Х.	78
Заключеніе	108

Фарраръ Ф. В. Голосъ съ Синая. Вѣчное основаніе нравственнаго закона. Духовно-нравственныя бес. Подъ ред. Ф. С. Комарскаго. Спб., 1894 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р.

— Искатели Бога. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго (съ рис.). Спб., 1898 г., ц 1 р 50 к, въ пер. 2 р.

— Раскаяніе — основаніе нравственнаго совершенства. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Спб., 1898 г., ц. 2 р., въ изящн. коленк. пер. 2 р. 50 к. *Мин. Нар. Просв. допущена въ учен. библ. средн. учебн. зав.* (4 февраля 1903 г, № 4099).

— Семейный очагъ. Мужчина и женщина. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1898 г., ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р. *Мин. Нар. Пр. допущена въ учен. библ. средн учеб. зав. Министерства (4 февр 1903 г. № 4099).*

— Сила добраго вліянія—результатъ правильн. воспитанія. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англійск. Ф. С. Комарскаго Въ 2 ч. Спб., 1898 г., ц. 2 р. 50 к., въ изящн. коленк. перепл. 3 р. *Министр. Народн. Просв. допущена въ ученич. библ. среднихъ учебныхъ завед. Министерства* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Христіанская отвѣтственность. Бесѣды о нравственности. Съ англ Ф. С Комарскаго. Спб., 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. *Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебн. завед. Мин.* (4 февраля 1903 г., № 4099).

— Христіанскіе труженики. Съ англ Ф. С. Комарскаго. Спб., 1898 г , ц. 60 к., въ коленк. перепл. 1 р.

— Молитва, какъ средство къ утоленію печали. Спб., 1888 г., ц. 10 к.

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниговск. Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего Іисуса Христа. Съ портр. автора Въ 2-хъ част. Изд. 3-е. Спб., 1884 г., ц. 3 р., въ кол. пер. 4 р.

— Гласъ Божій къ грѣшнику. Спб., 1891 г., ц. 30 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. одобрено для ученич. библ. средн. и низш. учебн. заведеній* (2 сент 1884 г, № 12959).

— Житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія, славянскихъ просвѣтителей. Въ память тысячелѣтія. Спб., 1885 г , ц. 10 к.

— Житіе св. Митрофана, епископа Воронежскаго. Съ изображеніемъ. Спб. 1904 г, ц 10 к.

— Историческое ученіе объ отцахъ Церкви, въ 3 том. (860 стр.). Спб., 1882 г., ц. 5 р., въ коленк. пер. 6 р. *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. рекомендована для фундам. библ. средн. учебн. заведеній.* Внесена въ Справочный каталогъ книгъ *для библіотекъ церковн. школъ.* Спб. 1900 г., стр. 48-я.

Филаретъ (Гумилевскій) архіеп. Черниговск. Историческое ученіе объ отцахъ Церкви (въ сокращеніи). Черниговъ, 1864 г., ц. 1 р. 25 к.

— Исторія русской Церкви. Изд. 6-е. Большой томъ въ 840 стр Спб , 1894 г., ц 3 р , въ изящн. коленк. переп. съ золот. тисн. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фундам. и учен., старш возр., библ среди учебн. зав.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житія святыхъ подвижницъ Восточной Церкви. Изд. 3-е ,съ изображ. св. подвижницъ, академ Ѳ. Г Солнцева Спб., 1898 г., ц. 1 р. 50 к , въ изящн. коленкор. перепл. 2 р. 25 к. *Ученымъ Комитет. Министр. Народн. Просв. одобрено для фундамент. и ученическ., старшаго возраста, библіотекъ средн. учебныхъ заведен.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

— Житія святыхъ, чтимыхъ православной Церковью. Съ изображ. святыхъ и праздн. акад Ѳ. Г. Солнцева На русскомъ языкѣ, за круглый годъ, 12 мѣсяцевъ: Январь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1900 г., ц. за всѣ 12 кн. 15 руб , въ роск. коленк. пер. въ 6 кн 20 р., въ 12 кн. 24 р. *Мин. Народ. Просв внесена въ каталогъ книгъ для безплатн народныхъ читаленъ и для ученич. библ. средн. учебныхъ завед. Мин Нар. Просв.* Стр кат. 17-я, 1897 г.

— Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой Церкви. Изд. 3-е, съ дополн. Спб , 1902 г., ц 1 р 50 к. *Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущена для библ. средн. и низшихъ учеб. зав. и въ безплат. нар. чит. и библ* (1 іюня 1903 г., № 17109).

— Обзоръ русской духовной литературы. Изд. 3-е, съ поправк. и дополн. автора. Спб.,1884 г., ц. 3 р.,въ кол. пер. 4 р. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобр. для фунд. и ученич., старш. возраста, библіот. средн. завед.* (25-го ноября, 1898 г., № 28740).

— Опытъ объясненія на посланіе ап. Павла къ галатамъ. Черниговъ, 1862 г., ц. 75 к.

— Православное догматическое бого-

словіе. 2 т Изд. 3-е. Спб, 1882 г, ц. 3 р, въ коленк. пер. 4 р. *Учеи. Ком. Мин. Нар. Просв рек. для фунд. библ. ср. уч. зав.*

Филаретъ (Румилевскій) архіеп Черниг. Святые южныхъ славянъ. Описаніе жизни ихъ. Съ изобр свят акад О Г. Солнцева Спб., 1893 г, ц 1 р. 50 к, въ изящн. пер. 2 р. 50 к *Учеи. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундам. и ученич, ст. возр, библіот средн. учебн. завед.* (25 ноября 1898 г., № 28740.

— Слова, бесѣды и рѣчи. Въ 4-хъ ч. Изд. 3-е Спб., 1883 г, ц. 3 р. 50 к, въ роск. пер 4 р. 50 к *Учеи Ком. Мин Нар Просв одобр. для фунд библ. средн учебн завед.* (25 ноября 1898 г, № 28740).

— Ученіе евангелиста Іоанна о Словѣ. Черн., 1869 г, ц. 1 р 25 к.

Хергозерскій, А. Обозрѣніе пророч. книгъ Ветх. Завѣта Изд 4-е, исправл. Спб, 1899 г, ц. 1 р *Прил учебн. рук по Св. Пис. въ дух. сем.* («Церк Вѣстн.» 1875 г., № 22 и 1880 г., № 43).

Хитровъ, М И., прот. Древняя Русь въ великіе дни. Съ рис въ текстѣ. Спб., 1899 г, ц. 30 к. *Учебн Ком при Св. Сѵн. одобрена для ученич. библ. дух сем, муж. дух. и женск. епарх. уч.* («Церк. Вѣд.», № 49-й 1899 г).

Христіанскія размышленія на каждый день мѣсяца. Спб., 1904 г., цѣна 10 к.

Чепурковскій, Д. В. Подготовка къ вѣчному блаженству Спб, 1891 г., ц. 20 к

Шарбонель. В. Жажда жизни. Философско-нравствен. разсужденіе. Съ фр. Ф. С Комарскій. Спб., 1898 г., ц. 1 р.

Шаффъ Ф., д-ръ и проф. богосл. Іисусъ Христосъ — чудо исторіи. Соч., заключающее въ себѣ опроверженіе ложныхъ теорій о лицѣ Іисуса Христа, и собраніе свидѣтельствъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его, со стороны невѣрующихъ. Изд. 3-е Спб., 1896 г., ц. 1 р., въ кол изящн пер. 1 р. 75 к *Учеи. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено для фундам. и учеи., старш. возраста, библ. средн. учеб. заведеи.* (25 ноября 1898 г., № 28740).

Ширковичъ, С., свящ. Церковно-славянскій словарь. Пособіе при чтеніи и разборѣ свящ. и богослужебныхъ книгъ (Для духовн. учил. и др. школъ). Изд 4-е, вновь испр и дополн. Спб., 1904 ц 15 к *Внесена въ кат книгъ д употр. въ шк учил вѣд Мин. Н Просв., для безпл. народи чит*, с кат 4-я, 1897 г)

Шкабельниковъ и Петровъ. Знаки благотворит. обществъ и правила награ ними лицъ за оказ. помощь дѣлами б. готв. Съ рис. Спб, ц. 1 р

Ювачевъ, И Между міромъ и монастремъ Очерки и разсказы. Спб., 1903 ц 50 к. Содержаніе: Въ затворѣ.—Т дня у иноковъ. — Лечебница души. Монастырская работа. — Въ трап ной —Борьба съ родителями.—Смир ный — Что выше. любовь или пос шаніе? — Искушеніе. — Послушаніе Друзья — Обращеніе старовѣра. — пасѣкѣ. — Испытаніе. - Сестра В вара – Странникъ.—Исканіе пустын жительства

Яковлевъ, Ѳ Апокалипсисъ, съ оч комъ жизни св апостола и евангели Іоанна Богослова. Съ иллюстраціи худ. Г. Доре Изд. 2-е Спб. 1905 ц 1 р.

Ярославская, К. Л. (кн. Е В Льво Общедоступное чтеніе во время го нія Выбранныя мѣста изъ поуче св. Тихона Задонскаго, Евгенія, а епископа Могилевскаго, — Иннокен архіеп Херсонскаго — и протоіе Р Путятина. *Рек Уч. Ком Мин. Н Просв для библ гор и нар учил* И 5-е. Спб 1902 г, ц 15 к.

— Пасха Красная. Сборникъ для зидат. чтенія во дни Святой недѣ Одесса, 1898 г., ц. 80 к., съ пер. *Особ отд. Уч. Ком Мин. Нар. Пр дол въ ученическ библ средн. и нч учил. и въ безпл. нар. чит. и библі* (20 марта 1903 г, № 9500).

Ѳаворскій, Д, свящ. Православное х стіанское нравств. ученіе и совреи ная естественно-научная мораль. С 1900 г., ц. 15 к.

— Христіанскіе догматы о безсм души и воскресеніи мертвыхъ, въ с съ философ. возрѣн. на загроб жизнь человѣка. Спб., 1900 г., ц 3

Ѳома Кемпійскій. О подражаніи Хр Четыре книги. Перев. П. Мѣщанин Спб, ц 1 р., въ изящн. кол. пер. 50 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше проситъ прилаг по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ.

Требованія гг иногородныхъ исполняются съ первою почтою.